Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им. Ш. Марджани
Центр исследований золотоордынской цивилизации

В.В. Ушницкий

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

(ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ ПЛЕМЕН)

Казань – 2009

ББК 63.3
У 95

Серия «История и культура Золотой Орды»

Выпуск 9

Редактор издания:
кандидат исторических наук *И.М. Миргалеев*

У 95 ***Ушницкий В.В.*** **Средневековые народы Центральной Азии (вопросы происхождения и этнической истории тюрко-монгольских племен)**. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. – 116 с.

Монография посвящена вопросам происхождения и этнической истории кочевых племен Центральной Азии на рубеже VI–XIII вв. В работе обосновано мнение о единых корнях тюрко-монгольских племен. Исследование представляет интерес для специалистов по этногенезу тюрко-монгольских народов и истории Центральной Азии.

ISBN 978-5-9690-0112-1

© Ушницкий В.В., 2009
© Институт истории АН РТ, 2009
© Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009

Вступительное слово редактора

Предлагаемая монография посвящена вопросам происхождения и этнической истории кочевых племен Центральной Азии в средние века. В нем подробно рассматриваются исчезнувшие племена Центральной Азии, участвовавшие в дальнейшем в этногенезе позднесредневековых и современных тюрко-монгольских народов.

Указанные в работе племена Центральной Азии в той или иной мере участвовали в формировании средневековых татар Золотой Орды. Возникновение новых и распад старых кочевых образований подразумевает определенную этническую преемственность между ними. Так кимаки и кыпчаки как этносы возникли после распада Древнетюркского и Уйгурского каганата на основе племен, входивших в их состав. Одним из важных составляющих кимако-кыпчакского объединения представляются бома-алаты. Их этническая принадлежность и место проживания является предметом научных дискуссий. Племя канглы, имеющееся в составе почти всех тюркских народов, автор труда связывает не с древним Кангюем – государственным образованием на территории Средней Азии еще до н.э., а с кочевым этносом теле-гаогюй, обитавшего на территории Монголии.

Огромный научный интерес вызывают этническая принадлежность племен, проживавших на территории Монголии до возвышения Чингиз-хана. Племена татар, меркитов, найманов и кереитов принимали самое активное участие в становлении населения Золотой Орды и тюркских народностей, наследников этой славной державы.

Как известно, XI–XII века – самое темное время в истории Центральной Азии, языковая принадлежность племен, проживавших в это время на данной территории является одной из исторических загадок. В то же время их наследственность от более раннего тюркского периода в истории Центральной Азии не вызывает спора. Уход тюрков в западные степи вызвал заселение территории Центральной Азии шивей-мохэскими племенами Дальнего Востока и Забайкалья. Обычно шивейские племена ассоциируются с монголоязычным миром, но и тунгусо-маньчжуры имеют не меньшие исторические права на шивейские племена.

Переселившиеся в Центральную Азию шивейские племена вобрали в свою среду тюркское население и на историческую арену вышли новые племена татар, найманов, кереитов, монгол и меркитов. Эти новообразованные племена в этническом отношении представляли смешанное население, где-то преобладало тюркское начало, где-то

монгольское. Однако в политическом отношении монголы начали преобладать над тюрками и данное обстоятельство завершилось созданием Монгольской империи Чингиз-хана.

Монголы основывали свое этнополитическое устройство на богатом прошлом тюркского мира Центральной Азии. Возможно, некоторые племена, являясь в основе тюркскими, возглавлялись этническими монголами или же оказались под сильным влиянием монголов, например найманы, кереиты и меркиты. Как известно, больше всего тюркских элементов наблюдается в составе личных имен у найманов и кереитов[1]. А татары выступили прямыми продолжателями населения Тюркских каганатов с определенным монгольским влиянием. На это указывает и сообщение Рашид-ад-дина, что до возвышения монгол «вследствие силы и могущества татар … все тюркские племена называют татарами»[2].

Во время создания Монгольской империи многие племена оставили Центральную Азию. Татары переселялись не только в западном, но и в северном направлении. В якутском предании «Эллэйаде» говорится о переселении с Байкала предка якутов Татаар Тайме, отца Эллея-батура, от потомков которого произошло 9 якутских улусов, указывающего, на мой взгляд, на племя токуз-татар (девять татар). Часть татар вошла в состав хакасов, дав им самоназвание «тадар». Как указывают хакасские легенды, появление самоназвания «тадар» среди минусинских кыргызов связано именно с монгольскими завоеваниями[3].

Даже племя *кият* скорее всего имеет тюркское начало, а примкнувшие к ним монголы освоили систему разделения племен на подразделения в силу авторитета киятов среди кочевников (кият можно ассоциировать с тюркским племенем *каи*[4], которые во времена монгольского завоевания по преданиям ушли из территории государства Хорезмшахов в Анатолию и стали родоначальниками рода *османов*. Может именно поэтому Эвлия Челеби и называет *османов* также вшедшими из *татар*?). Рашид-ад-дин указывает, что кияты были и

---

[1] *Рассадин В.И.* Тюркские элементы в языке «сокровенного сказания монголов» // Тайная история монголов: источниковедение, история, филология. – Новосибирск, 1995. – С. 110.

[2] *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. – М.; Л., 1952. – С. 103.

[3] *Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И.* Хакасский исторический фольклор. – Абакан, 2001. – С. 36-37.

[4] Об этом впервые высказался Д.М. Исхаков во время обсуждения с ним данного вопроса.

особые[5] и дает сложную сиситему нирун – киятов[6]. По нашему мнению «нирун» есть монгольское название, а название «кият» сохранено от тюркского периода.

Бесспорно, этот сложный момент в этнической истории племен Центральной Азии (тюрко-монгольские контакты и превращение Центральной Азии в Монголию) еще не раз будет становиться предметом научных изысканий и дискуссий. С этого года в Казани, в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ стартует новая международная программа «Идель-Алтай: истоки евразийских цивилизаций», которая должна стать толчком к новым исследованиям истории и цивилизаций евразийских просторов. Издание данной монографии является вкладом Центра исследований золотоордынской цивилизации в работу данной программы.

Все издания Центра исследований золотоордынской цивилизации будут выходить под серией «История и культура Золотой Орды». Работа В.В. Ушницкого по счету будет девятым выпуском[7].

Данная работа подготовлена В.В. Ушницким по заказу Центра исследований золотоордынской цивилизации. В.В. Ушницкий работает научным сотрудником в секторе Археологии и этнографии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской Академии наук в городе Якутске. Василий Васильевич Ушницкий специализируется по теме этнической истории и этногенеза тюрко-монгольских народов, по средневековой истории племен Центральной Азии. В 2004 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Происхождение народа саха (по материалам исторических преданий)». Ему удалось выдвинуть до-

---

[5] Чингиз-хан выделял свой род от других киятов, его род назывался кият-буржигинами.

[6] *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. – М.; Л., 1952. – Т. 1., кн. 1. – С. 78-79; Т. 1., кн. 2. – С. 46.

[7] В первые выпуски входят следующие издания Центра: *Галиахметова Г.Г.* Ислам в Золотой Орде: традиции религиозного опыта. – Казань, 2007; *Миргалеев И.М.* Материалы по истории войн Золотой Орды с империей Тимура. – Казань, 2007; *Камалов И.Х.* Отношения Золотой Орды с хулагуидами. – Казань, 2007; *Марков А.К.* Монеты джучидов: Золотая Орда, татарские ханства. – Казань, 2008; *Чхао Чху-ченг.* Распад Монгольской империи. – Казань, 2008; *Варваровский Ю.Е.* Улус Джучи в 60–70-е годы XIV века. – Казань, 2008; *Селезнев Ю.В.* Элита Золотой Орды. – Казань, 2009; *Почекаев Р.Ю.* Право Золотой Орды. – Казань, 2009.

вольно оригинальные концепции о связи этногенеза саха со средневековыми племенами Байкальского региона.

Надеемся, что данная работа будет способствовать пониманию непростой этнической истории средневековой Центральной Азии и внесет свою лепту в научную дискуссию, начатую в рамках нового проекта.

И.М. Миргалеев,
руководитель Центра исследований
золотоордынской цивилизации

ВВЕДЕНИЕ

Народы Центральной Азии в средние века создали ряд кочевых империй. В числе создателей огромных империй на территории Евразии можно назвать следующие кочевые образования Центральной Азии: хунну и хазары, жужани и сяньби, древние тюрки и уйгуры, монголы и кидани, джунгары и кыргызы. Их социальной организации, этнической истории и политической структуре посвящены солидные монографии известных исследователей.

Помимо них были исчезнувшие племена, не выдержавшие удара со стороны армий могучих ханств и каганатов. Тем менее изучение их этнической истории и этногенеза представляется не менее интересным, чем происхождение великих народов Центральной Азии. Многие из них стояли на пороге создания собственной государственной организации, их кочевые объединения исследователями иногда воспринимаются как феодальные ханства.

В век Интернета отмечается огромный интерес российских и зарубежных исследователей к проблеме происхождения отдельных тюрко-монгольских племен средневековья, чьи имена сохранились в родоплеменных названиях современных народов Центральной Азии. В Интернет-форумах нередко можно наблюдать дискурс по поводу происхождения того или иного средневекового племени, отнесение его к монголоязычным этносам или к тюркам.

С позиций сохранения этнического своеобразия народов Центральной Азии утрата памяти о родоплеменной принадлежности современных тюрко-монгольских этносов представляется нам невосполнимой. Память о своих генеологических предках, о своем родовом происхождении была ключевым фактором в этническом сознании кочевников Древней Азии. Зная о своих предках и своем роде, потомки кочевников гипотетически могут восстановить древнюю историю своего рода, пути переселения и этнокультурной принадлежности изучаемого этноса.

Специального монографического труда, посвященного исследованию этнической истории и происхождению «исчезнувших племен» Центральной Азии, до сих пор не было. Есть отдельные труды по средневековой истории Бурятии, Монголии, Казахстана, в них косвенно изучается проблема происхождения и этнической истории указанных племен.

Между тем каждый из них сыграл свою определенную роль в истории Центральной Азии. Так, кимаки – загадочный этнос IX–X вв.

основали могущественный каганат на территории Казахстана и Западной Сибири, заложив здесь основу государственности. От них выделились кыпчаки, именем которых долгое время называлась вся обширная степь от Алтая до Дуная. К ним прикочевали байауты из территории современной Бурятии, положившие начало правящей династии кыпчаков Северного Казахстана.

Племенам кыпчакских степей (кимакам, кыпчакам и канглы) посвящена отдельная глава. По кимакской проблеме использованы труды Б.Э.Кумекова, С.М.Ахинжанова и Д.Г.Савинова. В трудах первого автора прослеживается история Кимакского каганата на основе арабо-персидских источников [Кумеков, 1972]. Второй автор к данному вопросу подходит в ходе изучения археологических памятников сросткинской культуры [Савинов, 1984, 1994]. Для нас большой интерес представляли труды казахского востоковеда и археолога С.М.Ахинжанова [Ахинжанов, 1989], обосновывающие уранхайскую теорию происхождения кимаков.

Монография узбекского этнографа К.Ш.Шаниязова посвящена узбекским кыпчакам, сохранившим до наших дней свою этническую самобытность, в ней даны весьма интересные сведения историко-этнографического характера, приведенные в трудах других специалистов [Шаниязов, 1974].

В работах Р.Г.Кузеева очень подробно рассматривается этнический состав и этнонимика тюркских народов кыпчакского происхождения [Кузеев, 1974]. Китайские источники в период монгольского владычества рассмотрены в трудах А.С.Кадырбаева, Л.Р.Кызласова и Г.А.Федорова-Давыдова, проследивших исторические судьбы кыпчаков после монгольского нашествия в Китае и Южной Сибири в рамках монгольской империи Юань [Кадырбаев, 1990; Кызласов, 1984]. В трудах С.А.Плетневой довольно подробно приводятся сведения древнерусских источников по западным кыпчакам – половцам [Плетнева, 1980]. Мало известные китайские источники использовал в многочисленных статьях и диссертаций востоковед Ю.А.Зуев, который приводить интересные сведения по этнической истории тюркских народов [Зуев, 1967]. Древнетюркские рунические надписи и древнекитайские источники активно использует С.Г.Кляшторный. На их основе он высказал, на наш взгляд, наиболее аргументированную гипотезу о происхождении этнонима и племени кыпчак [Кляшторный, 1986]. Весьма обширные сведения из восточных источников и материалов этнографо-археологического характера приводятся в капитальной монографии советского востоковеда и археолога С.М.Ахин-

жанова, целиком посвященной средневековым кыпчакам [Ахинжанов, 1989].

В нашей работе использованы данные, которые содержат труды по происхождению и средневековой истории саяно-алтайских народов; из них мы выделяем работы Г.Д.Авляева [1994]; Л.П.Потапова [1969]; Л.Р.Кызласова [1980].

В монографии большое внимание уделяется средневековым племенам региона Байкала: меркитам, бома-алатам, байаутам и баргутам. Поэтому исследование источников об этих племенах для нас представляла немалый интерес для сравнительного или сопоставительного использования исторических преданий саха. А.В.Тиваненко [1992] принадлежит заслуга первой попытки осмысления факта существования и гибели меркитского государства за Байкалом, сделанной на основе во многом разрозненных и противоречивых сведений.

Естественно, довольно подробно рассматривается этническая история племен Байкальского региона, особенно в эпоху средневековья. Сведения из бурятских хроник и родословных использованы в труде бурятского ученого Ц.Б.Цыдендамбаева [1972], написавшего работу по происхождению родов бурятских племен хори и эхиритов. Восточные источники использованы в монографии бурятского исследователя Г.Н.Румянцева [1962], проследившего этническую историю хори-бурят. Этнографические материалы по духовной культуре бурятского народа даются в работе Д.С.Дугарова. В его монографии и отдельных статьях подчеркивается наличие древнего тохаро-юэчжийского субстрата в этногенезе бурят и саха, восходящего еще к бронзовому веку, связываемого им с динлинами [Дугаров, 1991].

Археологические и исторические источники использовал Б.Б.Дашибалов. Ему удалось довольно удачно связать хори со средневековыми курыканами и дать подробнейшие сведения о курыканах на основе историографических и археологических материалов [Дашибалов, 1995]. Довольно интересным представляется взгляд ведущего специалиста по археологии региона Байкала на этническую связь саха с данным регионом и бурятским этносом [Дашибалов, 2003].

Постольку в нашем труде изучается в том числе и проблема участия племен Центральной Азии в этногенезе народа саха, то использованы топонимические исследования М.С.Иванова по территории Якутии, частично отраженные в опубликованных работах. В частности, им собраны уникальные материалы о расселениях древних племен Якутии, их тотемных верованиях, а также высказан ряд

глубоких замечаний по поводу происхождения отдельных родов саха. Так, ему принадлежат заметки о происхождении следующих этнотопонимов на территории Якутии: хоро, туматов, баягантайцев, хатыгынов, сортолов, борогонцев, джарханцев [Иванов, 1982; 1988; 2001].

В.А.Туголуков сформулировал гипотезу о широком участии групп тюрко-монгольского происхождения в этнических процессах на территории Якутии, приведших к формированию эвенков. Так, по его данным, в этногенезе только эвенков и эвенов Якутии принимали участие представители следующих тюрко-монгольских племен: меркитов (вокараев), туматов, хатагинов, сартаулов (сортолов), баяутов (баягиров), джалаиров (иологиров), олетов – ойратов (угулятов) [Туголуков, 1985].

В труде ученого из Внутренней Монголии Сайшияла «Сказание о Чингисхане» [2006] использованы первоисточники на монгольском, китайском, японском, персидском, русском и некоторых европейских языках, а также народные предания. В монографиях В.Я.Бутанаева и И.И.Бутанаевой [2008] представлены богатые фольклорные произведения хакасов, собранных авторами в течение сорока лет в результате научно-экспедиционной деятельности.

В труде А.М.Малолетко «Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики» (Т. 3 «Докаганатские тюрки») рассмотрены вопросы раннего становления тюркоязычных народов. В нем проанализированы две версии: 1) возможное происхождение тюркоязычных народов в последовательности кеты – хунну – тюрки (эпоха бронзы и позже); 2) более раннее (мезолит – неолит) выделение алтайской языковой общности на Дальнем Востоке из среды южных (аустрических) мигрантов с последующей дифференциацией [Малолетко, 2004].

Историографический опыт говорит, что этногенез можно изучить на основе археологических, этнографических, языковых, письменных и иных источников, и комплексно – на основе и в сочетании всех этих источников. Преимущество комплексного использования источников не подлежит никакому сомнению. Оправдывает себя и подход к изучению проблемы с точки зрения научно-информационного потенциала отдельных видов источников. Одними из них являются исторические предания («устная летопись»), сохранившие в массовом сознании тюркских народов отголоски многих событий бесписьменного периода их истории. В работе Г.В.Ксенофонтова достаточно широко использована «устная летопись» саха, автор доказал, что она может вывести исследователя на решение довольно широкого круга

вопросов этногенетического порядка. Понятно, что тогда все решалось на уровне науки 1920–1930-х годов и массива исторического фольклора, который был тогда в распоряжении этнографа. Его заслуга в том и состоит, что он сумел произвести «стыковку» фольклорного материала с достижениями научных исследований и на этой основе построить свою гипотезу о происхождении саха.

Использованы и публикации исторических преданий. Труд С.И.Боло «Прошлое якутов до прихода русских на Лену (По преданиям якутов бывшего Якутского округа)» уникален в том отношении, что в нем через древние предания воссоздается историческое прошлое данного народа. В «Эллэйаде» Г.В.Ксенофонтова имеются предания, представляющие исключительный интерес по той причине, что их мотивы и сюжеты встречаются в фольклоре других народов. В «Исторических преданиях и рассказах якутов» под редакцией Г.У.Эргиса, помимо исторических преданий, имеющихся в сборнике С.И.Боло и переведенных на русский язык, есть ряд других, собранных автором.

Архивный фольклорный материал и публикации свидетельствуют о том, что они используются этнографами и другими специалистами для восстановления исторических событий. Однако более внимательный анализ этих и других публикаций обнаруживает все же недостаточное использование потенциала исторических преданий как источников, прежде всего для решения этногенетических проблем.

В качестве источника выступает «Сокровенное сказание» монголов [Козин, 1948]. Как источник по истории тюрко-монгольских племен Монголии и региона Байкала он еще не подвергался объективному научному анализу. В «Сокровенном сказании» монголов видно противопоставление монгольского племени представителям других племен: меркитов, татар, кереитов и восхваление побед над ними. К тому же в этой работе встречаются спорные моменты, например упоминание племени бурятов или сартаулов в составе монголов, эти моменты позволяют отнести время написания ССМ к XVII в. К тому же этот труд, как отметил еще Л.Н.Гумилев, представляет собой политический памфлет, направленный против определенных кругов монгольской знати.

Энциклопедический исторический труд «Джами-ат-таварих» (Сборник летописей) Фазлаллаха Рашид-ад-дина [1952] дает обширные сведения об истории и происхождении многих тюрко-монгольских племен эпохи Чингиз-хана. В этом сочинении огромное внимание уделяется меркитам, татарам, найманам и кереитам как

наиболее сильным племенам Центральной Азии XII – начала XIII вв. При сборе исторических сведений о ранней истории тюрко-монгольских народов Рашид-ад-дин и возглавляемый им международный коллектив помощников использовали самые разнообразные письменные источники: китайские, монгольские, тюркские и тангутские, в ряде случаев их информантами были непосредственные носители традиционной устно-исторической памяти. Собранный материал свидетельствует о преемственности истории Центральной Азии. По версии автора монгольские племена XIII в. являются потомками Огуз-хана, т.е. генеалогически они воспроизводят своих предков от предшествующих им тюркских племен Монголии: древних тюрков и уйгуров. Для нашей темы наиболее интересен первый том труда Рашид-ад-дина, посвященный истории Центральной Азии. Племена меркитов, найманов, кереитов, баргутов и татар им отнесены к тюркским племенам, известным под названием монголов. Племена канглы и кипчак отнесены к 24 племенам Огуз-хана. Найманы, кереиты и кипчаки являются тюркскими народами, имевшими свою государственность. Байауты отнесены к монгольским племенам «дарлекин» [Рашид-ад-дин, 1952, с. 175-177].

Тексты китайских исторических сочинений, относящиеся к истории тюркских племен, уже более двухсот лет являются предметом изучения многих выдающихся синологов; в работе использованы наиболее полные собрания переводов. Интересующие нас сведения содержатся в официальных историях династий Тан (618–906; история – «Тан шу», или «Цзю Тан шу», была окончена в 945 г.; в 1044–1060 гг. был составлен новый вариант истории Танской династии – «Синь Тан шу»). Нами внимательно проанализированы сведения из китайских летописей о средневековых народах Прибайкалья и Забайкалья, данные в переводах Н.Я.Бичурина, Н.В.Кюнера, Ю.А.Зуева и А.Г.Малявкина. Перевод Н.Я.Бичурина был выполнен в блестящем стиле, но при обращении к его работе не стоит забывать, что автор трудился в начале XIX в., т.е. в самом начале рождения востоковедческой, исторической науки [Бичурин, 1953]. Поэтому в трудах Н.В.Кюнера [1961] и А.Г.Малявкина [1989] иногда более подробно даются сведения о средневековых тюрко-монгольских племенах.

Одним из источников при изучении ранней этнической истории народов Центральной Азии VI–IX вв. являются древнетюркские рунические памятники. Сведения, содержащиеся в рунических текстах, используются в сопоставлении с материалами китайских источников, переведенных на европейские языки, арабских и персидских геогра-

фических и исторических сочинений, а также с некоторыми результатами археологических исследований.

Круг арабских и персидских источников даются в работах В.В.Бартольда и И.Маркварта; В.Ф.Минорского. Арабо-персидские источники в основном включают административно-георграфические справочники, в них имеются сведения о населяющих Центральную Азию племенах. Сочинение персидского автора Гардизи «Зайн ал-ахбар» («Украшение известий») написанное в 1050 г., является историческим трудом по истории Хорасана. Но в нем имеются известия о Центральной Азии, основным источником которых послужил труд арабского поэта и историка Ибн Мукаффа (умер в VIII в.). Обширные сведения о племенах Центральной Азии имеются в географическом сочинении «Худуд-ал-алам» («Границы мира») неизвестного персидского автора (982 г.) в английском переводе В.Ф.Минорского [Minorsky, 1937].

В целом же в исследованиях авторов, посвященных проблеме происхождения многих тюрко-монгольских этносов, содержится интересный фактический материал, пригодный для сравнительно-сопоставительного использования с данными исторических преданий саха. Такая методика позволила рассмотреть изучаемую тему на более широкой источниковедческо-историографической основе.

Автор выражает глубокую благодарность и признательность редактору книги И.М. Миргалееву и директору Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан Р.С.Хакимову за издание данного труда.

Глава 1.
НАРОДЫ МОНГОЛИИ В ТЮРКСКИЙ ПЕРИОД

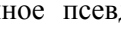
Этнические названия в рунических надписях. Письменность является признаком наличия государственности. Распространение единого языка для представителей различных этносов на огромной территории происходит благодаря наличию письменности. Роль древнетюркской письменности в распространении тюркского языка для ранее разноязычных племен Евразии еще слабо изучена.

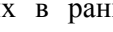
Азы считается народом, который жил в Когмэнских горах. Г.П.Айдаров утверждает, что по материалам орхонской письменности, азские народы были сильным енисейским народом. Знак он читает как кырказы, хотя более распространено чтение его как кыркызы [Айдаров, 1971, с. 111].

Напомним, что В.В.Радлов выявил этноним *ач,* который сохранился вплоть до современности. С.Е.Малов же заявлял: «Народ “Ач”, встречающийся часто в переводах В.В.Радлова (в енисейских памятниках) и в сочинениях историков и археологов, для меня очень сомнителен» [Малов, 1952, с. 15]. И далее: «В последующих надписях, где мои предшественники по чтению памятников видели слово ач, я везде буду указывать это и давать свое чтение» [Малов, 1952, с. 16]. Вследствие такой позиции С.Е. Малов иногда испытывал столь большие трудности с термином *ач,* что переводил его (по собственному признанию) «за неимением ничего другого», как «милость» или «благодеяние», но исходя уже из монгольской лексики.

В древнетюркских текстах упоминается тюркское племя Аргу . Махмуд Кашгарский локализует страну Аргу в Западном Семиречье. По его свидетельству эту область в древности заселили согдийцы, в том числе самаркандцы и бухарцы. По свидетельству автора XIII в. Джемаля Карши «страна Аргу» составила главную часть улуса Чагатая, а ее столицей был Алмалык, в долине р. Или. Г.Рубрук называет все Семиречье областью «Органум», эту страну населяли в его времена туркмены [Кляшторный, 2003, с. 177]. В туркменах можно увидеть тюрко-иранских метисов. Они, видимо, потом были ассимилированы киргизами и казахами, приняв активное участие в их этногенезе.

В орхонских памятниках упоминаются авары в форме Апар , они, «придя, стонали и плакали» на похоронах первых тюркских каганов [КТб, 4; БКб, 3]. Посольства народов апар и пурум пришли на похороны первых тюркских каганов. По сведениям Феофилакта Симокатты этнонимом авар стало называться другое племя, прозванное псевдоаварами. Поэтому гипотеза о тождестве авар с жужанями требует более серьезного доказательства. Есть интересное предположение Е.Хелимского о том, что ранние авары были тунгусо-маньчжуроязычными, впоследствии перешедшими на тюркский язык [Хелимский, 2003]. По его гипотезе авары есть тунгусоязычный народ, известный в китайских источниках как ухуань. Но из тюркских руник становится ясно, что тюрки паннонских авар знали именно под термином авар. По китайским источникам, сведения которых относятся к VII-VIII вв., племя або (апар) входило в состав огузской конфедерации (теле). Имя аваров упоминается и в Чарышской рунической надписи (Северный Алтай) [Кляшторный, 2003, с. 85].

Басмылы  нами отождествляются с народом бома-алатов, упоминаемых в ранних китайских источниках в территории Алтая, потом их расселяют в территории Среднего Енисея или Приобья, по мнению некоторых, они проживали в Прибайкалье.

Кидани – монголоязычный народ, который, ассимилировавшись среди ханьского населения, оставил им название Китай, ставшее с средних веков обозначением страны Хань, когда народы Восточной Европы через тюрков узнали о его существовании. В рунических надписях их имя читается как Кытан  . Следует напомнить, что этнонимы хотан, кытан, кытай, ктай-кыпчак, имелись у многих тюркских народов.

Термин курыкан в рунических надписях упоминается в тексте памятника в честь Кюль-Тегина, но фиксируется неодинаково: ***üç qurïqan*** [КТб, 4] и ***qurïqan***. Как видно, в 14 строфе памятника этноним был написан без числительного ***üç*** «три». Считается, что название ***üç qorï qan*** **(**или ***üç qurïqan***) не было исконным. По всей вероятности, данный этноним появился, во время объединения трех родственных племен хоры хан, предварительно, в первой половине VII в. Именно, по этой причине, в текстах орхонских памятников было двоякое написание данного этнонима**.** Им отмечено, что близкая по звучанию старомонгольская основа ***qorïğan*** «стан, военный лагерь» фиксируется в среднеуйгурском письменном памятнике «Огуз-наме». Курыканы возможно являлись не конкретным племенем с определен-

ной территорией обитания, а военными отрядами тюрков, вокруг которых в далеких окраинах Древнетюркского каганата происходило образование новых тюркоязычных этносов.

Огузы в орхонских текстах выступают как наиболее сильные противники древних тюрков. В других текстах огузы являются собственным народом Древнетюркского каганата. Например, «тогуз огуз будунымын ity кобраты алтым» – «Я собрал и соединил мой собственный народ “девяти огузов”. Возможно, слово огуз здесь и в связи с обьединением телеских племен просто показывает “союз племен”. Т.е. в огузы могли обьединяться как племена, составлявшие костяк Древнетюркского эля, так и подчиненные им племена теле, объединенные вокруг уйгуров. Так, упоминаются и тогуз-огузы, как сегиз-огузы. Восьмиплеменные сегиз-огузы обычно отождествляются с племенем найманов, обитавшего в XII в. на территории Монгольского Алтая. Однако в рунических текстах сохранилось упоминание о гибели племени секиз-огузов: “Секиз огуз калмати келmi” – “Не осталось ни одного из восьми Огузов”» [Айдаров, 1971, с. 111].

С.Каржаубай считает несомненным, факт вхождения огузов в состав тирекского (телэ ~ тегрек) обьединения в качестве главенствующего племени: сеяньто, сун-уз, кыбыр, туба, курыхан, теленгет, бугут, байырку, тонгра, кун, сыгыр, хасар, айгыр, эдиз, байси [Каржаубай, 2002, с. 158].

В рунических надписях китайцы обозначены под именем Табгач. Это имя монголоязычного племени Тоба из кочевого обьединения Сяньби, основавшего династию Тан. Поэтому средневековые китайцы не всегда являются для древних тюрков народом чужим, глубоко враждебным. Так говорится: «Білге Тоникук бен озум табгач іліне кылынтым – Түрк будун табгачka корур ерri – «Я сам, мудрый Тоньюкук, получил воспитание под влиянием культуры народа табгач, в то время весь тюркский народ был в подчинении у государства табгач» [Айдаров, 1971, с. 111]. Таким образом, средневековые китайцы по этническим и культурным традициям не так далеко отстояли от тюрков, как в современную эпоху.

В рунических надписях упоминаются тохары, очень древний народ индоевропейского происхождения на территории Восточного Туркестана. Интересно упоминание тезиков , т.е. таджиков, хотя это не собственно современные таджики – потомки согдийцев, а средневековые арабы-мусульмане. Фразу в 44-48 строке

памятника Тоньюкука в описании похода его на Согд по чтению В.В.Радлова, сохранились следующие знаки: inal… qayanqa… qa tazik toqrysyn… С.Г.Кляшторный восстанавливает его следующим образом: «На Инэль-кагана, на.. арабы и (союзные) им тохары напали» [Кляшторный, 2003, с. 192].

В надписях памятника Тоньюкуку встречается этноним усунь . «Усун бунта аты йуртда йату чалур epmi» – «мы остались на жительство в земле, так называемой усуньской» [Айдаров, 1971, с. 112]. Следовательно, усуни вплоть до VII в. сохранялись как отдельное племя, не стоить их путать с якобы ушедшими на Запад ясами-аланами. В поэтической реконструкции И.В.Стеблевой этот отрывок из надписи в честь Тоньюкука выглядит так:

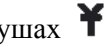
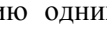
«Я войско сквозь Шаньдунь провел на океан
Разрушив города, их было двадцать три,
Остались тюрки там – живут в земле Усын» [Стеблева, 1993, с. 49].

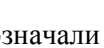
В комментарии говорится, что Усын (Бунтату) – является местностью в северо-западной части Ордоса, на границе с Китаем [Стеблева**,** 1993, с. 155]. В XIII в. фиксируется наличие монгольского племени Хушин, которое считают предком казахских Усуней. Можно предполагать, что потомки древних тюрок оставшихся на Ордосе приняли древнее имя Усунь.

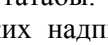
В орхонских надписях сообщается о походе против *alty cub soydaq*, вслед за которым 18-летний Бильге-хан сразился с китайскими войсками Онг-тутука. По гипотезе С.Г.Кляшторного, «согдийцы шести округов» являются согдийскими колониями в Ордосе (Кляшторный, 2003, с. 139).

Праформу этнонима канглы, столь распространенного среди тюркских народов, можно увидеть в упоминании местности Кангу Тарбан. По мнению С.Г.Кляшторного речь идет о завоевании и включении в состав владений Восточнотюркского каганата территории Семиречья, страны народа «он ок» – «десяти стрел» [Кляшторный, 2003, с. 204]. И.Маркварт первым сопоставил имя загадочного народа орхонских надписей – *кенгерес* – с этнонимом *кангар*. Они упоминаются в надписи Кюль-тегина «После этого весь тюргешский народ пошел на ставших ему врагами кенгересов» [Кляшторный, 2003, с. 210, 212]. С.Г.Кляшторный, разбирая упоминания о Кангарах ~ Кангюй в разноязычных источниках приходит к следующему выводу: Политический центр печенежской (кенгересы-

кангары) конфедерации находился в Отраре, именуемом руническими текстами «Кангу Тарбан» [Кляшторный, 2003, с. 228].

Спорными являются сведения о тардушах  и телесах , – по мнению одних они отражают крылья, социальную структуру Древнетюркского каганата, но Г.П. Айдаров считает, что это именно тюркские народы [Айдаров, 1971, с. 112]**.** Как и представленные в надписях тюргеши и  карлуки, которые считаются племенами древних тюрок. У них был сильно развит сепаратизм, поэтому их можно найти среди противников орхонских тюрков. Еще в 1899 г. Ф.Хирт предположил, что известные по китайским источникам племена *се* и *яньто* по-тюркски именовались сирами и тардушами. В 1932 г. И.А.Клюкин доказал ошибочность отождествления этнонима *яньто* с названием военно-административного обьединения западных племен каганата – *тардуш*. Потом П.Будберг, не отвергая уравнения се/сир, окончательно ликвидировал «сир-тардушский фантом». Было отвергнуто и другое ошибочное отождествление Хирта, толковавшего название племенного союза *теле* как древнетюркское *телис* – общее наименование объединения племен, живших на востоке каганата. Позднее выводы Будберга были подтверждены и развиты Э.Пуллибланком и К.Цегледи [Кляшторный, 2003, с. 305].

Татабами  древние тюрки обозначали народ, известный в китайских летописях как Хи (Си), или Кумохи, более древняя реконструкция Кай (кантонский диалект). Отсюда Н.В.Кюнер пришел к выводу, что под этими названиями древние тюрки обозначали этноним Урянха (Улянха), местообитанием которого была территория Северо-Западной Маньчжурии. Казахский археолог С.М.Ахинжанов высказал гипотезу, что реальным самоназванием народа кимак был этноним Уранкай. Следовательно, кимаки вместе с кыргызами Енисея, подхватившими эстафету политического и культурного доминирования в степях Евразии от руки древних тюрков и уйгуров, являются потомками этих татабы. Любопытно, что в рунических текстах никак не упоминается большое племя байси, считающееся тюркоязычными белыми хи (си), т.е. белыми урянхайцами. Можно подумать, что древние тюрки не отличали их от остальных кумохи (си), обозначая их одним именем татабы.

Из орхонских надписей нам известно два обозначения племени  татар: отуз-татары в памятнике в честь Кюль-Тегина и токуз-

татары – союзники токуз-огузов в борьбе против орхонских тюрков. Они начинают упоминаться с середины VIII в., как и в енисейских надписях. Средневековых татар обычно принято идентифицировать с монголоязычными шивеями в китайских хрониках. Неопределенность употребления этнонима татар тюрками свидетельствует о том, что словом тат – «чужой, иноплеменник» тюрки могли обозначать любое племя иной этнической принадлежности. Согласно Махмуду Кашгарскому, слово тат в тюркских языках имеет следующее значение: «Тат – у всех тюрков это каждый, кто говорит на иранском языке». В случае, когда под этим словом обозначаются уйгуры и китайцы (*мат-тамгадж*), «подобно тому, как его употребляют в отношении иранцев, такое употребление этого слова неверно». Как считает С.Г.Кляшторный, «татами» могли быть названы только ираноязычные поселенцы-согдийцы [Кляшторный, 2003, с. 169]. В случае с енисейской надписью под этнонимом татар могли обозначаться впоследствии отуреченные роды самодийского или кетского происхождения. Таким образом, этноним *тадар* получил употребление в отношении вероятных предков хакасского народа не после монгольского завоевания, а уже в VIII–IX в. н.э.

В.В.Радлов доказал, что термин «уйгур» в VIII–IX вв. означал «обьединенный, соединенный». В памятнике Тэс[1], обнаруженном в 1976 г. в Монголии, есть слово «ujyurmys» (Тэс.II.2), употребляемое для обозначения понятия «обьединенный». Здесь корень слова – «ujyur», а «mys» глагол прошедшего времени. Слово «ujyurmys» в контексте надписи переводится как «обьединившиеся», «соединившиеся», «сотрудничающие». Далее, по словам С.Коржаубая речь идет об организации Уйгурского каганата. Он подчеркивает, что обьединитель 12 племен Йоллыг упоминает в каменных памятниках имена тюркских каганов (Бумын, Истеми) как тюркского периода, так и Уйгурского каганата. Что интересно, уйгурский каганат в них не представлен отдельно. Также он подчеркивает, что тексты памятников времен Первого и Второго Тюркских каганатов и уйгурского периода абсолютно идентичны. В них он не обнаруживает ни малейших орфографических и диалектологических различий [Каржаубай, 2002, с. 3].

В надписи, посвященной уйгурскому кагану Элетмиш Бильге-кагану, встречается употребление термина «Түрк кыбчак» в фразе «Когда Түрки-кыбчаки властвовали (над нами) пятдесять лет…».

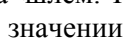
[1] Тэс – это руническая надпись на каменной стеле периода Уйгурского каганата, находиться на территории Северной Монголии (прим. ред.).

Реконструкция Рамстедтом племенного названия кыпчак в эпитафии Элетмиш Бильге-кагана не вызвала доверия у наиболее осторожных исследователей. Во время полевых работ в Монголии в 1974–1975 гг. С.Г.Кляшторный с монгольским коллегой М.Шинеху ревизовал чтение надписи. Оба пришли к заключению, что реконструкция [qy]bcaq, судя по следам знаков, сохранившихся в подвергшейся эрозии части строки, вполне обоснована [Кляшторный, 2003, с. 302].

Поскольку в Орхонских стелах наряду с TYрками рядом стоит слово сир в фразе: «тYрк сир будун», то С.Г.Кляшторный пришел к выводу, что этноним сир выступает здесь синонимом этнонима «кыбчак» с значением «злосчастный, несчастный» [Кляшторный, 2003, с. 305]. Можно допустить, что в природе не было отдельного племени сиров, просто орхонские тюрки могли принять уничижительное имя после своего поражения от уйгуров и в таком виде могли быть зафиксированы в уйгурской надписи.

По мнению Сорткожаулы Коржаубая созданное усилиями фамилий Ашидэ и Ашина государство орхонских тюрков получило название «Turk-sir boduny» (тюрк-лев) [Коржаубай, 2002, с. 169]. Тюрки-кыпчаки, упоминаемые в надписи из Могойн Шинэ ус, были им отождествлены с лунным племенем Тоньюкука – тюрк-шир (тюрки-арсланы), которое реально правило огузами в период существования Второго Тюркского каганата. Тюркское слово куба/кума омонимично со словом кума в значениях, восходящих к обозначению Луны, Лунной династии [Коржаубай, 2002, с. 180]. И.Маркварт писал, что в восточно-иранских диалектах слово sir ~ ser ~ sar < могло обозначать «князь», но приобрело значение «лев». Поэтому допускается сосуществование двух обозначений: персидского «шир» и тюркского «арслан» [Коржаубай, 2002, с. 162–163].

В древнеперсидском языке слово тюрк обозначало шлем. Действительно, в китайской хронике VI–VII вв. В «Суй-шу» название тюрков выводится из монгольского слова дуулга<шлем. Германский тюрколог Г.Дерфер считает, что в нарицательном значении его можно понимать как «господствующий народ». «Тюрки-кыбчаки» – можно понимать так, что господствующий род кыбчаков тогда властвовал [Айдаров, 1971, с. 112].

В больших орхонских надписях и повествовании о первых каганах народ, населявший вновь созданную империю, назван *kok murk* – в обычном переводе «голубые (синие) тюрки»  .

С.Г.Кляшторный утверждает, что именно сакская этимология ашина (<asseina ~ assena) со значением «синий» является фонетически и семантически безупречной. Он отмечает его идеальное семантическое совпадение с реконструированным значением имени Ашина [Кляшторный, 2003, с. 248].

В тексте енисейских рунических надписей В.В.Радлов отметил ряд этнонимов, в частности и таких, которые он считал названиями кыргызских племен. Из них можно обратить внимание на термин *тюльбери.* Он содержится в надписи на камне, найденном на территории современной Тувы по правобережью речки Туран, впадающей слева в р.Уюк [Radloff W., с. 305]. Этот каменописный памятник получил в литературе название «Уюктуранский». Заново надпись была опубликована в русском переводе С.Е.Маловым [Малов, 1952, с. 16-20].

На основании всего изложенного можно также с уверенностью говорить о том, что предложенный В.В.Радловым перевод термина *tŷlbärі* как название народа или племени находит подтверждение историко-этнографическими материалами. Расшифровывая третью строку надписи, нанесенной на задней стороне камня, В.В.Радлов дал ее перевод, который по-русски читается следующим образом: «...с моим ханом,, народом тюльбери, с доблестными товарищами, с вами, моими соплеменниками, героями, многочисленными героями, героями воинами (юношами), моими зятьями, моими дочерями и невестками не смог пребывать (т.е. умер.– *Л.П.*)» [W. Radloff, с. 307].

Перевод Х. Оркуна и А.Н.Бернштама, принявших этот термин за собственное имя какого-то хана, отпадает, так же как и перевод С.Е.Малова. По словам Л.П.Потапова, термин *тюльбер* в значении этнонима хорошо прослеживается, по крайней мере на протяжении последних трех с половиной столетий, у ясачного населения Кузнецкого уезда. Еще до построения Кузнецкого острога в 1618 г. в русских исторических документах данный этноним выступает в названии Тюлюберской ясачной волости, население которой обитало по р. Томи на западных склонах Кузнецкого Алатау. Он утверждает, что тюльберы XVII–XVIII вв. вполне могут рассматриваться этническими потомками кочевников-скотоводов *tŷlbärі,* упомянутых в уюктуранской рунической надписи [Потапов, 1972, с. 160-163].

Таким образом, древнетюркские рунические надписи дополняют сведения китайских источников о составе племен Центральной Азии в тюркскую эпоху.

Загадка племени бома (алатов): к вопросу о прибайкальской локализации этноса. В изучении этнической истории народов Сибири важное место занимают данные средневековых китайских источников о народе *бома*. Интерпретацией этих сведений занимается не одно поколение отечественных и зарубежных историков. Археологи и этнографы сравнивали эти данные с материалами по народам Сибири, отождествляя их с этническими предками того или иного сибирского этноса. Поэтому об этом племени сложилась обширная историография. Анализ различных версий, выдвинутых по поводу происхождения бома-алатов, представляется актуальной проблемой для современного изучения истории Сибири, проведение сопоставительного анализа трудов то этнографии сибирских народов и материалов средневековой археологи Сибири.

Термин «*элочжи*» и «*бома*» считаются китайской транскрипцией тюркского слова «ала». Термин бома является китайским переводом древнетюркского этнонима алат, известного впоследствии в формах алачи, алак-булак, булак-ат, алан, алачин и т.д. Первые сведения об алатах появляются в китайских источниках с IV в. Среди 19 южнохуннских поколений, переселившихся с севера в Ордос, девятым названо хэлай (алат). В тюркский период основным местом их кочевий становятся области на западе Байкала [Зуев, 1962, с. 108–116]. Хуннское племя *ала* затем вошло в состав сяньбийцев. Так, сяньбийская фамилия Хэлань произошла от наименования гор Хэлань (Алашань) [Малявкин, 1989, с. 323].

В советской и постсоветской литературе имеется обширная историография изучения этнической истории загадочных бома-алатов. Локализация бома (алатов) определяется исследователями по-разному: Западное Прибайкалье, верховья р. Ангары; долина Среднего Енисея, севернее Минусинской котловины; лесостепные районы юга Западной Сибири, бассейн р. Оби. Исследователи, анализирующие сведения о бома, как об этнониме или как о государстве, локализовали это этносоциальное образование в различных физико-географических пределах Сибири.

Например, В.В.Бартольд памятники земледельческой культуры [получившей название ладейской] в районе г. Красноярска, вариантного к культуре енисейских кыргызов, связывал с алатами (см.: [Савинов, 1994, с. 127]). Л.Н.Гумилев локализует бома на Енисее севернее современного Красноярска [Гумилев, 1967, с. 216-217, 263]. С.И.Илюшенко [1985] также помещает бома в район г. Красноярска. Локализация бома-алатов севернее енисейских кыргызов, подразумевает под собой их связь с кетоязычными народами.

А.Г.Селезнев приходит к выводу, что представители этого этноса в суйское время обитали на Алтае, а в районе верхних притоков Оби и на Среднем Енисее появились в цзиньскую и монгольскую (Юань) эпоху. Автор связывает с ними археологические культуры на территории Верхнего Приобья в раннем и развитом средневековье [Селезнев, 1994, с. 63-65, 69]. Такая локализация, позволяет связывать бома-алатов с населением верхнеобской культуры.

Ю.А.Зуев считает раннесредневековое китайское название Бома областью на реке Нарым в пределах Нарымского Приобья [Зуев, 2002, с. 236]. Здесь мы видим отождествление бома с самодийцами Пегой Орды, однако они были оленеводами, в китайских же источниках бома представлены как оседлые скотоводы и земледельцы.

Следовательно, с бома-алатами обычно принято сопоставлять таежные племена Южной и Западной Сибири, представителей самодийской или кетской этнических групп. Однако кетская и самодийская локализация бома-алатов вызывает у нас большие сомнения. Прежде всего, это страна была расположена к северу от Древнетюркского каганата, при этом алаты были родственны древним тюркам, что прямо свидетельствует о тюркоязычии данного племени: «(Путники) достигают (Бома), миновав кочевья пяти больших туцзюэских племен. Имеют 30 тыс. солдат и 300 тыс. лошадей. Государством Бома управляет эркин, бома от тюрок туцзюе ничем особенным не отличаются» [Малявкин, 1989, с. 104].

О том, что бома были белокурым народом и населяли северные склоны Саяно-Алтая писал Г.Е.Грумм-Гржимайло [1926. с. 51, 59]. Л.Н.Гумилев в другой работе делает вывод, что бома были распространены рассеянными группами от Алтая до Байкала [1960, с. 40-41]. Саяно-Алтайская локализация бома представляется проблематичной на том основании, что в ней также располагались енисейские кыргызы, древние тюрки и уйгуры, кыпчаки, теленгиты и другие тюркские племена.

Д.Г.Савинов и А.В.Харинский считают, что областью расселения бома в древнетюркское время являлась территория Енисейско-Ангарского междуречья или северо-западного Прибайкалья [Савинов, 1985; 1994, с.127; Харинский, 2001, с.15, рис.1]. В других трудах, Л.Н.Гумилев народ бома помещает в Прибайкалье, а гулиганькурыкан – в Забайкалье, однако, следуя традиции, считал установленным, что курыканы – предки саха и с ними связывал курумчинскую культуру [Гумилев, 1993, с. 263–265.; 1998, с. 325]. Поэтому подчеркивается, что Н.Я.Бичурину принадлежит фраза. «Бома – по-видимому, это были предки нынешних якутов» [Бичурин, 1953, т. 1,

с. 350]. Постольку с предками саха принято связывать территорию Прибайкалья, то его замечание нуждается в дальнейшем изучении.

Посмотрим сведения о государстве бома: «Еще есть государство Бома, которое иначе называется Била или Элочжи… (Останавливаются для жилья) в зависимости от наличия воды и травы, однако любят жить в горах. Отборного войска – 30 тыс. В стране всегда выпадает много снега, деревья не сбрасывают листвы» [Малявкин, 1989, с. 106]. Описание обильного снегопада и хвойных деревьев свидетельствует о том, что страна Бома располагалась в таежной Сибири. Если сравнивать с археологическими материалами, то курумчинские городища в большинстве случаев также возводились на господствующих высотах и полукочевое население в момент опасности могло укрываться в них [Дашибалов, 1995, с. 42].

Бома граничили с енисейскими кыргызами, тот факт, что их страна доходила до моря, свидетельствует в пользу прибайкальской локализации, тем более они были земледельцами и эти сведения позволяют сравнить их с курумчинской культурой: «Поля пашут с помощью лошадей, масть лошадей пегая, поэтому страна так и называется (Бома). (Территория страны) на севере доходит до моря. Хотя разводят лошадей, не ездят верхом, используют кумыс в качестве пищи. Часто воюют с кыргызами, внешностью большинство похоже на кыргызов, однако язык друг друга не понимают» [Малявкин, 1989, с. 106]. Примечательно, что в шишкинских писаницах встречается множество рисунков лошадей в богатом уборе, но без всадника, отсюда следует, что автор совсем не думал изображать всадника [Окладников, 1959, с. 113].

Обозначение «ала» – «пеголошадники», вероятно, возникла от существовавшего у данного племени культа лошади. Будучи таежным народом, они видимо были оседлыми и использовали лошадь в основном для хозяйственных целей, как поздние саха. До сих пор среди саха существует культ лошади в виде почитания божества коневодства Джесегея, летний праздник ысыах является кумысным праздником. Особым почитанием пользуется *ала чуогур ат* – лошадь пегой масти. Богатыри олонхо очень часто имеют лошадь пегой масти (*ала ат*).

В якутской мифологии и Олонхо[2] также встречается множество слов с корнем *ала*: Ала Буурай – владычица Нижнего мира, Аан Алахчын – изначальная мать-земля, алаатыыр – восклицание и т.д. Отсюда можно предположить, что пестрый (ала) цвет мог быть

[2] Олонхо – эпическое произведение саха-якутов (прим. ред.).

сакральным для предков саха. В некоторых олонхо герои-богатыри имеют имя Ала: Ала Туйгун или Ала Хара, Ала Хотогой, Ала Тамына [Емельянов, 1980, с. 69, 130]. Однако не меньше слов Ала можно встретить в названиях абаасы-бесов: Ала Могой, Ала Марайдаан, Ала Дыбын, Ала Джаатара Тойон [Емельянов, 1980, с. 341].

Из мифологии ясно, что курумчинская культура была земледельческой, и этот факт соответствует описанию страны Бома, а не *гулигань*, которые были типичными кочевниками: «Климат крайне холодный, ежегодно зимой скапливается столько снега, что деревья не покрыты им только 1-2 чи. С наступлением тепла и оттаивания (почвы) пашут с помощью лошадей и людей, начиная с южных склонов; сеют хлеб (пять злаков – у гу)» [Малявкин, 1989, с. 140].

Около поселений курумчинцев найдены древние пашни в виде длинных параллельных грядок. Находка сошников, несомненно, свидетельствует о существовании плужного земледелия. Находки каменных жерновов говорят о довольно высоких урожаях. Сеяли курумчинцы просо, пшеницу, ячмень и коноплю [Дашибалов, 1995, с. 140]. Можно добавить еще рожь, получается как раз пять злаков. Здесь А.П.Окладников не мог не заметить шаткость отождествления им курыкан с курумчинцами. Поэтому поспешил заявить, что земледелие их было примитивным, мотыжным, однако поздние археологические находки опровергали его вывод [Окладников, 1959, с. 140].

Бома-алаты, будучи таежным народом, активно занимались охотой и рыболовством: «Любят рыбную ловлю и охоту. Мясо добытых рыб, оленей, выдр, соболей и других животных сьедают, а шкуры используют для одежды» [Малявкин, 1989, с. 105]. В сравнении, в курумчинских поселениях найдены кости диких животных, имеются они и в поминальных курганах. Рыбный промысел занимал также большое место у курумчинцев, об этом свидетельствуют петроглифы и находки рыболовных крючков в погребениях [Дашибалов, 1995, с. 141].

Имеются сведения о самобытности и архаичности материальной культуры бома-алатов: «(В стране) мало железной утвари, пользуются керамической посудой для варки пищи, а также блюдами и чашками из бересты» [Малявкин, 1989, с. 105]. Население культуры «курумчинских кузнецов» научилось получать чистое сыродутное железо. Курумчинские литейщики отливали в специальных формах украшения и культовые предметы [Дашибалов, 1995, с. 142].

Однако курумчинцы также изготавливали изделия из бересты, достигнув при этом высокого искусства. В курумчинских памятниках во множестве встречается керамика, что говорит о том, что их оби-

татели в основном пользовались глиняной посудой. Давно было замечено, что материальная культура саха свидетельствует о древности его формирования и значительных традициях. К примеру, изготовление деревянной и берестяной посуды является традиционным видом якутского ремесла [Зыков, 1989, с. 115].

Несмотря на то, что бома были полукочевниками, они имели и стационарные жилища: «Останавливаются для жилья в зависимости от наличия воды и травы, складывают жерди как сруб колодца, покрытие из бересты служит крышей. На землю укладывается травяная подстилка, поверх нее кладут кошмы, на которых спят и сидят; переезжают, когда иссякнут травы, не имеют постоянного места жительства» [Малявкин, 1989, с. 105]. Курумчинцы по археологическим данным также вели полуоседлый образ жизни. Описание жилища бома (алатов) схожие с конструкцией якутских балаганов, которые напоминают курумчинские сооружения городища Улан-Бор с вертикально поставленными бревнами [Дашибалов, 1995, с. 143].

У бома: «Все (родоплеменные подразделения) имеют старейшин, которые не подчиняются один другому» [Малявкин, 1989, с. 106]. Факт наличия 47 раскопанных городищ на территории Байкальской Сибири, свидетельствует о том, что они могли принадлежать различным родовым группам и служить как для культовых, так и для оборонительных целей [Дашибалов, 1995, с. 41–55]. Однако в другом приведенном источнике говорится о том, что народом бома, или била, (ала) управляет эркин. Отсюда предполагается, что курыканский эркин стоял во главе племени бома и управлял ими. Это и был, видимо, потерянный третий курыканский Сыгинь, или эркин.

На возможность обитания бома-алатов именно на территории Приангарья указывает упоминание алакчинов в XIII в. Упоминаемые только в сочинении Абульгази алакчины – это легендарный народ, точнее город XIII в., основанный татарскими племенами на территории Прибайкалья. По его сведению в XIII в. довольно много татарских родов проживали на Ангаре. В устье реки, на берегу моря, стоял большой город; вокруг него было много селений, стада и табуны пасущегося скота были многочисленны. Этот город они называли Алакчин. Близ него были серебряные рудники; у его жителей котлы, чашки и блюда были сделаны из серебра [Абульгази, 1906, с. 40].

Еще Ф.М.Зыков сделал вывод, что серебро и вещи, изготовленные из него еще в XVII в., имеют местное якутское происхождение. Он пришел к выводу, что в период расцвета серебряного дела существовали мастера, занимающиеся изготовлением ювелирных украшений,

умевшие делать из серебра и золота около 40 видов различных предметов, в том числе посуду, предметы личного обихода и культового назначения [Зыков, 1976, с. 16–17.; 1989, с. 112–114]. Следовательно, этническое определение, данное узбекским ханом Абульгази алакчинам: «у них все кони пегие, а очаги золотые», вполне применимо к общим предкам саха и бурятов.

Отсюда представляет интерес, что на Ангаре, где распространены памятники курумчинской культуры, проживает бурятское племя булагат. Основой этнонима «булагат» могло стать словосочетание «була ат», значение которого выводится из тюркских языков. Это, по мнению Б.Р.Зориктуева, указывает на тюркское происхождение булагатов [Зориктуев, 1993, с. 127]. Для сравнения в якутском языке, термин «*булуур ат*» означает – «лошадь чалой или буланой масти». В некоторых тюркских языках, например в тувинском, имеется слово *ала-була* со значением «разномастный; разноцветный». Считается, что оба компонента в *ала-була* одноструктурны, восходят к глагольным основам со сходными значениями [Татаринцев, 2000, с. 90].

Следует заметить, что общий для булагатов и саха ангаро-ленский вариант центральноазиатской расы предполагает длительные брачные связи внутри единого субстратного этноса и относительную изоляцию от соседей [Константинов, 2003, с. 31]. В западном диалекте бурятского языка исследователи видят исторически развившийся коренной язык, непосредственно связанный с тюркским миром, прежде всего с якутским языком [Константинов, 2003, с. 41]. Отсюда предполагается, что буряты-булагаты в прошлом были тюркоязычными и входили в состав того племенного объединения, которое составило основное ядро саха [Константинов, 2003, с. 35].

От этнонима алат производится название рода саха Алагар. Предком атамайцев (от ат – лошадь) считается старик *Ала* – богатырь, силой бравший детей из чужих родов для воспитания. Свою многочисленную семью он кормил тем, что в озерах ловил рыбу с помощью сети [Боло, 1994, с. 66]. В составе саха есть также довольно крупный род бологур.

Все факты говорят о большой численности оседлого земледельческого населения Прибайкалья в VI–VII вв. Следовательно, отсюда могла идти часть миграционных потоков в Евразийские степи, в корне менявших этнический состав кочевых орд. Так, в VII в. часть алатов обитала уже на севере от Алтая. Часть алатов с VIII в. и позже оказалась далеко на западе от Алтая и в результате последующего дробления и этнического взаимодействия с местными племенами утратила свою прежнюю общность [Зуев, 1962, с.106–116].

Следует обратить внимание на совпадение описания государств Басими и Бома: «Басими одно и то же, что государство Били. Стали известны во время династии Суй (589–618). Находятся на юге от Бэйтина и Бэйхая (Байкала), на восток от цзейегу (хягасов). На юге примыкают к горам. Живут рассеянно… Их мужчины мужественны и крепки, все умеют охотиться. В стране много снега, (поэтому) постоянно вместо лошадей употребляют дерево (лыжи), по снегу преследуют оленей… Что касается их жилья, то жилище делают из коры березы. Взрослые мужчины стригут волосы, из бересты делают шапки» [Кюнер, 1941, с. 49].

Такие же сведения даются о Бома: «Все бреют голову, носят шляпу из бересты». В описании басмылов говорится, что «государство Басими также именуется Била», а при описании Бома сказано: «Бома также называется Била или Элочжи». В титуле кагана басмылов Ашина Ши – «Хэла-пицзя-кэхань» – можно увидеть транскрипцию слова «ala» [Малявкин, 1989, с. 325]. Термин била Ю.А.Зуев считал адекватным термину басмыл и не имеющим отношения к «Пегим коням» [Зуев, 1962, с. 110].

Рашид-ад-дин также рассказывает о небольшом племени бикин, живушем вместе с найманами. При этом утверждает, что ранее это племя было могущественным, предки кереитских и найманских ханов подчинялись ханам бикинов. Примечательно, что данное племя бикин отождествлялось с народом бики или били, т.е. с бома-алатами.

Термин «басмыл» также означает «смесь, помесь», он, возможно, применялся к метисированным группам. Данное слово представляется калькой терминов «*ала*» и «*булла*», показывающих пестрый, пегий цвет и вероятно связан с обозначением смешанных родов. Марко Поло упоминает народ «аргон», в французском переводе «басими» в стране попа Ивана в большой области Сендук [Поло, 1997, с. 241]. Отсюда следует, что возможно кереиты и найманы являлись потомками басмылов, упоминаемых ранее в этих местах.

По утверждению Г.Рубрука вблизи Паскатир (башкиры) жили Иллак, что значит то же самое, что Блак, но татары не умеют произносить букву Б; от них происходят те, кто живет в стране Ассама (Булгария). Давая эти сведения, Ю.А.Зуев тем самым связывает их с носителями этнонимов ала-була [1962, с. 113]. Отсюда следует, что этноним болгар также связана со словом ала-була и происходит от слова булга – смесь. К тому же болгары – это народ, возникший на основе слияния тюркоязычных хунну и динлинов. В описании земледельцев бома-алатов, у которых нет коневодов, можно увидеть

сведения о западных болгарах и хазарах, смешанных народах от слияния уральских этносов и тюркоязычных хуннов.

Предком Мегинского (мэнэ) улуса считается сын Эллэя Болотой Оххон. Еще Рашид-ад-дин и Рубрук упоминали область Булад, населенную тюркскими племенами. Название этой области образовано от имени одного из трех племен уч-карлуков булат или алка-булак. Ю.А.Зуев утверждает, что имя Алач-хана стоит в одном ряду с персонифицированным этнонимом Котан, нередко также считающегося предком всех казахов [Зуев, 1962, с. 116].

Так, Н.А.Аристов предполагал, что басмылы и аргыны одно племя, исходя из того, что оба слова означают «помесь» [Аманжолов, 1959, с. 37]. Поэтому любопытно, что Аргын является именем предка Эллэя. В казахской легенде, записанной А.Левшиным, прямо говорится, что «некогда казахи составляли одно целое с алатами, или сибирскими татарами; отделились от них в силу внутренних несогласий» [Зуев, 1962, с. 106–116]. В легендах казахов и киргиз слово «алшын» часто связывается с племенным названием алача-алаша или с именем Алаш (Алач), которое выступает как синоним слова «казах», являясь одним из потомков древних тюрков [Аманжолов, 1959, с. 38].

Постольку часть байкальских племен – курумчинцев ушла на запад и принимала участие в этногенезе кыпчакского союза племен, то допускается участие курумчинских (протоякутских) элементов в сложении кыпчакской этнокультуры. Термин «бома» в китайских источниках представляется собирательным для обозначения целой группы метисного, смешанного населения таежной зоны от Поволжья (волжские булгары) до Прибайкалья (курумчинцы). Следовательно, с бома-алатами одинаково связано население верхнеобской археологической культуры, ладейской (енисейские народы) и курумчинской культуры (предков западных бурятов и якутов). В территории, занимаемой именно представителями данных культур, была контактная зона между степняками-тюрками и лесными народами самодийского, енисейского и тунгусского происхождения. Однако большая часть сведений о бома, т.е. пестром, смешанном народе могла попасть в китайские источники в результате контактов с населением Прибайкалья.

Глава 2.

КЫПЧАКСКИЕ СТЕПИ X–XIII вв.

Проблема происхождения средневековых кимаков. Кимаки являются одним из видных тюркских этносов средневековья. Им принадлежал огромный каганат «от верхней Оби до Нижней Волги и от низовий Сырдарьи до сибирской тайги в период с IX по XI в.» [Гумилев, 1993, с. 206]. Между тем они довольно слабо изучены из-за того, что их письменные памятники, где они говорят о себе, пока еще не обнаружены. Вроде бы молчат о них и китайские источники. Все что нам известно о них, дошло через сочинения средневековых арабо-персидских путешественников. В советской историографии сложились самые разные точки зрения об их происхождении. Так, Л.Н.Гумилев их называл «странным» и «позабытым» этносом [Гумилев, 1993, с. 206].

Одна из научно сформулированных гипотез о происхождении кимаков принадлежит казахскому археологу С.М.Ахинжанову. Он пришел к выводу, что самоназванием народа кимак арабо-персидских источников было каи, – в монгольских языках оно означает «змея». Имя уран они, возможно, получили от тюркоязычных соседей еще на прародине и затем в Восточном Казахстане. Оно также означает «змея», но уже в тюркских языках. Кимаки были народом змей [Ахинжанов, 1989, с. 146]. Отсюда и композитный этноним уранкай [Ахинжанов, 1989, с. 116].

На востоке Казахстана есть поселок, речка, гора и городище XIII–XV вв. под названием Уранкай [Ахинжанов, 1989, с. 206]. На западе Евразийских степей, топонимы «уран» и «кай», связанные с другими обозначениями змеи в тюрко-монгольских языках встречаются только на той территории, где проживали кимако-кыпчакские племена. Следовательно, кимаки-уранкаи на территории верховий Иртыша и Алтая являются народом пришлым, появившимся в IX в. со своей прародины. Свидетельством их переселений является существование топонимов «уран+кай» на географических картах Маньчжурии и Монголии, Казахстана и территориях, лежащих западнее их [Ахинжанов, 1989, с. 120].

Племя уран, в котором С.М.Ахинжанов видел кимаков, господствовало в конфедерации кыпчакских племен в Восточном Казахстане, в Сыгнакском владении [Ахинжанов, 1989, с. 235]. Племя под таким названием имелось среди кыпчаков и османских турок [Кумеков,

1994, с. 17]. Позднее этноним уран среди тюркоязычных народов можно встретить только среди башкир [Кузеев, 1974, с. 354].

С.М.Ахинжанова, и после него о связи между кимаками и кумо-хи высказывались в научной литературе. Так, еще российский ориенталист В.В.Григорьев связывал народ кумо-хи со средневековым народом Туркестана – кимак. Позже зарубежные востоковеды П.Пелльо, В.Ф.Минорский и К.Г.Менгес сумели доказать тождество племени «кумо-хи» или «хи» китайских источников с каи. Более того, французский синолог П.Пелльо убедительно доказал, что слово кумов китайской транскрипции кумоси является эквивалентом имени кумак-кимак. Поэтому попытка отождествления этнических названий кимак-уранкаи, предпринятая С.М.Ахинжановым, как утверждает Б.Э.Кумеков, отнюдь не носит искусственный характер [Кумеков, 1994, с. 17]. При этом надо заметить, что общее происхождение кимаков и монгольских племен связывали такие знаменитые востоковеды, как И.Маркварт, Ю.А.Зуев и в недавнее время О.Прицак [Кумеков, 1994, с. 17; Ахинжанов, 1989, с. 122].

Надо сказать, что есть свидетельства о существовании названия кумак/кубак «змея» как раз в верховьях Иртыша [Ахинжанов, 1989, с. 123-125]. Затем предполагается, что кимаки могли иметь тайное, секретное название, которое являлось тотемическим символом, поэтому имело магическое значение. Это имя могло быть обозначение змеи во всех тюркских словарях, джилан или йылан [Ахинжанов, 1989, с. 116-118]. Необходимо сказать, что подразделение башкирских кыпчаков елань принято связывать с этими джиланами, или йыланами. Так, башкирский этнограф Р.Г.Кузеев считает, что еланцы были в XIII–XIV вв. составной частью (родом) кыпчаков; исходя из высказывания информатора: «мы елан-кыпчаки» (без йылан-кыпсактар) [Кузеев, 1974, с. 363].

Интересно, что С.М.Ахинжанов считал династию Шаруканидов династией племени уранкай (кимак). В этой связи особо следует отметить тот факт, что Карлу Менгесу удалось доказать, что антропоним Шарукан восходит «к венгерскому sarkan или его древневенгерской форме, имеющей значение “дракон”» [Менгес, 1979, с. 172-173]. Таким образом, в истории Евразийских степей исключительную роль сыграл народ змей, дракона. Как предполагает С.М.Ахинжанов, народ лун (дракона), в котором он видит кимаков, упоминается в VIII в. в степях Центральной Монголии [Ахинжанов, 1989, с. 123].

Можно привести тот факт, что у кимаков-уранкаев в центре их кочевий находилась гора Манкур. Имея в виду это, С.М.Ахинжанов кыпчакское племя манкуроглу связывает с кимаками [Ахинжанов, 1989, с.154-155, 263]. Скорее всего, название гор как тотем было закреплено за отдельной группировкой кимакских племен [Ахинжанов, 1989, с. 107]. Ю.А.Зуев выдвинул тезис о возможном существовании нескольких «Манкуров», что обусловлено перемещениями самих кимеков [Зуев, 1992, с. 37]. В якутском предании идет речь о том, что предок саха Омогой Баай жил в далекой стране народа Монкуур [Боло, 1994, с. 23].

В свою очередь Л.Амбис, а затем и Ю.А.Зуев отождествили йемеков с племенем яньмо, упоминаемым в китайских источниках в связи с событиями VII в. в западнотюркской среде. Но казахский востоковед Б.Э.Кумеков полагает, что имя кимак и йемек являются названиями одного племени [Кумеков, 1972, с. 32-42].

Сторонники обеих точек зрения при этом опираются на труд Махмуда Кашгарского, в котором автор (тюрк по своему происхождению) совершенно не упоминает кимаков. На правом берегу Иртыша, где размещают кимаков Гардизи и неизвестный автор «Худуд-ал-Алама», он знает племя кай. Однако на Иртыше он размещает также йемеков и рядом с ними татар [Ахинжанов, 1989, с. 104]. Безусловно, исходя из предания, зафиксированного Гардизи, можно сказать, что йемеки и татары входили в состав кимакского обьединения, но не они определяли основу этого иля [Ахинжанов, 1989, с. 104].

В качестве доказательства правоты своей гипотезы Б.Э.Кумеков часто приводит тот факт, что в мусульманских источниках название племени возможно зарегистрировано в «Худуд-ал-алам», где упомянута столица кимаков – «Намакия», которую В.Ф.Минорский представляет как «Йемакию» [Кумеков, 1972, с. 39-41, Арабские источники… с. 18].

Утверждение о том, что кимаки-уранкаи или же древние кумохи были изначально монголоязычным этносом, а в Туркестане выступили как могущественный тюркоязычный народ, безусловно, требует обьяснения. Однако в истории кочевых народов таких примеров немало. Кочевники при переселении на другое место легко меняли свой язык. В этой связи возможно правы такие исследователи, как Б.Э.Кумеков, Л.Н.Гумилев, Д.Г.Савинов, которые утверждают, что кимаки – как «ил», скорее йемеки, чумугуны, уйгуры, т.е. древние тюрки, а не перекочевавшие из Маньчжурии на Иртыш монголы.

Вполне вероятно, у них только правящая династия была родом из монголоязычных племен.

Писавший свое сочинение в X в. Ибн Хаукаль на приложенной к сочинению карте отметил, что кипчако-кимакские племена кочевали вместе с огузами в степях севернее Аральского моря, а ал-Масуди примерно в то же время писал, что все они кочевали по Эмбе и Уралу: «между их устьями 10 дней пути; на них расположены зимовки и летние кочевья кимаков и огузов» [Кумеков, 1972, с. 63].

Об этом тесном соседстве знали и другие арабские и персидские авторы. Так, ал-Марвази писал, что «когда между ними (кимаками и огузами) мир, кимаки откочевывают зимой к огузам», а Бируни, наоборот, отмечал, что ог4узы нередко кочуют в стране кимаков. Отдельные орды кимакских племен нередко кочевали на берегах Каспийского моря: в «Шах-наме» это море даже называется Кимакским.

В X в, кимакский союз был крепким государственным образованием, известным в источниках под общим наименованием «Кимакский каганат». В него входили все племена, перечисленные в рассказанной Гардизи легенде. Экономическое развитие племен и орд кимакского объединения, раскинувшего свои поселения и кочевья по тысячекилометровой степи (от Иртыша до Каспия, от тайги до казахстанских полупустынь), было различно.

Вот такие сведения о стране кимаков дает «Худуд-ал-алам»: «К востоку от этой страны живет племя хырхызов; к югу от нее – реки Артуш и Итиль; к западу от нее некоторые из хифчахов и некоторые из северных ненаселенных земель; север ее расположен в тех северных местностях, где люди не могут жить. В этой стране есть только один город, но много племен. Эти люди живут в жилищах из войлока и, как летом, так и зимой скитаются по пастбищам, водам и лугам. Товары их: черные куницы и овцы. Пища их летом – молоко, а зимой – запасенное мясо. Когда между ними и гузами мир, зимою они направляются к гузам. Властитель кимаков называется хакан. У него есть одиннадцать наместников внутри страны кимаков, и подвластные земли даются в наследство детям наместников» [Худуд-ал-алам, 1973].

В разных источниках страна кимаков описана не одинаково. В некоторых из них кимаки названы кочевниками, живущими в шатрах, а во всей стране имеется только один город [Худуд Ал-Алам, 1973, с. 44]. В других источниках у кимакских царей упоминается 10 или 16 городов, среди которых столица, носившая название Хакан. Жители

этих городов и соседней округи возделывают поля, выращивают пшеницу и рис. Ремесленники делают изделия из железа «необычайной красоты». В городах имеются храмы, жилые дома и базары. У хакана есть «замки, величественные строения и приятные места увеселения». Жители этих городов названы тюрками или кимаками, которые «исповедуют сабейскую религию. Поклоняются солнцу и ангелам» [Кумеков, 1981, с.17-18].

Распространенные в Верхнем Прииртышье в эпоху раннего средневековья погребения с конем Д.Г.Савинов считает, принадлежащими йемекам. По его мнению, йемеки были потомками одного из телесских племен, яньмо [Савинов, 1976, с. 95]. Г.Е. Грумм-Гржимайло считал это племя (янь-мань или янь-мэ), одним из телесских племен, населявших Тянь-Шань [Грумм-Гржимайло, 1926, с. 256, 269]. С.М.Ахинжанов полагал, что йемеки, или яньмо, были «исконно тюркским» племенем, которое жило в верховьях Иртыша с VII в. [Ахинжанов, 1976, с. 89]. Но среди телесских племен, упомянутых в раннесредневековых китайских источниках, племени янь-мань, или янь-мо, нет [Бичурин, 1950, с.301; Кюнер, 1961, с. 38]. Поэтому погребения с конем и оградки с изваяниями в Верхнем Прииртышье Ю.С.Худяков связывает с культурой древних тюрков Западного Тюркского каганата [Худяков, «О происхождении культуры средневековых кыпчаков»].

Предполагается, что часть кочевников пришла из Семиречья и Притяньшанья, являвшихся центрами для Западного Тюркского и Тюргешского каганатов после того, как их страна была завоевана карлуками. Откочевав на север, они стали основой для формирования новой конфедерации племен и нового государства – Кимакского каганата. К числу западных тюрков Д.Г.Савинов отнес племя имак, или йемек, и ими, или эймюр [Савинов, 1984, с. 103]. В составе объединения «он ок» в Западном Тюркском каганате предки этих племен были известны под названиями чуи, чуми, чумугунь [Грумм-Гржимайло, 1926, с. 259, 265, 269]. По предположению Ю.С.Худякова появление и расселение йемеков и эймюров в Верхнем Прииртышье повлекло за собой распространение погребений с конем и поминальных сооружений с каменными изваяниями [Худяков, «О просхождении культуры средневековых кыпчаков»].

По свидетельству Махмуда Кашгарского, у народа каи (т.е. кимаков), так же как у татар, был «свой язык», и в то же время они хорошо владели тюркской речью. Из исторических сведений известно о том, что племя каи, или си (хи), последовательно входило в состав

каганатов, возглавляемых древними тюрками, се-яньто и уйгурами [Ахинжанов, 1989, с. 113-114]. Есть и третья точка зрения, утверждающая о тунгусоязычии кимаков, исход из этого, кимаки и эвенки являются потомками древнего народа хи, или каи, [Туголуков, 1984, с. 401].

Племя ибилькур, происходящее от тюрок Кюлюг-кюльчура, Л.Н.Гумилев отождествлял с чумугунь – единственным из чуйских племен, сохранившим в середине VIII в. самостоятельность, несмотря на то, что они находилось между карлуками и тюргешами. Владения этого племени располагались по западной стороне Тарбагатая. Гардизи в этом районе локализует кимаков. Название кимаки было неизвестно средневековым китайским географам, так же как названия чумугунь не знали персидские и арабские географы. Поэтому можно думать, что те и другие имели в виду одно и то же племя. Происхождение правящего рода кимаков из татар, приводимое Гардизи, относится к началу X в. и связано не с татарами, а с татабами, которых в это время покорили кидани [Гумилев, 1993].

Необходимо сказать о том, что после распада в 840 г. Уйгурского каганата часть племен, входивших в него (эймюр, баяндур, татар), присоединилась к ядру Кимакского каганата [Кумеков, 1972, с. 114]. У ал-Масуди (вторая половина X в.) упоминается сложный этноним кимак-югур, в котором, вероятнее всего, следует видеть собирательное название группы населения уйгурского происхождения, входившей в состав государства кимаков [Ахинжанов, 1989, с. 195-196]. Важные сведения об уйгурах на Иртыше приводит Абуль-Гази (автор XVII в.): «Третье колено (уйгуров) поселилось в лесах на Иртыше, не разводило скот, а занималось рыболовством и охотою на выдр, соболей, куниц и белок, питалось их мясом и одевалось в их шкуры» [Савинов, 1984, с. 105].

В результате взаимопроникновения кимаков и древних кыргызов и их культурно-этнической интеграции складывался по одной из версий современный кыргызский этнос. К XI в. в кимакском каганате образуется целая область со смешанным населением, причем имело место именно древнекыргызское проникновение в районы кочевания кимакских племен. Однако известно и о военном противостоянии между кимаками и кыргызами. Страна кимаков была обьектом активной военной экспансии древних кыргызов. В свою очередь, кимаки также не оставались в долгу, кыргызы, имевшие 4 города в стране кимаков, «особо должны опасаться предприимчивости царя

кимаков, воинственного государя, который находится почти всегда в состоянии войны со своими соседями» [Савинов, 1994, с. 131].

В результате трудов Д.Г.Савинова принято отождествлять сросткинскую культуру с кимаками. Исторической родиной кыпчаков, по Д.Г.Савинову, является Верхнее Приобье, в формировании культуры кыпчаков принимали участие носители верхнеобской и таштыкской культур [Савинов, 1979, с. 55-56]. По его утверждению археологические памятники кыпчаков IX–X вв. можно выделить в рамках сросткинской культуры. Однако В.А.Могильников не согласился с отнесением сросткинской культуры к кимакам [Могильников, 1981, с. 45]. В дальнейшем он выделил на материалах памятников, раскопанных в Степном Алтае, четыре этнические группы средневековых кочевников. Погребения по обряду ингумации со шкурой или чучелом коня он отнес к огузам, захоронения по обряду кремации – к енисейским кыргызам, захоронения по обряду ингумации – к местному «кимако-кыпчакскому этносу», погребения с конем – к тюркам Горного Алтая. В.А.Могильников предположил и появление в Степном Алтае монгольских этнических групп [Могильников, 2002, с. 123-125].

Кимакский союз сложился в IX в. и в него первоначально входило семь племен: имак (йемек), ими (эймюр), байандур, татар, ланиказ, аджлад и кыпчак [Савинов, 1984, с. 103-104]. Среди тюркских народов этнонимы, включающие элемент «бай», являются широко распространенными. Байандур – один из 24-х огузских племен [Кузеев, с. 329]. Название огузского племени «барани», которое властвовало в огузском государстве в X в., сопоставимо с названием племени «берендей», обозначения тюркских пограничников в Южной Руси. Берендеев принято сопоставлять с названием кимакского племени байандур.

В легенде о происхождении кимаков, записанной автором XI в. Гардизи, говорится о переселении предков кимаков из страны татар. Мотивы этой легенды имеют параллели с преданиями об Эллэе и Омогое-предках саха. Во-первых, в кимакской легенде есть мотив о том, как младший брат из зависти к старшему, ставшему владыкой после смерти начальника татар, совершает покушение на него [Ахинжанов, 1989, с. 95]. В «Эллэйаде» также имеется подобный эпизод. Так, Эллэй был якобы сыном татарского царя. В другом предании Омогой-младший сын татарина из зависти к братьям переселяется к большой реке [Ксенофонтов, 1977, с. 41-55].

Далее, в кимакской легенде речь идет о том, как младший сын прибыл к большой реке, где много деревьев и обилие дичи. Этот человек и рабыня вместе охотятся, питаются мясом дичи и делают

себе одежду из меха [Ахинжанов, 1989, с. 95]. С этим можно сравнить мотив о прибытии Эллэя на Лену и те эпизоды, где он охотиться на дичь и носит одежду из меха, потом женится на дочери Омогоя [Ксенофонтов, 1977, с. 54]. Дальнейшее развитие сюжета кимакской легенды о приходе 7 человек из родственников татар можно сравнить с преданием саха о том, как к Омогою прибывает Эллэй и становится его пастухом. В кимакской легенде, повествуется о выходе к ним навстречу рабыни. Позже эти люди становятся пастухами кимакского владыки. В «Эллэйаде» встречается и мотив о выходе навстречу к новоприбывшему Омогою рослой уранхайки из числа людей, прибывших с юга до него [Ксенофонтов, 1977, с. 48].

В «Эллэйаде» можно найти параллели и с мотивом кимакской легенды, когда Шад, стоя на берегу Иртыша, слышит голос, но находит в воде только волос, оказавшийся его женой, упавшей в воду, которую схватил дракон [Ахинжанов, 1989, с. 95-96]. Так, царь Хаан-Боллох дает наказ Эллэю достать со дна моря женщину, живущую там. Она якобы приходится дочерью морского зверя, но оказывается особым зверем, существующим на горах. Когда, сидя на вершине утеса, он чешет волоса, отражение его бывает видно на воде [Ксенофонтов, 1977].

Исследователи сравнивали сросткинскую археологическую культуру, связываемую с кимаками, с археологической культурой якутов XVI–XVIII вв. К таким параллелям относятся: железные стремена, удила с кольчатыми псалиями, украшение конской сбруи, женские пояса, бронзовые женские украшения, железные наконечники стрел в форме двурогих срезней и т.д. [Гоголев, 1992, с. 103-109].

Якутский этнограф Ф.Ф.Васильев обнаружил сходство погребения с конем в местности Манчаарылах с подобными памятниками в Прииртышье, принадлежащими кимакам. Им также отмечен факт сходства ритуального погребения собаки, встречающего в якутских материалах и обнаруженных в Горном Алтае и Прииртышье погребений, принадлежащих тем же кимакам [Васильев, 1995, с. 22-23].

Таким образом, происхождение кимаков связано с тюркоязычными племенами, входившими в состав I и II Тюркского и Уйгурского каганатов. После падения могущественных тюркских каганатов на территории Монголии, их население устремилось на запад. Сами кимаки могут быть связаны с йемеками – яньто. Постольку этноним кыпчак связан с племенем сир ~ сйе, то в союз сйеяньто могли входить как йемеки – кимаки, так и сйе (сир) – кыпчаки.

К проблеме происхождения средневековых кыпчаков. На Руси их знали как половцев, в Центральной Европе называли команами, а на Востоке – кипчаками. Их именем стала называться вся Великая степь – Дешти-и-Кипчак, («Половецкое поле»). Однако ранее VIII–IX вв. их имя не упоминается в хрониках. Поэтому появились чисто умозрительные сопоставления. Сыма Цян (II в. до н.э.) упоминает племя цюйше, Б.Калгрен попытался его реконструировать как кыйчак-кыпчак, ряд советских исследователей поддержали его [Бернштам, 1947, с. 154]. Отсюда предполагается, что гипотетически народ цюйше мог продвинуться в бассейн Верхней Оби, где они еще раз упомянуты в связи с походом Дулу-хана [Савинов, 1994, с. 73].

Эта гипотеза получает подтверждение в синхронных археологических памятниках конглемератной, верхнеобской культуры Северного Алтая. Так в ее одинцовском этапе, встречаются элементы, ставшие характерными впоследствии для культуры раннесредневековых кыпчаков (серьги в виде знака вопроса, удила без перегиба, витые гривны, ажурный стиль) [Гоголев, 1992, с. 100].

Следует указать и то, что в отечественной и зарубежной историографии сложилось мнение о том, что кипчаки западных источников были куманами. В западноевропейских, византийских, армянских, грузинских источниках кыпчаки называются с позиции их языка по-своему – команы, куманы, валаны, плавцы, хардиаш [Ахинжанов, 1989, с. 79-80]. Например, по мнению профессора О.Притцака, термин «куман» в названии кумандинцев адекватен названию половец и кыпчак.

Существует и гипотеза, опирающаяся на цветовую характеристику слова. Прилагательное «куба» обозначает бледный, белесо-желтый цвет, и предполагается образование слова «кыпчак» именно от этого прилагательного. «Куба» переводится у ногайцев – бледный, у шорцев и сагайцев-сероватый, бледный, у казахов-бледно-желтый. Так, в языке саха есть слово куба манан, кубагай-светлый, светло-белый, бледный.

Однако известные исследователи П.Пелльо, К.Цегледи, А.Н.Кононов и Б.Э.Кумеков разделяют куманов и кыпчаков. Например, Б.Э.Кумеков утверждает, что на востоке и на западе Дешт-и-Кыпчака были племена или группы племен, носившие общее, обьединявшее их самоназвание куман, и они просто находились под политическим влиянием кыпчаков [Кумеков, 1994, с. 31]. При этом надо заметить, что А.И.Гоголев дает такую этимологию кыпчак (кып+чак): кып=куб, кубан «бледный», «светлый» и чак=сак, сака, т.е. «светлолицый сака»

[Гоголев, 1993, с. 122]. Нужно отметить тот факт, что кумандинцы на Горном Алтае первоначально состояли из обьединения двух родов: со и куманды. Отсюда можно выдвинуть и гипотезу, согласно которому, кыпсаки возникли в результате обьединения двух племен: куман=куба+сака=чак.

По одной точке зрения куманы сопоставимы с народом сары ал-Марвази. Например, как считал С.М.Ахинжанов, этнонимы «куман» и «сары» обьясняют внешний облик кыпчаков-половцев [Ахинжанов, 1989, с. 81-84]. Знаменитый востоковед В.В.Бартольд впервые высказал предположение, что этноним «половцы» – это калька с тюркского этнонима «сары (к)». Однако бытование этнонима сары(к) у среднеазиатских народов, казахов и башкир приводит к мысли, что в средние века «сары (к)» было («желтый»), видимо, наименованием крупного тюркоязычного племени [Шаниязов, 1974, с. 29-30]. По мнению же С.Г.Кляшторного половцы отличны от кыпчаков и являются потомками части басмалов, прозываемых шары [Кляшторный, 1984, с. 56]. Русским источникам половцы были известны (кроме имени команы), под названием сарацин, сорочин, срачин, сорочинин [Шаниязов, 1974, с. 29]. Весьма показательным представляется тот факт, что западноевропейские и древнерусские источники не знакомы с этнонимом кыпчак. В олонхо часто встречается слово сараһын – бледноликая в применении к дочери абааһы, применительно к дочери Сах. В некоторых текстах олонхо упоминается сараһын улууһа, т.е. «племя лукавых». Есть упоминание и о спрятавшихся в ветвистых деревьях аймахе сараһын.

С.Г.Кляшторный и Т.И.Султанов отметили, что в арабских источниках кыпчаки впервые упомянуты в сочинении арабского автора Ибн Хордадбеха в середине IX в. среди племен, соседей страны турфанских уйгуров, а у Махмуда Кашгари «местность кыфчаков» указана близ Кашгара [Кляшторный, Султанов, 2000, с. 109-110].

Так согласно легенде об Огуз-кагане, приведенной у Рашид-ад-дина, кыпчаки были одним из 24 племен огузов. Мифического мальчика, которому Огуз-каган присвоил имя кыпчак, и по имени которого назвали его племя, согласно легенде, нашли во время неудачного похода огузов на племя ит-барак в дупле дерева, что и отразилось на его имени. «Это слово-производное от слова “кобук”, что по тюркски-означает “дерево со сгнившей сердцевиной”» [Рашид-ад-дин, 1952, с. 83, 84]. По замечанию Абу-л-Гази: «На древнем тюркском языке дуплистое дерево называют кыпчак» [Абульгази, с. 43]. Таким образом, в происхождение кыпчаков непременным атрибутом

выступают дерево и лес. Возможно, этноним кыпчак связан со словом саха кыпчый, кыбытар – зацепить, защемлять.

Здесь также следует привести тот факт, что этнограф саха В.Е.Васильев устанавливает прямую связь между стоячими барабанами табык и каменными изваяниями древних тюрков, именуемыми в литературе «половецкими бабами». По его словам истоки этого обряда, видимо, восходят к глубокой древности, когда люди хоронили останки (кости, пепел) сородичей в дуплах растущих деревьев. Так, позднее внутри дуплистых деревьев якуты замуровывали коробы тюктюйэ [Васильев, 1995, с. 289-290].

Весьма интересен и тот факт, что вместилище духа умершего саха называли купсуй. Этот миниатюрный «гроб» из полого обрубка дерева шаманы обвязывали веревкой и ставили на верхней полке матицы дома [Васильев, 1995, с. 206]. При этом «звучащий» фетиш купсуй напоминал берестяной короб туктуйэ, он также сопоставим с ритуальным барабаном купсуур. Любопытно и то, что для изготовления барабана дьолоккой купсуу якуты выбирали комель огромной дуплистой лиственницы. В пору утренней или вечерней прохлады (*дьыбар*) они ставили барабан широкой стороной вверх и били по нему палкой. Полый барабан купсуу употребляемый во время похорон или свадеб, могли использовать только шаманы [Васильев, 1995, с. 204-205].

Между тем Г.Рамстедт в 1909 г. обнаружил в Монголии стелу с руническим текстом. Автор уверенно интерпретировал начальную часть строки: «Когда тюрки-кыпчаки властвовали над нами пять-десять лет» [Кляшторный, 1986, с. 162]. Востоковед Ю.Зуев считает, что таким образом уйгурский каган Моюнчур утверждает, что в государстве тюрков и подвластных им уйгуров господствующей, т.е. династийной, группой были кыпчаки [Зуев, 1967, с. 119]. Крупнейший советский и российский тюрколог С.Г.Кляшторный отсюда выводит, что господствующую группу племен, которую собственно тюркские памятники именуют «тюрками и сирами», уйгурский памятник из Шине Усу называет «тюрками и кыбчаками». Далее он же выдвигает предположение, согласно которому сиры древнетюркских эпитафий идентичны племени сеяньто в китайских источниках [Кляшторный, 1986, с. 153-155].

Сеяньто «особое поколение теле», из «поколения в поколение были сильным племенем» [Кюнер, 1964, с. 41]. После падения в 630 г. Первого Восточнотюркского каганата, сеяньто создали новый каганат просуществовавший до 645 г. Однако через некоторое время во вновь

воссозданном Тюркском каганате сеяньто вместе с орхонскими тюрками заняли господствующее положение. Это было племя со сложной, трудной судьбой. После падения обоих каганатов они подверглись геноциду со стороны своих врагов – армии Китая и древних уйгуров [Кляшторный, 1986, с. 157-159].

Во всяком случае, в истории Центральной Азии есть два этноса, про которые практически ничего не известно, это кыпчаки и сеяньто и С.Г.Кляшторному удалось довольно удачно обьединить их вместе. Так как после 735 г. о сирах не упоминается ни в одном источнике, но уже во второй половине VIII в. в руническом тексте и в первом арабском списке тюркских племен появляется этноним кыбчак, то можно предполагать об их связи [Кляшторный, 1986, с. 53].

Опираясь на легенды об Огуз-кагане, С.Г.Кляшторный провел этимологию следующим образом: кабук–кабчак–кыпчак, обьясняя значение термина, как прозвище-оберег с уничижительным значением «злосчастный, неудачный, злополучный». Это значение слова возникло, по мнению ученого, как подмена этнонима «сир» в ритуальной практике после падения сирского каганата в 646 г [Кляшторный, 1986, с. 159-160]. Но врядь ли от имени оберега в нарицательном значении слова могло получить свое название крупнейшая этнополитическая общность в средневековой истории степной Евразии.

Отождествление кыпчаков с сирами и сеяньто также сопряжено с определенными трудностями. Название сеяньто – двойной составной этноним, состоящий из наименований двух племен се и яньто, в тюркском варианте оно должно состоять из двух этнонимов. Однако сиры под такое двойное название явно не подходят [Худяков, 2004].

Эта гипотеза связывает происхождение кыпчаков и их культуры с Центральной Азией. С.Г.Кляшторный и Т.И.Султанов отметили, что в арабских источниках кыпчаки впервые упомянуты в сочинении арабского автора Ибн Хордадбеха в середине IX в. среди племен, соседей страны турфанских уйгуров, а у Махмуда Кашгари «местность кыфчаков» указана близ Кашгара [Кляшторный, Султанов, 2000, с. 109-110].

Д.Г.Савинов попытался адаптировать эту гипотезу к своей точке зрения о происхождении кыпчаков от цюйше, которые в хуннское время жили в Верхнем Приобье, а затем вошли в состав объединения теле [Савинов, 1994, с. 72-75]. Отождествление предков кыпчаков с известным в ханьских источниках названием кюеше или цюйше и его локализация в Верхнем Приобье вызывает серьезные сомнения. Это

племя упоминается в числе других этносов, покоренных «на севере» хуннским шаньюем Модэ в 201 г. до н.э. Хунны сначала подчинили племена Хуньюй и Кюеше-Цюйше, а вслед за ними Динлин, Гэгунь и Цайли, следовательно земли, населенные цюйше должны были находиться восточнее земель гяньгуней и динлинов, в Восточном Притяньшанье, а не на Верхней Оби [Бичурин, 1950, с. 50]. К тому же отождествление слов «цюйшэ» и «кыпчак» не оправдано фонетически [Кляшторный, Султанов, 2000, с. 110].

По мнению Ю.С.Худякова, термин «кыпчаки» в буквальном смысле обозначала «ничтожные», в переносном смысле – «кочевники» в Кимакском каганате. Кимаками в Кимакском каганате с развитием городов и земледелия стала называться оседлая часть населения и высшая знать. Горожане и земледельцы «кыпчаками» первоначально могли называть коренное для периода VIII–IX вв. н.э. тюркское кочевое население Прииртышья, уступавшее в своем развитии йемекам и эймюрам. Постепенно обозначение «дикие, никчемные кочевники» был перенесен на все кочевое население этого государства, самих тюрок и тюркизированное население лесостепной зоны Западной Сибири и степей Казахстана. Кимаки и другие племена приняли в качестве политонима общее название «кыпчаки» [Худяков, 2004].

У аль-Марвази есть интересное место, где он отождествляет басмылов с шары, занявших прежние земли туркменов и огузов, т.е. степи Казахстана. Во главе басмылов стояли князья из рода Ашина, а шары, по аль-Марвази, были известны благодаря их вождю, происходящему от басмылов [Кляшторный, Савинов, 2000, с. 56].

Народ сары упоминаемый аль-Марвази считали одним из первых упоминаний половцев-куманов. Так, В.В.Бартольд впервые высказал предположение, что этноним «половцы» – это калька с тюркского этнонима «сары (к)». Действительно, в русских источниках половцы были известны, кроме коман, как сарацины, сорочины, срачины, сорочинины [Шаниязов, 1974, с. 29]. Даже в якутском олонхо часто встречается слово «сараһын» – «бледноликая» в применении к дочери абааһы, применительно к дочери Сах. В некоторых текстах олонхо упоминается сараһын улууһа, т.е. «племя лукавых». Имеется и упоминание о спрятавшихся в ветвистых деревьях аймахе сараһын.

Басмылы представляются потомками бома-алатов. По мнению С.Г.Кляшторного басмылы тождественны с шары-кыпчаками, т.е. половцами. Значит, басмылы могли участвовать в этногенезе кыпчаков, заселявших в X–XIII вв. обширную степь от Дуная до Алтая.

В сочинении ал-Марвази дословно написано следующее: «Тюрки – великий народ, он состоит из множества родов и подразделений, и их семейства и множества неисчислимы. Часть из них, когда благодать ислама явилась в их краю, стали мусульманами и после того, как неверные возмутили там спокойствие, покинули свои земли и вступили в исламские города. Их называют туркменами. Часть из них копила силы, пока при Чагири-тегине они не отправились в поход, покорили мир и обрели господство. К ним принадлежит также племя маурка, именуемое кун. Они ушли из страны Кита и были вынуждены оставить свои главные становища из-за нехватки земли. Хорезм-шах Кинчи сын Тухфара был родом из них. Было также племя каи, которое они превосходили числом и воинским снаряжением, и потому изгнали с их пастбищ. Тогда они переселились в край Сари, а жители Сари ушли в страну туркменов. Гузы же пошли на землю печенегов вблизи от побережья Армянского (Каспийского) моря» [Маркварт. «О происхождении народа команов».

События, имевшие место в казахстанских степях в первой половине XI в. повествуемые в сочинении ал-Марвази сыграли ключевую роль в этногенезе кыпчаков. Е.Кумеков связывает их с распадом Кимакского каганата и миграцией племен, входивших в его состав. Каи (ветвь кимаков) и куны (западная ветвь киданей), потеснили кимако-кыпчаков в Северо-Восточном Семиречье и нанесли тем самым смертельный удар кимакской державе. Каи привели в движение шары, т.е. кыпчаков, западную ветвь кимаков. Кыпчаки двинулись на огузов и вынудили их бежать в южнорусские и причерноморские степи. Захват огузских земель в бассейне Сыр-Дарьи, Западном Приуралье и Северном Прикаспии привел к усилению кыпчакского племени. Сами кимаки в ходе этих событий не только потеряли политическую гегемонию, но и оказались в зависимости от кыпчаков [Кумеков, 1972, с. 32].

С.М.Ахинжанов подверг сомнению устоявшееся в науке отождествление кимаков и кыпчаков. Он считал, что в отличие от тюркоязычных йемеков и кыпчаков, кимаки, татары и байандуры, входившие в состав кимакского объединения, были монголоязычными племенами [Ахинжанов, 1983, с. 122].

По утверждению С.М.Ахинжанова это переселение было следствием образования в начале X в. в Северной Корее государства Ляо, основанного киданями. Часть киданей куны в количестве 16 тысеч шатров в 1032 г. отделилась от основной части своего этноса и с разрешения правителей державы караханидов поселилась на границе

между владениями последних и Китаем. Но на них напали каи, которых С.М.Ахинжанов отождествляет с кимаками, совместно с ябагу, басмылами и джумулами. Ими было сдвинуто с места племя шары или кыпчаков и вместе с ними устремились далее на запад.

С.Г.Кляшторный кунов отождествил с ябагу, древним тюркским этносом, ушедшим после разгрома Уйгурского каганата (840 г.) в Восточную Монголию. Каи, по его мнению, были потомками «белых си», как и куны, входившими в раннем средневековье в конфедерацию тюркоязычных племен теле. Шары отождествляются им с басмылами, крупным тюркским этносом, в конце VIII в. даже претендовавшим на гегемонию в Центральной Азии. Куны и каи будучи вытесненными из монгольских степей киданями, в Западной Сибири, Джунгарии и в Семиречье слились с другой группой тюркских племен – шары и басмылами. Далее потерпев поражение в войнах с караханидскими карлуками, обе группировки продвинулись далее на запад. Очевидно, что в новом объединении племен сохранились две основные группы: куны-команы и шары-половцы. По мнению С.Г.Кляшторного, мощное объединение новых кочевников на Южной Руси стало именоваться «половцами» не от якобы светловолосых кыпчаков, а от басмылов, второе название которых «шары» означает желтый, рыжий, пестрый. Таким образом, им басмылы отождествляются с шары, куны с команами (куманами). По его утверждению, Махмуд аль-Кашгари шары называет по имени главенствующего племени басмылами, то другим названием кунов было ябагу [Кляшторный, 1986].

Внутри огромного массива кыпчакских племен существовали отдельные племенные группировки, сложившиеся до распространения кыпчаков от Алтая до Дуная, прообразы будущих народов. Среди них башкиры, караклобуки – предки каракалпаков. Казахский востоковед Б.Э.Кумеков говорит о существовании трех отдельных народов: куманов, кыпчаков и кимаков [Кумеков, 1994, с. 32]. По-видимому, были и отдельные группировки, население которых говорило на других языках, чем кыпчаки. Например, это саксины – ветвь огузов. Тем более утверждается, что кыпчаки располагавшиеся близ Сырдарьи, по-видимому, имели язык огузского типа.

В период существования Монгольской империи на территории Центральной Азии и сопредельных стран, покоренных Чингиз-ханом и его преемниками, проживали и принимали активное участие в военно-политических событиях кыпчаки, находившиеся на службе у монгольских ханов, а в дальнейшем у юаньских императоров. Судя по биографическим сведениям о некоторых известных кыпчакских

деятелях, состоявших на службе у монгольских правителей, все они попали в Монголию после завоевания Дешт-и-Кыпчака. Например, хан восточных кыпчаков Кунджек попал в плен к монголам во время завоевания его страны. В дальнейшем он и его сын Кумурбиш – Кунджи были на службе у самого Чингиз-хана. Кунджек был старейшиной держателей зонта. Это был особого рода зонт, который держали над государем. Сын Кунджека славился как искусный охотник при дворе монгольского хана [Кляшторный, Султанов, 2000, с. 203]. Предки знаменитого юаньского полководца, кыпчака Тутуха, происходили из племени Аньдоган или Ильбари, обитавшего в степях Южного Урала [Ахинжанов, 1989, с. 291-202]. Его отец Баньдучар добровольно подчинился монголам, отличился при завоевании Руси, южной китайской империи Сун и государства Дали. Монголы называли его «сильным и доблестным».

В военных действиях на стороне империи Юань против войск хана Хайду на территории Алтая в 1266 г. принимал участие и военачальник Асанбука из племени канглы [Кадырбаев, 2000, с. 73]. Судя по этим сведениям, кыпчаки могли оказаться на территории Горного Алтая и других районов Центральной Азии в результате монгольских завоеваний и переселений в качестве воинов Монгольской империи [Худяков, 2004].

Учеными прослежены события, в которых принимали участие кыпчаки в составе войск Монгольской империи Юань в Центральной Азии в XIII в [Кадырбаев, 1990, с. 56-61]. Высказывались предположения о принадлежности к культуре кыпчаков погребений по обряду одиночной ингумации на Среднем Енисее, и захоронений со шкурой коня в Монголии и Забайкалье [Кызласов, 1980, с. 90-91].

Гардизи называет кипчаков одним из семи племен кимаков. Он допускает наличие вассальной зависимости их властителя от кимаков, но рассматривает кипчаков как особое племя, возможно отделенное от кимаков территорией, именуемой Ондар-аз-Кипчак. Но уже к концу XI в. форма взаимоотношений кипчаков и кимаков настолько изменилась, что Кашгари представляет йимаков, т.е. предположительно один из изначальных кланов кимаков, как своего рода бедных родственников кипчаков. Маркварт полагает, что кипчаки извлекли наибольшую выгоду из победы гузов над печенегами. Разъясняя процесс формирования племени кипчаков, Маркварт предполагает три постепенные стадии их монголизации. Во-первых, согласно Гардизи родоначальники кимаков в VII в. отделились от татар; во-вторых, куны, род, принадлежавший монголам Марка, упомянутый у Ауфи,

привели в движения изначальные племена в начале XI в.; и в-третьих, создание государства кипчаков (в Юань ши: *Kin ch'a) объясняется появлением около 1120 г. неких князей, чье изначальное местообитание находилось близ Жехэ в Северном Китае.

Остается добавить, что в вызвавшем немало споров фрагменте Ауфи цепная реакция перемещений кочевых племен начинается с вторжения кунов в область Сари. Обитатели Сари надавили на гузов-туркмен, а последние переместились в южные области обитания печенегов. В.В.Бартольд в своей рецензии на Komanen Маркварта высказывает предположение, что под сари подразумеваются кипчаки, и эта гипотеза подтверждается тем фактом, что кипчаки были тем самым народом, который гнал перед собой гузов/узов и дал свое имя степям (Дешт-и Кипчак), прежде ассоциировавшимся с именем гузов. В.В.Бартольд также предполагает, что sari<sarı, по-тюркски «желтый», вполне подходящее название для народа, известного на западе под именами: половцы, Pallidi и т.д. Против гипотезы В.В.Бартольда тот факт, что в тексте Ауфи ahl-i Sari можно перевести не иначе как «народ [территории именуемой] Sari». Впрочем, название Сарысу могло быть связано с неким «желтым» племенем. Более того, дорога, предположительно ведущая к Сарысу, пролегает через пески, названные тюрками. Если последнее название имеет какое-то отношение к куманам, то это прямой путь к доказательству того, что «народ Сари» был никем иным как «куманами» (кипчаками) [Минорский, 1937].

Названия кипчакских племен со ссылкой на летопись XIII в., составленную при мамлюкском эмире Бэйбарсе, сообщает Ан-Нувайри (XIV в.): токсоба, иета, бурджоглы, бурлы, кангуоглы, анджоглы, дурут, карабароглы, джузнан, карабиркли, котян. Позже перечень Ан-Нувайри повторил Ибн-Халдун [Тизенгаузен, 1887, с. 540-541].

В последнее время растет число публикаций, содержащих новые факты и сведения о кипчакских племенах. Есть солидный корпус трудов археологов, которые связывают различные культуры Западной и Южной Сибири с этногенезом кыпчаков. Выделение обширной кипчакской группы тюркских языков показывает место кипчаков в этногенезе тюркских народов западных степей. Создание исследования по этнической и политической истории кипчаков с эпохи древности до позднего средневековья – одна из нерешенных задач тюркологии. Изучение кипчакских родоплеменных образований в отдельных регионах или в составе тех или иных этносов, может пролить свет на этническую историю кыпчаков.

Глава 3.
ВЫХОДЦЫ С ТЕРРИТОРИИ МОНГОЛИИ

Канглы – потомки древних Гаогюй[1]**.** Племена и роды под названием канглы или с основой канг существуют у всех современных тюркских народов. Канглы считаются потомками древних кангюйцев. Кангюй – могущественное государственное образование на территории Приаралья и Сырдарьи, со II в. до н.э. до V в. н.э. Б.А.Литвинский предками кангюйцев считает «саков, которые за Согдом» [Литвинский, 1968]. Тюркологи С.С.Аманжолов и Н.К.Антонов этноним канглы/канлы выводят от слова канк «телега» [Аманжолов, 1959]. Ещё в легенде об Огузе, приведенной у Абулгази, даётся народная этимология, согласно которой предок канглы получил свое имя вследствие того, что чинил телеги [Абульгази, 1984].

А.Т.Кайдаров и С.Г.Кляшторный пришли к выводу, что в древности этноним канглы мог употребляться в значении: «речные», «обитатели рек» [Кляшторный, 1964, с. 150-180; Кайдаров, 1984. с. 39-47]. Они слово канг/кан считают древнеиранским, а не тюркским. Э.Пуллибланк производит слово кангюй на основе «тохарского» канк – «камень» и, исходя из этой этимологии, говорит о «кангюйской разновидности тохарского языка». Б.А.Литвинский племенное название кангюй пытается объяснить, учитывая хотано-сакское слово канка – «кожа», «шкура». Им наименование кангюй истолковывается как сакский этноним с примерным значением «люди в кожаных одеждах» [Литвинский, 1968, с. 20-21].

В Авесте впервые упоминается Канга (Кангха) – столица легендарного Турана. Упоминание Канга (Кангхи) встречается и у Фирдоуси, который использовал архаическую топонимическую и этнонимическую номенклатуру Авесты, и располагал Канг – столицу Турана – за Сырдарьей, на северо-восток от реки. Сравнив перевод название этого гидронима у Ибн Хордадбеха как «реки Кангар» с данными древнетюркских рунических надписей о столице кангарасов Кангу Тарбане, а также приняв во внимание сведения китайских исторических летописей о государстве Кангюй с упоминаниями в Авесте и «Шахнамэ», С.Г.Кляшторный пришел к выводу о существовании на Средней Сырдарье древней этнонимической традиции.

[1] Гаогюй – название союза племен в Северной Монголии и в Забайкалье в IV–V вв., считаются предками уйгуров (прим. ред.).

Прослеживается определенная трансформация названий топонимов/этнонимов/оронимов с единой основой: Кангха – Канг – Кангюй – Кангу Тарбан – Кангар – Кенгерес [Кляшторный, 1964, с. 161-179].

Одним из самых ранних известий о Кангюе являются заметки китайского путешественника Чжан Цяня, посетившего это государство во II веке до н.э. Китайские авторы пишут о нем как о большом государстве, населенном кочевыми племенами, но имеющем и города [Боровкова, 2001, с. 293]. Обычаи и одежда кангюйцев в те времена, по описаниям китайских источников, не отличались от сармат и алан [Бичурин, 1953, с. 229], т.е. не выделялись из круга родственных североиранских скотоводческих племен.

С начала нашего тысячелетия Кангюй оказывается вовлеченным в события связанные с крушением державы хунну. Известно то, что кангюйский правитель поселил шаньюя и его народ на реке Или. С этого времени предполагается тюркизация кангюйцев. Центром владений кангюйцев, согласно древнетюркским эпитафиям, являлся город Кангю-Тарбан, а сами они становятся известными тюркам-тугю под именем кенгересов. Как показало исследование С.Г.Кляшторного, город Кангу Тарбан упоминается персидскими и арабскими источниками под именами Тарбад – Тарбанд – Турарбанд – Отрар [Кляшторный, 1951, с. 55-59].

Имя главы посольства, отправленного в 618 г. восточнотюркским Шиби-каганом в Китай, Кан-хэ-ли, Ю.А. Зуев читает как «кангарлыг». В разделе «Тамги лошадей из вассальных княжеств» труда IX в. «Танхуйяо» упоминается народ кан-хэ-ли, название которого также реконструируется как кангар [Зуев, 1961, с. 127]. Предполагается, что, являясь вассальным племенем восточных тюрков-тугю, они кочевали вблизи каганской ставки.

По мнению ряда исследователей этноним печенег возводится к названию одного из сакских племен – пасикам-пасианам, упомянутым Страбоном в числе кочевников, сокрушивших около 130 г. до н.э. Греко-Бактрийское царство [Кляшторный, 1964, с. 177]. Неравноправная война против огузов, карлуков и кимаков приводит к откочевке основной части печенежских племен в IX в. на запад. Некоторая группа покоренных огузами печенежских племен, судя по всему именно кангарские роды, сохранила и свое былое название – хангакиши [Кляшторный, 1964, с. 178]. В этом названии отразился их древний этноним «канг» в форме «канга-киши» – «люди Канга». С.Г.Кляшторный обнаружил свидетельства того, что у некоторых потомков кангаров еще в XI веке существовал так называемый «сме-

шанный хорезмийско-печенежский» язык [Кляшторный, 1964, с. 173-175]. Самоназвание «кангар» сохранилось только у трех печенежских племен.

Связь кыпчакского племени канглы с кангарами/печенегами первым из числа советских ученых отметил С.П.Толстов. Он пришел к выводу о переоформлении имени кангар в канглы в результате ассимиляции кыпчаками части огузо-печенежских племен [Толстов, 1947, с. 101]. По мнению С.Г.Кляшторного принятие этого имени первоначально кыпчакской знатью выражало их стремление связать себя с территорией завоеванных земель [Кляшторный, 1951, с. 68; 1964, с. 178-179].

Это отразил и знаток тюркских языков Махмуд Кашгари, писавший, что «Канглы – один из великих людей из кыпчаков» [цит. по: Кадырбаев, 1990, с. 20]. Мусульманские авторы XII – начала XIII вв. употребляют значения кыпчаки и канглы как синонимы. Позднее, в XII в., в числе племен кыпчакской конфедерации у ан-Нувейри, ибн-Халдуна и Рукн ад-Дина Бейбарса встречаются кангароглы (кангароглы – потомки кангаров) [Тизенгаузен, 1884, с. 539-541].

В легенде, приводимой Рашид-ад-дином (XIII в.), говорится: «Канлы. В то же самое время, как Огуз воевал со своим отцом, дядьями, братьями и племянниками, делал набеги и грабил их страны, то из всего народа, все те из его родственников, которые присоединились к нему и стали с ним заодно, по соображению собственного ума сделали повозки и нагружали на них [все] награбленное, другие навьючивали добычу на животных. [Повозку по-тюркски называют «канлы»], по этой причине и они названы именем канлы. Все ветви канлы [происходят] от их потомства. Впрочем, Аллах знает лучше!» [Рашид-ад-дин, т.1, кн.1, 1952, с. 84].

Схожую легенду в китайской летописи «Юань ши» (XIV в.) обнаружил исследователь А.Ш.Кадырбаев: «Канглы (Канли) – это есть то, что в эпоху Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) называлось Гаочэ-го – страна высоких повозок» [Кадырбаев, 1990, с. 21]. Данная легенда свидетельствует о том, что канглы можно отождествить вслед за Г.В.Ксенофонтовым с гаогюй – уйгурами.

Используя слово «канкали», Э.Паркер имеет в виду народ, известный китайцам во времена хунну как динлин или тиклик, при Тоба как «высокие телеги», во времена тюрков как «уйгуры», а во времена монголов как канкли – тюркское слово, означающее «телега» [Паркер, 2008, с. 119].

И.Маркварт пришел к выводу, что название народа «канглы» не имеет ничего общего с названием западнотюркского племени кенгерес и трех наиболее знатных печенежских орд Кангар, а также с именем древнего княжества Канг-ку (в окрестностях Ташкента), которое впоследствии распространилось на всю Согдиану (Канг). Отождествление канглы с кангарами представляется невозможным еще и потому, что эти последние уже в конце IX в. не остались под властью огузов, а ушли из области между Аральским морем и Яиком в причерноморские степи. Канглы с кангарами Константина Багрянородного, но также и с иранским племенем канг-ку китайского полководца Чан-Кьена (128 г. до н.э.) отождествил В. Шотт. Более того, он считал, что канкли могли стать в землях за Оксусом зажиточным и могущественным народом еще до установления власти сельджуков и принятия ислама. Согласно И.Я.Шмидту, название «канггар», или «ханггар», и ныне еще употребляется тюрками и монголами во всей Средней Азии, однако употребляется оно в отношении османов.

Поэтому И.Маркварт считает, что встречающийся в уйгурской легенде об Огуз-хагане вывод наименования «канглы» от тюркского «канг», «повозка», может быть вполне правильным. Исходя из этого, он приводит китайское обозначение народа теле, т.е. поздних уйгуров при династии Северное Вэй (386–556 гг.): «динлины с высокими повозками».

И.Маркварт приходит к выводу, что имя само по себе не позволяет нам сделать заключение о происхождении канглы. По сведениям восточных авторов, йимаки были одной из орд канглы. Считая канглы новой конфедерацией племен, пришедших на смену кимакам он вполне удовлетворительно разъясняет указанное Рубруком близкое родство канглы с команами (кипчаками). Тем самым, считая справедливым замечание В.В.Бартольда, что «племенные наименования канглы и кипчак представляются нам почти тождественными» [Маркварт, «О присхождении народа куманов»].

Ядро народа саха, по словам В.О.Долгих, составляли кангаласы, племенное название которых яха/саха стало названием всего народа [Долгих, 1960, с. 377]. А.И.Гоголев кыпчакский компонент в составе саха связывает исключительно с кангаласами. Впервые отождествление этнонима ханалас с названием племени канглы было сделано Г.В.Ксенофонтовым в неопубликованном II томе «Ураангхай-сахалар». Исходя из этого, Г.В.Ксенофонтов предполагал тождество канглы с гаогюйцами-уйгурами. Гаогюй – в переводе с древне-

китайского языка обозначает «высокие телеги» [Архив ЯНЦ СО РАН, ф.4, оп.7, ед.хр.32]. Он их считал предками кангаласов – третьей этнической волны в формировании саха.

В то же время стоит отметить, что роды и племена с подобными названиями были и в Енисее. Так, в «Сокровенном сказании» упоминаются хабханасы и ханьханэ, в «*Юаньши*» – ханхасы. Эти племена имели мало домашнего скота; доили оленей; пользовались лыжами. Считается, что под этими «тележными хакасами» имеются в виду степные качинцы [Кызласов, 1984, с. 154]. Потомками их являются самодийский Кангатский род и, возможно, камасинцы, самоназванием которых является слово «кангалас» [Вайнштейн, 1980, с. 86]. Однако этот этноним по происхождению считается нетюркским, а кетским [Алексеенко, 1980, с. 123].

Существует предположение, отождествляющее род хэнгелдур бурятского племени эхирит с кангаласами в составе саха. Данное сопоставление заслуживает внимания с филологической точки зрения: хангал-ас и хэнгел-дур. Некоторые эхиритские роды, по признанию Б.Цыдендамбаева, могли быть потомками родов саха [Цыдендамбаев, 1960, с. 44–45]. Но более интересным является связь названий канглы ~ хангалас с названием рода хангин имеющегося среди западных бурятов и монголов. Они считаются хоринским родом, попавшим в состав западных бурятов. Интересно, что в Монголии их иногда обозначали как ханглин.

Согласно исследованию С.М.Ахинжанова племя канглы обитало до монгольского нашествия в основном в Сыгнакском владении кыпчаков, и кочевало летом на Иртыше, а зимой уходило в долины Сырдарьи, Чу и Таласа. Сообщения о кочевьях канглов в верховьях Иртыша по соседству с найманами встречаются и у Рашид-ад-дина [Рашид-ад-дин, 1952, Т.1, кн.1, с. 136-137].

Известна тесная, а возможно и генетическая, связь канглов с кераитским улусом Тогрул-хана, занимавшего земли в районе реки Тола, в среднем течении Орхона и бассейне реки Онгин в Северной Монголии. Представители канглийской знати, например упоминаемый «Юань-ши» некий Кайранбай, служили при дворе кераитских ханов, а китайское сочинение «Менуэр-шицзы» прямо пишет об их родстве: «Кераиты были предками канглы. Западные именовались канглы, восточные кераитами» [Кадырбаев, 1990, с. 35-36].

В 1286 г. по приказу Хубилай-хана в империи были сформированы подразделения гвардии из кыпчаков и канглы [Кадырбаев, 1990, с. 97]. В 1308 г. кыпчакская гвардия была разделена на гвардии правого и

левого крыла, а в 1310 г. переформирована и усилена дополнительным контингентом войск гвардии канглы. Интересно и то, что все воины из канглы, служившие в других войсках, были отобраны для службы в гвардии [Кадырбаев, 1990, с. 111].

Представители племени канглы остались кочевать и на своих прежних землях по Сырдарье и на Тянь-Шане. Впоследствии, после распада Могулистана, могулы – канглы вошли в состав казахов. Казахское племя канлы входит в Старший жуз и проживает в южной части Казахстана, на прежних землях своих предков – кангаров. Племя кангды вошло в состав кыргызов во времена до XV в., когда кыргызы и южные алтайцы входили в единую общность [Абдуманапов, 2002, с. 11-14].

Известно, что остатки печенегов вместе с кыпчаками образовали половецкий племенной союз. Канглы входили в Кыпчакское ханство как значительная этнополитическая сила. В XII в. в районе Приаралья и нижней Сырдарьи канглы образовали крупное объединение племен, номинально подчинявшееся кыпчакским ханам. В политических событиях, особенно в сношениях с Хорезмом (в XII – начале XIII в.) канглы действовали независимо от кыпчаков. Это дает К.Ш.Шаниязову основание полагать, что канглы и кыпчаки являются самостоятельными племенными объединениями [Шаниязов, 1974, с. 40]. Китайские источники того периода определяют племенной союз канглы термином го, обозначающим государство. В тексте «Юаньши» написано: «Ашанбуха, потомок ханского рода государства канглы – канго ванцзу» [Кадырбаев, 1985, с. 117].

В войсках хорезмшаха, на чьей стороне канглы выступили против монголов, их было до 90 тысяч. Как свидетельствует Абулгази, значительная часть этих канглов была разгромлена в районе Джуда и Таласа монгольскими завоевателями. Плано Карпини в XIII в. проезжал через земли канглы после их завоевания монголами. Вот что сообщает он о страшной участи, постигшей их: «В этой земле, а также в Комании мы нашли многочисленные головы и кости мертвых людей, лежащих на земле, подобно навозу... Эти люди были язычники, как и команы, так и кангиты, не обрабатывали земли, а питались только скотом, они не строили также домов, а помещались а шатрах. Их также истребили татары и живут в их земле, а те, кто остался, обращены ими в рабов» [Рубрук, Карпини, 1997, с. 74].

То значение, какое занимают канглы в составе тюркских народов, позволяет усомниться в их иранском, среднеазиатском происхождении. Более убедительной является версия, отождествляющая их с

объединением Гаогюй, которая позволяет сделать вывод о преемственности тюркских народов на протяжении тысячелетий.

Исчезнувшее, но столь знаменитое племя (татары в исторических сочинениях и в преданиях саха). Этноним «*татар*» является одним из самых знаменитых в истории Центральной Азии. В разные эпохи он применялся для обозначения как монголоязычных, так и тюркоязычных этносов. В домонгольское время он служил в качестве тюркского обозначения монголоязычных шивеев-сяньби. Впервые этноним «татар» (отуз-татары) упоминается в памятнике в честь Кюль-тегина (732 г.). Из орхонских надписей известно, что *токуз-татары* вместе с *тогуз-огузами* и *кыргызами* выступали против гегемонии *кок-тюрков* в Центральной Азии. В этой борьбе *отуз-татары* понесли существенные потери. И этим обстоятельством следует объяснить то, что если в VI–VII вв. союз татарских племен называется «тридцатью татарами» (*отуз-татары*), а в середине VIII в., как и в енисейских надписях, уже фигурируют как «девять татар» (*токуз-татары*). Потом *токуз-татары* стали вассалами Уйгурского каганата и поддерживали уйгуров, когда они воевали с кыргызами [Кляшторный, 2000, с. 140-141]. Видимо вместе с уйгурами, часть татарских племен отступила в Ганьсу и в Восточный Туркестан. Именно здесь в IX–X вв. существовала государство татар, известное и китайским дипломатам, и мусульманским купцам [Кляшторный, 2000, с. 143-144].

Обычно считается, что этноним «татар» тождественен названию шивей в китайских летописях. Таким образом, он считается обозначением предков монголов и буир-нурских татар, считающихся монголоязычными. Однако наличие тюркских групп, считавших себя татарами в средневековье, заставляет задуматься по поводу принадлежности этого этнонима только в отношении монголоязычных народов. В отношении многочисленных тюркских народов, именовавшихся татарами, существует общепринятое мнение, что они взяли на себя название истребленных монголами татар, так как были вынуждены идти впереди монгольских войск, как подчиненные монголам тюркские племена. В девятой надписи с Уйбата в переводе И.Л.Кызласова приводится текст, названный им «Земледельческое жертвоприношение древнехакасской общины».

Перевод:

Община Татара

Приносит дары хозяину

Наши посевы
Им оберегаются [Кызласов, 1987, с. 23].

Наиболее вероятным представляется, что публикуемую надпись «Узун оба II» оставили в ходе сезонного земледельческого праздника представители одной из средневековых сельских общин, владевшей землей в бассейне Уйбата. В таком важном деле, как молебны о посеве, обращенные «духу-хозяину», община выступала как единый собственник пахотных угодий [Кызласов, 1987, с. 26-27].

Данный текст, свидетельствует о том, что на территории Хакасии существовал земледельческий народ, считавший себя татарами. Следовательно, у нас есть некоторые сомнения по поводу тождества между шивеями и отуз-татарами в рунических надписях. Отуз-татары там упоминаются как активные участники военных действий в Центральной Азии, в союзе с огузами постоянно выступали против древних тюрков. Шивеи по китайским хроникам выступают как горно-лесной народ, добраться к которым было крайне трудно. К тому же на территории Хакасии до сих пор проживает народ, истинным самоназванием которого является этноним татарлы, татар. Поэтому следует допустить, что под названием отуз-татары в рунических надписях можем фигурировать народ бома китайских летописей. В тюркской транскрипции бома означает алаты. Это был земледельческий народ, к тому же очень многочисленный, по поводу местонахождения которого до сих пор у историков имеются большие споры.

С.Г.Кляшторный свой перевод сделал исходя из того, что средневековые татары обязательно должны отождествляться с монголоязычными шивеями, в те времена подвластными тюркам.

Перевод:
Татарский враждебный эль
ради (своего) блага выплачивает (дань, откуп)
Мы оба (этому) радуемся [Кляшторный, 1987, с. 35].

С.Г.Кляшторный замечает, что в рунических надписях татары выступают как союзники енисейских кыргызов.

Поэтому углубимся в изучение значения слова «татар». Этнонимы «татар» и «тат» считаются словами тюркского происхождения, но они использовались тюрками только для обозначения «чужаков», т.е. народов, не говорящих по-тюркски. Так, различные тюркские племена своих нетюркских соседей называли словом «тат». Совпадение содержания обоих терминов «тат» и «таджик» («оседлое иранское население») и даже некоторая близость обоих слов невольно наводили

некоторых иранистов на мысль о том, что эти термины общего происхождения. Тюркские племена своих монголоязычных соседей также называли «тат» или «тат-ар» («тат» – «чужой, не-тюрок», «ар» – «мужик»). Следовательно, обозначение татары в отношении тюркизированных монгольских групп в Золотой Орде относилось сначала именно к чужакам, нетюркской принадлежности. Поэтому следует допустить, что под названием «татар» скрываются различные племена с разными этническими корнями. Это название могло относиться не только к монголоязычным соседям тюрков, но и к тунгусам Прибайкалья, а также отуреченным самодийцам Енисея.

Татары считались столь воинственными и сводолюбивыми, что «если бы при наличии их многочисленности они имели друг с другом единодушие, а не вражду, то другие народы из китайцев и прочих и [вообще] ни одна тварь не была бы в состоянии противостоять им. Тем не менее, при всей вражде и раздоре, кои царили в их среде, – они уже в глубокой древности большую часть времени были покорителями и владыками большей части племен и областей, [выдаваясь своим] величием, могуществом и полным почетом [от других]. Из-за [их] чрезвычайного величия и почетного положения другие тюркские роды, при различии их разрядов и названий, стали известны под их именем и все назывались татарами» [Рашид-ад-дин, т. 1, кн. 1, 1952, с. 102].

Первобытно-общинный строй без выделения сильной властной структуры был характерен и для предков татар – шивеев: «Малые [поколения], может быть, имеют тысячу семей, большие – несколько тысяч семей. По берегам рек и долинам живут разбросанно, кочуют, не собирают податей; всякий раз, когда охотятся, то все свищут [в знак] сбора, по окончании сбора расходятся. [Они] не подчиняются друг другу, поэтому хотя и отважны и любят сражаться, но все же так и не могли создать сильного государства» [Бичурин, 1953, электронная версия].

Со ссылкой на Рашид-ад-дина, утверждается, что еще в глубокой древности, т.е. в дочингизову эпоху, существовало шесть отдельных татарских «государств» [Юрченко, 2002, с. 131]. Однако Рашид-ад-дин, просто говорит о существовании отдельных шести племен татар: татары-тутукулйут, татары-алчи, татары-чаган, татары-куин, татары-терат, татары-баркуй, имевших каждый своего вождя и войско [Рашид-ад-дин, т. 1, кн. 1, 1952, с. 103]. В китайских источниках этноним татары в форме *да-да* первый раз встречается в 842 г. в письме

китайского сановника Ли Дэ-юя, адресованном уйгурскому кагану [Юрченко, 2002, с. 131].

По Сайшиялу основными ветвями татар, отмеченными в «Сокровенном сказании» монголов, были: татары айригуты, татары буйругуты, татары зуины, белые татары, татары алчи, татары тодагуты, алохай татары и алтан татары [Сайшиял, 2006, с. 90].

К северу от Киданьского государства в начале X в. возник крупный союз племен, представлявших большую потенциальную опасность для Ляо. В основном источнике по истории Киданьского государства (*Ляо ши*) по отношению к этим племенам применяется собирательное название цзубу. Недаром, Махмуд Кашгарский, живший в XI в., называет обширный регион между Северным Китаем и Восточным Туркестаном «Татарской степью» [Кляшторный, 2000, с. 144].

По мнению китайского исследователя Ван Говэя, термин «шивей» используется в «Ляо ши» вместо слова «дада» (татары), которое в данном сочинении встречается всего несколько раз. По Л.Л.Викторовой «*название "татары" сунских авторов было не этническим, а собирательным*», поэтому вместо «дада» традиционно продолжал использоваться термин «цзубу» [Викторова, 1980, с. 15]. Обычно предполагается, что *татары* пришли с востока и заселили земли, оказавшиеся свободными после разгрома уйгурского ханства. По мнению китайского исследователя Ван Цзинчжу (1931) *татары* идентичны *цзубу*, а слово «цзубу» используется со времени Цзинь [Пиков, 1996].

В киданьских письменных источниках (*Ляо ши, Цидань го чжи*) четко различаются термины цзубу и шивэй, т.е. татар. По версии Л.Л.Викторовой, кидани собирательным словом «цзубу» называли различные тюркоязычные племена, генетически связанные с тюрками и уйгурами [Викторова, 1980, с. 197]. Прежде всего, в состав «цзубу» входили кереиты (центральная группа) найманы (северо-западная группа), меркиты (северная группа). Киданьское слово – иероглиф «цзубу» принято выводить от тибетского «сог-по». Весьма любопытно, что под этим названием тибетские источники обозначали сначала согдийцев, затем монголов [Викторова, 1980, с. 80].

Рашид-ад-дин подчеркивает многочисленность и древность татар как народа: «Их имя издревле было известно в мире. От них отделились многочисленные ветви. Все то племя [состояло] из семидесяти тысяч домов. Места их кочевий, стоянок и юртов были [точно] определены в отдельности по родам и ветвям вблизи границ областей Хитая. Их основное обитание [юрт] есть местность, назы-

ваемая Буир-нур. Большую часть времени они были народом, повинующимся и платящим дань хитайским императорам; постоянно некоторая часть из них восставала и бунтовала, и хитайские государи для противодействия им снаряжали войска и снова приводили [их] к повиновению. Они также враждовали и ссорились друг с другом, и долгие годы длилась война между этими племенами и происходили битвы» [Рашид-ад-дин, т. 1, кн. 1., 1952, с. 102].

В документах династии Ляо подтверждаются сведения Рашид-ад-дина о сопротивлении татар киданьским войскам, правившим тогда в Северном Китае. *Цзубу* тогда вынуждены были платить дань киданям (до 1112г.), но взаимоотношения их порой были весьма острыми. Мятежи *цзубу* происходили в 983-984, 1000, 1012, 1069 гг. В 1026-1027 гг. восстали все племена, входившие в состав союза *цзубу*. Они разгромили несколько экспедиционных корпусов киданей. *Цзубу* числились среди племен, которые облагались особенно тяжелыми поборами. Поэтому они снова восстали в конце XI в., но в 1097 г. *цзубу* были снова разгромлены. Таким образом, война между цзубу-татарами и киданями была длительной и весьма кровопролитной [Пиков, 1996].

Историк из Внутренной Монголии Сайшиял племя татар считает тунгусским по происхождению. С древних времен они кочевали вокруг озер Кулун и Буир по краю современной Внутренной Монголии. Усиление татар приходится в IX в., тогда относится их массовое переселение на Запад, когда они заняли исконно уйгурские земли, образовав союз татарского аймака. Так называемые «татары девяти родов», кочевавшие по долинам рек Тола и Орхон, стали кереитским аймаком, «гажилские» татары стали онгутским аймаком, «татары гочинского рода», кочевавшие в районе озер Кулун и Буир, стали собственно татарским аймаком, главным племенем. Упомянутый в 732 г. союз татарского аймака был первым союзом всех аймаков Монголии. Аймаки соединившиеся с татарами, также себя называли татарами. Этот союз распался под ударами киданей, но среди монгольских племен татары оставались самым сильным племенем. Как говорится в «заметках ДОссона», во времена Чингиса татарский аймак состоял из семи туменов семей. Внутри союза татары постоянно грабили слабые племена, эксплуатировали их. Татары стали самой надежной силой чжурьчжэньской династии, проводящим коварную политику Золотой династии, суть которой заключалась в выражении «повелевать чужими руками». Они стали презренными предателями, продавшими интересы всех монгольских аймаков,

коленопреклоненно угождающими чужестранным поработителям [Сайшиял, 2006, с. 90].

Сочинение анонимного китайского автора XIII в. «Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар)» начинается словами: «Земли, на которых впервые возвысились татары, расположены к северо-западу от (земель) киданей. Племена (татар) происходят от особого рода шато». Китайский комментатор начала XIX в. Ван Го-вей в своем примечании отмечает: «От особого рода шато произошли белые татары» и на слова анонимного автора, что «их имеются три рода: черные, белые и дикие», приводит выдержку из сочинения другого китайского автора Ли Синь-чуаня: «У татар все люди отважны и воинственны. Те, которые ближе к китайским землям, называются культурными татарами... Те, которые дальше (от китайских земель), называются дикими татарами... так называемые дикие татары еще различаются как белые и черные. Нынешний Тэмоджин есть «черный татарин» [Мэн-да бэй-лу, 1975, с. 48].

Из сказанного следует, что этноним «белые татары» – это не всегда онгуты. «У Рашид-ад-дина и некоторых других авторов, – отмечает Н.Ц.Мункуев, – этноним «белые татары», относящийся к одному из монгольских племен татар, не имеет ничего общего с китайским термином «бай да-да» («белые татары»), обозначающим онгутов. В XII в. последние обитали в излучине р. Хуанхэ и, являясь подданными цзиньского императора, охраняли горные проходы на северо-западе Маньси, связывающие Северный Китай с Монголией» [Мэн-да бэй-лу, 1975, с. 55].

В сочинении «Мэн-да бэй-лу» в заглавии монголы названы как монголо-татары («Мэн» от «мэн-гу» – монголы и «да» от «да-да» – татары). Такое объединение в одном названии двух племен не было случайным, ибо монголы и татары были двумя ответвлениями одного и того же народа, хотя, видимо, смешанные с различными другими племенами, что нашло отражение в их внешнем облике.

По китайскому сочинению «Мэн-да-бэйлу» (Полное описание монголо-татар): «Еще [татары] восхищаются монголами как воинственным народом и поэтому обозначают название династии как “великое монгольское государство”. [Этому] также научили их бежавшие чжурчжэньские чиновники. [Я], Хун, лично замечал, как их временно замещающий императора го-ван Мо-хоу каждый раз сам называл себя “мы, татары”; все их сановники и командующие [также] называли себя “мы...” Подозреваю, что [после этого слова] пропущено три иероглифа: “да-да жэнь”. Они даже не знают, являются ли они

монголами и что это за название» [Мэн-да-бэйлу]. По монгольскому тексту Юань-чао-би-ши монголы во всех случаях называют себя манхол, а не говорят «татары». Здесь [монголы] разговаривают с китайцем и поэтому употребляют название, [распространенное] в Китае [Мэн-да бэй-лу, 1975, с. 55].

Согласно Абулгази, в XIII в. довольно много родов татар жило на Ангаре. В устье реки, на берегу моря, стоял большой город; вокруг него было много селений, стада и табуны пасущегося скота были многочисленны. Этот город они называли Алакчин. Близ него были серебряные рудники; у его жителей котлы, чашки, блюда были сделаны из серебра [Абульгази, 1914, с. 40].

Сюжет о походе монголов на Ангару во времена правления ханши Сорхухтани (середина XIII в.) встречается в труде Рашид-ад-дина в месте, где рассказывается о племени татар. Согласно ему, племена татар, дурбан, салджиут, катакин объединились и проживали в низовьях рек, где берет начало река Анкара-мурен. При этом говорится, что Ангара течет в одну область, по соседству с которой находится море. Эта область состояла из четырех округов, лошади у них были пегими (ала) и было много серебра [Рашид-ад-дин, т.1, кн.1, 1952, с. 102].

Следует заметить, что все эти племена входили в состав конфедерации Джамухи и могли именно после его поражения переселиться в Прибайкалье. Здесь нельзя не заметить удивительную связь этих данных с фольклорными источниками саха о своих предках. Так, согласно им, их предки из племени татар, проиграв в войне, бежали и до переселения на Лену проживали по Ангаре [Боло, 1994]. Среди татар было племя алчин или алчи, данный этноним отождествляется с ала-алакчинами.

Весьма любопытно, что впервые именно среди татарских племен в первой половине XII в. упоминаются «ойрат-бурийаты». Разгромленные в районе озера Буир-Нора первыми монгольскими хаканами они отступили в леса Прибайкалья.

По предположению А.А.Семенова – автора примечаний «Сборника летописей», в данном случае речь идет о левобережных притоках Ангары, которые впадают недалеко от ее истоков, т.е. недалеко от Байкала [Примечания, 1952, с. 102]. А.В.Харинский предлагает, что вместо словосочетания: «*эта река [Анкара] течет в одну область, по соседству с которой находится море*» следует прочитать «*эта река [Анкара] вытекает из одной области, по соседству с которой находится море*» [Харинский, 2003, с. 106]. Название одной из

областей алакчинов носит название Мангу, повторяя имя племени усуту-мангун, проживавшего на Ангаре [Харинский, 2003, с. 107].

В «Сокровенном сказании» среди «лесных племен», покоренных Джучи, упоминаются урдууты, или урасуты. Этот этноним выводится из древнетюркского urun – «белый», «светлый», «священный». Надо отметить, что позже уруснутами называли бурятское племя хонгодоров [Дугаров, 1993, с. 213–227].

А.Г.Юрченко утверждает, что название татар, тартар связано с племенем су-монгал, или «водные монголы» (Юрченко, 2002, с. 154). В «Кратких сведениях о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй Тина упоминается водный народ (Usu irgan ‘водный народ’). «Прямо на север – да-та [они племя урсутов] и меркиты, прямо на юг – сихи» [Юрченко, 2002, с. 153]. Таким образом, урсутами называли именно представителей татарского племени, бежавших от Чингисхана в Приангарье.

Как утверждает автор «Истории татар», сочинения XIII в. Ц.де Бридиа: «Выступил в землю соседнюю, прилегающую к ним со стороны востока, которая ими же называется Су-Моал, то есть водные монголы, ведь су по татарски означает aqua (вода). Однако сами [они] называют себя тартары от [названия] большой и стремительной реки, которая пересекает их землю и называется Татар. Ибо *mata* на их языке означает на латыни *trahere* (тащить), а *maptap – trahens*» (тянущий). Они сами себе назначали вождя, а они поставили над собой вождя, по имени Каули, победив которого, Чингис [его] поверженных людей присоединил к своему войску» [Юрченко, 2002, с. 100-101].

Монголов в Западной Европе именовали тартарами (Tartari). В Трогирском кодексе один раз употреблен термин Tatar ‘по мнению иных, *matap* [по-монгольски] означает множество’. Брат Салимбене Пармский, передавая свой разговор с Иоанном де Плано Карпини, пишет: «И сказал он нам, что они называются не тартары, а таттары», и поэтому в своей хронике брат Салимбене далее использует «таттары» вместо «тартары» [Юрченко, 2002, с. 130].

Брат Бенедикт дает такие сведения о монголах: «Однако сами [они] называют себя тартары от [названия] большой и стремительной реки, которая пересекает их землю и называется Татар. Ибо *mata* на их языке означает [по-латыни] ‘тащить’, а *maptap* – ‘тянущий’» [Юрченко, 2002, с. 155].

Е.И.Кычанов утверждает: «В чжурчжэньском языке был глагол tatambi – ‘располагаться лагерем’. Причастие настоящего времени от

этого глагола tatara – ‘располагающиеся лагерем, стойбищем’, на наш взгляд, может служить одной из рабочих гипотез для объяснения имени “татары”» [Кычанов, 1966, с. 270].

Западноевропейские путешественники в своих воспоминаниях отразили этническое самосознание средневековых монголов, согласно которому они состояли из трех народов: йека-монголов, су-монголов или татар и меркитов [Карпини, 1997, с. 43]. Этот факт, свидетельствующий о том, что тогдашние монголы признавали во враждебных им меркитах и татарах ближайших родственников (хотя это не нашло место в официальной точке зрения), отражен в письменных источниках.

Судя по всему, татары находились в тесных кровнородственных отношениях с меркитами, часто отождествляются с ними. Так, Токта, царь меркитов, якобы был из племени татар [Рашид-ад-дин, т.1, кн.1, 1952, с. 137]. Алак-Удур из племени меркит (иногда татар) – один из главных претендентов на главенство над всеми монгольскими племенами рядом с Джамухой и Темучжином, руководил татарами в сражении в местности Далан-Нэмургес [Рашид-ад-дин, т.1, кн.1, 1952, с. 106].

Нужно отметить, что фольклорные источники саха в большинстве случаев прародителя Эллэя, иногда Омогоя, называют выходцем из татар. Рассказывается о том, что Омогой Баай – представитель «братского» т.е. бурятского народа, «проживая в стране татар, в результате вражды был вынужден бежать, куда понесут ноги» [Боло, 1994, с. 31–32]. Причина появления Эллэя на Средней Лене объясняется следующим. Эллэй ранее жил в татарском городе. Оттуда он убежал от притеснений сумасшедшего царя. По другой версии, он бежал от притеснений монголов. Есть также версия, что Эллэй был обвинен братскими племенами в конокрадстве, отчего и убежал в Китай. Затем, когда китайский царь поручил ему поймать и привезти обезьяну с морского дна, он якобы убежал на север [Предания, легенды и мифы саха (якутов), 1995, с. 295].

В связи с этим хотелось бы подчеркнуть данные об участии двух компонентов в этногенезе саха: «У якутов одна ветвь – монголы, а другая восходит к Татаару Тайме, проживавшему на земле ураангхай». Следует заметить, что этот фольклорный источник довольно точно отражает исторические события: «На южной стороне именитого озера Байкал есть, говорят, родина монгольского племени. В старину на этой земле, где господствовал тогда Чынгыс Хаан,

вспыхнула огненная битва, всколыхнувшая весь мир» [Предания, легенды и мифы саха (якутов), 1995, с. 57].

В фольклорных источниках также сохранилось смутное упоминание о том, что предок саха Татаар-Тайма был пришельцом из далекой страны, его сына Эллэя хотели уничтожить родичи со стороны матери, поэтому он бежал с родины, перейдя через Саянский хребет [Ксенофонтов, 1977, с. 165].

Известно о том, что в некоторых преданиях причиной переселения предков саха с родины называется война между татарами и народом нуучча. Так как слово *нуучча* ныне служит для обозначения русских, то отсюда возникло огромное недоверие к фольклорным материалам саха как к достоверному историческому источнику. Но заставляет задуматься тот факт, что слово *нуучча* могло произойти от обозначения чжурчжэней – «ниуча» от «нюйчжень». Древний воинский обычай саха «тэллэх булунуу» – «добыть себе постель» фиксируется именно у буир-нурских татар. Согласно «Сокровенному сказанию», во время казни плененных татар они бросились на победителей, вынув спрятанные за пазуху ножи и решив: «Умирать, так умрем, по крайней мере, на подушках (из тел врагов)» [Козин, 1941].

Народ усы имел обычай каждый год в первой декаде 6-го месяца убивать белую лошадь, быка и барана, разбрызгивать кумыс и омываться в реке, чтобы почтить духов реки, потому что, по преданию, оттуда вышел их родоначальник [Кызласов, 1984]. Здесь можно увидеть сходство с почитанием родоначальника саха Эллэя.

Усуту-мангунов можно отождествлять с предками мангутов (ногайцев), мигрировавших на Запад и значительно усиливших Золотую Орду. Таким образом, с территорией Прибайкалья можно связать зарождение мангытского этноса, основавшего потом свой юрт (улус) на Волге.

Сайшиял племя орсууд, т.е. урусутов, считает потомками древних усуней. Так, в «биографии Задархай» упоминается, что Кем Кем Зеу – это древний Усун улус (водяной народ). В «истории Юаньской династии, приложении северо-западных земель» говорится, что орсууды жили вдоль рек южнее реки Кем, потому они назвали свой аймак «Усу» (вода) [Сайшиял, 2006, с. 223].

В разноязычных источниках XIII в. встречаются различные обозначения сходного этнонима в территории Прибайкалья, этимологически связанного с названием воды – суу в тюрко-монгольских языках. Так, Рашид-ад-дин описывает племя усуту-мангун в районе Ангары, в Юаньши речь идет о усуханях, урсуты фигурируют в

Сокровенном сказании монголов. О легендарных алакчинах около Ангары впервые рассказывается в сочинении бухарского хана Абульгази. Это описание выглядит явным заимствованием из сочинения Рашид-ад-дина, упоминавшего народ «пегих коней» в связи с Анкара-мурен где сидит монгольское племя усуту-мангун [Рашид-ад-дин, 1952, т.1, кн.1, 1952]. Водяные (су) монголы, или татары, также упоминаются в работах китайских и европейских путешественников в Монголию XIII в. [Карпини, 1997]. Однако с дикими, или водяными, татарами связывают и бурхотуйскую культуру Забайкалья, оставленную предками тунгусов.

Таким образом, татары – древний центральноазиатский народ. Отношение их к татарам Поволжья, Крыма и Сибири примерно такое же, как соотносятся между собой древние тюрки и турки Малой Азии. Могучий поток кочевых племен, шедший из глубин Азии, докатился до Волги и Крыма, дав начало зарождению новых этносов.

Глава 4.

ПЛЕМЕНА ЗАБАЙКАЛЬЯ: СПОР О ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Исчезнувшее племя меркитов (мекритов): к вопросу их происхождения и истории. Центральная Азия с древности переживала великие переселения и этнические перестановки кочевых народов. Поэтому этническая принадлежность кочевых этносов Центральной Азии является предметом научного спора не только в тюрко-монгольских, но и в окружающих Великую степь странах. Среди этих этносов выделяются гурван-меркиты, как этнос, оказавший сильное сопротивление армии Чингиз-хана. По их истории нет отдельной серьезной публикации, кроме научно-популярной книги А.В.Тиваненко [Тиваненко, 1992]. Поэтому изучение этнической истории меркитов может пролить свет на вопрос участия их в формировании новых тюрко-монгольских народов в развитом и позднем средневековье.

Этноним «меркит» обычно воспроизводили от тотемного обозначения орла-беркута. Но, поскольку в тюркских языках распространен процесс перехода б<>м, исходя из этого можно получить беркут/бургуд или меркут/мургуд. Таким образом, происхождение этнонима меркит от тотемного слова меркит кажется затруднительным. Однако телеутский сеок меркут на Алтае, называвшийся также меркит, считал себя происшедшим от белоголового орла; орел рассматривался как птица хозяина Неба, неизменный спутник и помощник шамана [Зуев, 1970, с. 85]. По народной этимологии название сеоков иркит, мӱркут и меркит происходит от слова *мӱркут* (беркут), ибо как повествует легенда, первопредком носителей этих этнонимов был беркут, преображенный по воле бога в мужчину [Дыренкова, 1926, с. 252]. Такие же сведения имеются о роде меркут среди монголов-торгаутов (торгоутов). Почитание орла меркитами в качестве своего прародителя связывает их с мифологией саха. Хомпоруун Хотой Айыы – Горбоносый Орел – почитается представителями аристократии саха в качестве отдаленного предка. У саха орел также ассоциируется с солнцем [Штернберг, 1936, с. 114–115].

Исходя из изложенных сведений, можно полагать, что меркиты возможно были потомками древнего населения Южной Сибири, почитавшего орла (беркута) в качестве своего родоначальника. По

мнению Ю.А.Зуева тотем орла связывает меркитов с древними ариями [Зуев, 1970, с. 81].

Этноним «меркит», тем не менее, можно связать и со словом мерген, широко распространенным в алтайских языках (считается заимствованным из монгольских языков). Так, в тюркских языках мерген (варианты market, мирген, мергин, бэргэн) имеет следующие значения: умный, ловкий, меткий, ружейная охота, снайпер, сильный, силач, храбрый, удалой – якутское, (бэргэн), ружейная охота, герой. В письменном монгольском mergen – мудрый, умный, опытный, способный; в калмыцком мергн – снайпер, меткий стрелок; мудрый, способный; меткий, ловкий; в бурятском мэргэ(н) – меткий стрелок; мерген – обычный эпитет былинных героев у монголоязычных народов. В тунгусо-маньчжурских языках слово мэргэн имеет значения «молодец, богатырь, мудрый, храбрец» [Сравнительный…, 1975, с. 571]. М.Фасмер предположил индо-иранское происхождение mergen (древнеиндийское mrgayus – охотник; mrgyati – охотиться) [Этимологический…, 2000, с. 58].

По нашему же мнению, происхождение этнонима меркит следует связывать с обозначением орла-беркута в тюркских языках Саяно-Алтая. Тем более есть сведения о существовании меркитов в Саяно-Алтае еще в древнетюркскую эпоху.

Впервые в Тан-шу меркиты упоминаются под именем ми-ли-гэ (в юаньскую эпоху китайцы слово «меркэ» передавали иероглифами мэ-ли-ци). Для жилья они строили деревянные срубы, крытые берестой («Юань-чао-ми-ши» упоминает только о городках, служивших меркитам опорными пунктами) и существовали охотой и коневодством. По словам Н.Я.Бичурина, милигэ в VII в. н.э. проживали в горно-таежном районе Саян и вокруг озера Хубсугул и вместе с Дубо и Эчжи составляли три аймака, входившие в состав Восточного Тюркского каганата [Бичурин, 1953, с. 254].

О вхождении милиге-меркитов в состав древних тюрков свидетельствует их обозначение – мума тукюэ, т.е. «лыжные тюрки». В противовес сказанному есть другие сведения о незнании их ни скотоводства, ни землепашества и проживании за счет собирательства, охоты и рыболовства. К тому же дубо одевались в одежду из соболиных шкур и оленьей кожи, у них существовал обычай умерших класть в гробы и ставить на горах или же привязывать на деревьях [Бичурин, 1953, с. 294]. Данный обычай сравним с традицией «воздушных погребений», именуемых «*арангасами*» в погребальных обрядах якутских шаманов.

Л.Н.Гумилев меркитов помещал в Саянском или Урянхайском крае и относил их к самодийцам. В ходе борьбы со своими извечными врагами кыргызами саянские лесовики объединялись с курыканами – «курумчинскими кузнецами» [Гумилев, 1993, с. 264]. Надо отметить, что в Саяно-Алтайском регионе древними обитателями края считаются охотничьи племена самодийцев. Таким образом, меркиты были лесным племенем, обитавшим между Саянами и Ангарой, на них совершали набеги кыргызы.

Постольку считается, что меркиты были обитателями Саяно-Алтайского региона до переселения в Забайкалье, то хотелось бы обратить внимание на тот факт, что дореволюционные исследователи этногенеза саха, оперировавшие преимущественно фольклорными и лингвистическими материалами, утверждали о саяно-енисейской прародине саха. Так, по записям П. Кларка, у вилюйских саха до середины XIX в. сохранялись предания о кочевании их предков в верховьях Енисея, затем около Байкала [Гоголев, 1993, с. 54].

Такие предания об обитании предков саха в Саяно-Енисейском крае постоянно встречаются в трудах русских и иностранных путешественников и исследователей XIX в. Так барон Майдель зафиксировал предания об исходе саха с Енисея. Этот сюжет присутствовал в работах Н.Ф.Остолопова, Н.Н.Щукина, Н.А.Кострова, в которых конкретизировались сведения фольклорных источников: исторический предок саха Омогой Баай со своим народом обитал на Енисее, оттуда был вытеснен в бурятскую степь [Ксенофонтов, 1992, ч.I].

В монгольское время, в XI–XIII вв., меркиты обитали уже на территории Центральной Бурятии. Это сравнивается с данными якутского фольклора о проживании их предков в течение долгого времени вместе с народом *бэрээт* по хребтам Ат-Дабаан, Огус-Дабаан, Хаамар-Дабаан [Боло, 1994, с. 31, 32]. Для сравнения: в Западном Забайкалье имеется хребет под названием Хаамар-Дабаан. Его название пытаются объяснить на основе монгольских слов, однако в якутском языке он получает гораздо более точное определение: хребет, который можно пройти пешком.

Следует отметить тот факт, что компактный район «оканья» в хоринском диалекте бурятского языка на территории Забайкалья совпадает с предполагаемым районом меркитских кочевий. Оказывается, в «оканье» бурятские лингвисты видят яркие следы тюркского влияния на бурятский язык [Тиваненко, 1992, с. 57]. Такое же диалектное деление на окающие и акающие говоры встречается и в

языке саха. При этом акающий диалект принято связывать с фактом объякучивания монголоязычных групп на Средней Лене.

К этому можно добавить тот факт, что бурятские ученые в фундаментальном труде «Буряты» сделали вывод, что при передвижении основной массы предков саха отдельные их группы остались на занимаемых ими ранее территориях. Так, они могли остаться на богатых пастбищами, в отдаленных от центра долинах рек, в частности Тугнуя и Курбы в Забайкалье. Именно там можно встретить сильно развитое «оканье», что показывает на ассимиляцию субстрата основной монголоязычной массой региона [Буряты, 2004, с. 232].

Действительно, некоторые антропонимы и топонимы меркитского происхождения объяснимы средствами языка саха. К таким антропонимам следует отнести имена знаменитых людей из племени меркитов Тохтоа-Боко, Чильгир-Боко, Туракины-хатун, Кулан-хатун, Даир-Усуна, Тогуз-Боко и других [Ушницкий, 2004]. Д.Д.Нимаев утверждает, что антропонимический материал свидетельствует о монголоязычии этого племени. Он производит имя Тохтоа от монгольского слова тогто (хо) – «остановиться, стать» [Нимаев, 2007, с. 69]. Однако подобное слово имеется и в тюркских языках, в частности в языке саха и в кыргызском, поэтому к каждому слову нужен лингвистический анализ.

Обращаемся к топонимике Забайкалья в исторических хрониках, связанных с меркитами. Так, названия исторических мест, относимых к битвам меркитов с монгольскими армиями, объясняются на основе языка саха. Например, название священного места меркитов Тайхая связывается с якутскими словами таай – дядя, хайа – гора. В имени крепости Харата-Худжаур, первое слово топонима объясняется от якутского слова Хара тыа – «черный лес». Второе слово топонима Мурoча-сеул образовано от слова «сиэл» – «грива», «хвост лошади»; современная местность Тойон около предполагаемой ставки меркитских вождей объясняется от якутского слова тойон – господин [Ушницкий, 2004].

В археологическом отношении с меркитами связывается саянтуйский этап хойцегорской культуры Западного Забайкалья X–XII вв. Весьма интересно, что Ф.Ф.Васильев отмечал определенное сходство элементов погребальной культуры саха с памятниками этой археологической культуры [Васильев, 1995, с. 40]. Саянтуйцы являются преемниками хойцегорской культуры, отождествляемой с древними уйгурами. Поэтому А.В.Тиваненко считает меркитов потомками древ-

них уйгуров, постольку среди них было племя уйкур [Тиваненко, 1992, с. 57].

К тому же меркиты разделялись на три племени, подобно тому, как саха называли себя Үс Саха (три Саха). Одним их трех меркитов являлось племя хаат-хаатай. Термин хаат может быть сравним с традицией почитания хатов – реальных или мифических предков у бурят. Т.Д.Скрынникова возводит эту бурятскую традицию к угорским народам Приобья. В языке ханты-манси хатай – «покойник, череп», а словосочетание ха та – «умерший» [Скрынникова, 1997, с. 175].

Название второго племени меркитов Хоас, связывается с именем хоринского рода хуасай, по этой причине считающегося потомком меркитов. К тому же хуасаевцы обитали на исторической прародине меркитов и сохранили историческую память о событиях 800-летней давности [Тиваненко, 1992, с. 50].

По мнению Г.Н.Румянцева, хаосай (хоринцы) и хаосай (хоас) меркиты (уваз-меркиты, по Рашид-ад-дину) составляют генетическое родство; иначе говоря этот бурятский род происходит от меркитов и включен в состав хори-туматов в XIII в. [Румянцев, 1962, с. 141, 142].

Ц.Б.Цыдендамбаев, приняв во внимание тот факт, что слово «сай» встречается в качестве названия местности, пришел к выводу, что «бурятское хуа в этнониме хуасай могло получиться из куба» [Цыдендамбаев, 1972, с. 101]. Хуасаевцев иногда пишут как хубасаевцы**.**

Другим названием хоас-меркитов было обозначение увас-меркиты. Название эвенкийского рода увачан возводят к имени этого племени. Примечательно, что это имя напоминает любовно-ласкательную форму от слова саха *убай* – «старший брат». Род Увачан, обитавший в Нижней Тунгуске, считался имевшим «примесь якутской крови», сочетал в своем хозяйстве скотоводство и оленеводство [Туголуков, 1985, с. 139].

Тохтоо-Боко, после поражений от монголов Чингиз-хана и Тогрула обычно уходил в страну Баргучжин. Поэтому интересно, что род увакасиль или вокарай в составе забайкальских эвенков Г.М.Василевич и В.А.Туголуков связывали с мекритами или меркитами. Среди тунгусов восточного побережья Байкала встречается Вакарайский род, включавший как коневодов, так и оленеводов [Туголуков, 1980, с. 162].

У эвенков можно встретить предания о борьбе с народом железных богатырей «бекри», у которых и кони были закованы в железо. Они потерпели поражение и были ассимилированы тунгусами-эвенками [Туголуков, 1985, с. 190]. Однако Д.Д.Нимаев предпринятое В.А.Туго-

луковым сопоставление этнонимов меркит – бекри с тунгусским вокарай считает слишком натянутым [Нимаев, 2007, с. 68].

К концу XIII в. относится сообщение Марко Поло, посетившего ставку монголов, что в долине «Бангу» (Баргу) живут дикие охотники и скотоводы «мекри». У них много оленей; на оленях они ездили. Нравы и обычаи у них, как у татар, они якобы тоже признавали власть великого хана. Эти «мекри» проживали в местности, где зимой из-за великого холода не жили ни зверь, ни птица. А летом они охотились на зверей и птиц. По утверждению Марко Поло, через сорок дней можно дойти до моря-океана, где есть горы, где соколы-пилигримы вьют гнезда. Место это якобы находится так далеко на север, что северная звезда остается позади к югу [Марко Поло, 1997, с. 239].

Считается, что упоминаемое в рассказе Марко Поло долина Баргу, где есть море-океан, это Байкал с островом Ольхон и на севере есть долина Баргузин. Однако в другом месте сочинения Марко Поло при рассказе о «Росии» вновь встречается сюжет о море-океане с островами, на которых водились орлы-кречеты, привозимые великому хану [Марко Поло, 1997, с. 370]. Отсюда ясно, что речь может идти только о Великом Ледовитом океане, его морях и островах, а не о Байкале, тем более считается, что в Байкале после походов Чингиз-хана меркитов не осталось, они либо были истреблены, либо бежали, либо были насильно переселены в чужие края.

М.П.Алексеев и Г.Юль в мекритах видят тунгусов, а не тюркское и монгольское племя. Более того, Юль в этом описании видит ясное указание на ландшафт между Якутском и Колымой, замечая при этом: «очевидно М. Поло получил сведения от очевидцев». При этом приводится цитата из описания путешествия Врангеля, где последний говорит о природе и фауне Нижне-Колымска [Алексеев, 1941, с. 38].

Эта страна, в отличие от монгольских степей, имела «много озер, прудов и болот», притягивавших стаи перелетных птиц. Арктика и образ жизни его обитателей наглядно видна в описании Марко Поло: «Питаются также птицами… Птицы, когда линяют, так пребывают в этих местах. Когда же совсем оголяют, так не могут лететь и их ловят тогда, сколько хотят. Едят также рыб» [Алексеев, 1941, с. 34]. Именно в описании мекритов впервые обнаруживается описание образа жизни, который в дальнейшем становится характерным для саха и разных тунгусских групп. Так, мекриты разделялись на группы скотоводов и оленеводов, большую роль также играла охота на птиц и зверей.

В этой связи хотелось бы отметить то, что пионерами освоения тундры Северо-Востока Якутии среди тунгусских групп являются вакараи – потомки меркитов. Следы вакараев встречаются на весьма обширном пространстве Северной Сибири: в бассейне Нижнего Енисея – гидроним Вакарай; на Алазее – юкагирский этноним «Вагарил»; на Чукотке – реки Вакривай и Чаван-Вагарин, впадающие в Ледовитый океан; на Анадыре – приток Вакарина; в бассейне р. Амгунь, в составе негидальцев имелись вакасилы или же вакагилы [Туголуков, 1980, с. 166]. Поэтому хотелось бы напомнить, что именно с мохэ связывают проникновение тунгусов с Дальнего Востока в I тыс. н.э. и распространение железного века на территории Якутии.

А.А.Бурыкин первым указал на связь этнонима вакарай с юкагирами. В юкагирском языке *вагариил* означает ‘предок, родоначальник’, *вагариил* ‘исконные, коренные’ (также название рода юкагиров обитающих в тундре), *вагирэл* ‘название рода тундренных юкагиров’, *вадул* ‘здешний, свой’. По нему самоназвание юкагиров *вадул* и название юкагирского рода Вагариил – Вагирэл связано с эвенкийским родовым названием Вакувагир – в прошлом по их рассказам они жили около Байкала и Ангары. Имеется гидроним Менкере в качестве названия правого притока Лены близ Жиганска [Бурыкин, 2006, с. 181]. Таким образом, неожиданно название вакарай, отождествляемое с именем мекритов – бекри, связывается с предками юкагиров.

Бухарский хан Абульгази меркитов обозначал под именем маркатов. Еще из труда И. Маркварта известно, что к тюркам принадлежит также племя маурка, именуемое кун. Они ушли из страны Китай и были вынуждены оставить свои главные становища из-за нехватки земли. Насчет самоназвания кунов марка, И. Маркварт сомневался, что врядь ли оно как-то связано с монгольским этнонимом «меркит», так как в нем имеется палатальная гласная [Маркварт, 1914].

В.Ф.Минорский отмечал, что в арабских скрижалях упоминается племя марка, по его замечанию данное название у тюркоязычных народов встречается только в Якутии, где в долине Туймаада есть местность Мархa [Minorsky, 1936]. Действительно, в бассейне Лены и Вилюя широко встречается топоним юкагирского происхождения Мархa (юкаг. Морхэ(нг) «береза») [Бурыкин, 2006]. Следовательно, этноним марка также неожиданно выводит нас к юкагирам.

Согласно В.Ф.Минорскому, куны были родом монгольского Марке (Marqa), упомянутого у Ауфи, они упоминаются в связи с великим

переселением племен в начале XI в. [Minorsky, 1936]. Интересным представляется отождествление кунов, т.е. маркатов с курыканами [Яйленко, 1987, с. 153]. Таким образом, меркиты связываются с племенем кунов (марка), одним из составных частей половецкого объединения.

Остатки меркитов, бежавшие и скрывавшиеся в лесах, еще долго оставались в Забайкалье. Но их часть через Баргузин и Верхнюю Лену могла убежать в недоступные для монголов северные пределы. Мотив бегства знаменитого удальца на своей родине, преследуемого грозным царем за свои проступки, к тому же живущего на новой родине в постоянном страхе от возможного прихода преследователей, глубоко запечатлен в якутских легендах о родоначальнике Омогое. Однако с Омогоем в фольклоре саха связан только первый этап заселения Средней Лены скотоводами, топонимика и археология края свидетельствуют о возможности монголоязычия первых прищельцев, позднее ассимилированных новой тюркской волной [Гоголев, 1993].

Омогой – первый родоначальник саха прибыл на Среднюю Лену из-за преследования грозным царем за воровство его мифологический образ хорошо связывается с незадачливым женихом из племени меркитов Чильгир-Боко, бежавшего в страхе в неизвестном направлении от Темучжина, требовавшего возмездия за похищение своей жены Бортэ [Ушницкий, 2004]. Другой родоначальник саха Эллэй, с которым связывают тюркоязычие этноса, бежит с отцом через безводные пустыни в результате преследования предков саха монголами и каким-то безумным царем в результате обвинения в конокрадстве [Ксенофонтов, 1977]. В этой связи интересно, что первые ученые, изучавшие якутские предания о своем происхождении, связывали приход саха на Среднюю Лену с борьбой с Чингиз-ханом, в результате они были загнаны в эти труднодоступные, необитаемые края [Миллер, 1937].

Меркитов Рашид-ад-дин считает древним монгольским племенем, хотя они не перечисляются среди собственно монгольских племен, потомков Борте-Чино и Гоа-Марал. Западноевропейские авторы XIII в. утверждают о наличии четырех монгольских племен: йека-монгал, су-монгал, «другой же [народ] именуется меркит, а четвертый – мекрит. И все эти народы имели сходную внешность и один язык, хотя между ними и было разделение по провинциям и правителям» [Карпини, 1997, с. 43]. По его же информации Чингиз сначала сразился с меркитами, страна которых была расположена возле земли

татар, их также подчинил себе войною. После этого он сразился против мекритов и их также покорил [Карпини, 1997, с. 44].

Пелльо и Пейнтер видели в этих мекритах кераитов. При этом они исходят из того, что, согласно Вильгельму Рубруку, Унк правил народом, именовавшимся крит и меркит. Отсюда делается вывод, что народ *crit* (мекриты) есть кераиты. Следовательно, мекриты возможно появились в результате обьединения кереитов и меркитов. Д. Поспеловский, который берет за основу сведения Марко Поло, считает, что мекриты – большое племя, занимавшее земли юго-восточнее Байкала, и что францисканцы разграничивают мекритов и меркитов не только терминологически, но и территориально. Надо напомнить, что по Марко Поло мекриты занимались оленеводством и охотничьим промыслом. М.П.Алексеев отождествлял мекритов с тунгусами. По А.Г.Юрченко историко-этнографической загадкой является то, что в местности Баргу, куда согласно ССМ бегут меркиты, до них обитали лесные племена мекритов – оленеводов [Юрченко, 2002, с. 158-160]. Вся загвоздка заключается в том, что меркиты могли уйти в страну оленных мекритов, т.е. в Якутию. Носителей этнонимов «мекрит», «вокарай», «удуит» или «увас-меркит» можно отнести к осколкам древних мохэ.

Согласно Рашид-ад-дину, меркиты и мекриты являются одним и тем же этносом: «Их также называют племенем удуит, хотя некоторая часть монголов называет меркитов мекритами, смысл обоих (названий) один и тот же» [Рашид-ад-дин, 1952, с. 114].

Калмыки, в начале XVIII в. рассказывали об упорной борьбе своих предков с Чингиз-ханом под руководством вождя Тохабеги-хана [Миллер, 1937, с. 179]. Калмыки-меркиты издавна входят в Эркетеневский улус Калмыцкого ханства и в конце XIX в. здесь сохранились 2 аймака меркитов: хо-меркит и ики-меркит [Авляев, 2002, с. 106–108]. Слово хо – благородный возможно связано с названием хоас-меркитов, возводимого к тотемному обозначению лебедя – куба.

Калмыцкие меркеты считали себя находящимися под особым покровительством самого «Лу» – дракона, так как его спас и помог в постигшем его несчастье представитель меркетов [Авляев, 2002, с. 106–108**].** Во времена Рашид-ад-дина среди племен Монголии урянкаты имели традицию кричать во время грома и молнии [Рашид-ад-дин, 1952, т.1, кн.1, с. 156]. По гипотезе С.М.Ахинжанова хи, или уранхайцы был народом дракона [Ахинжанов, 1989, с. 146]. Поверие о том, что молния исходит из некоего животного, подобного дракону, существовало среди монголов [Рашид-ад-дин, 1952, т.1, кн.1, с. 156].

Следовательно, калмыцкие меркеты могут иметь монгольское происхождение, хотя выкрикивание во время грозы было урянхайским обычаем.

Мукрины или мекри (бекри), обнаруживаются и на территории Уйгуристана, куда они проникли еще в глубокой древности. После распада державы Таншихая возникла «Западная сяньбийская орда» и состояла из дружин, оставшихся на завоёванной территории. Сяньбийцы включали всех покорённых в свои войска, поэтому западных и восточных «мохэ» следует считать народом одного происхождения [Гумилев, 1961, с. 110].

Это племя можно найти в составе тюргешей в тесном сожительстве с родами согэ и алишэ. В исторической литературе по поводу «мукри» высказано два мнения. Маркварт отождествлял их с меркитами. По Л.Н.Гумилеву мукри не могут быть меркитами потому, что перестановка согласных здесь ничем не оправдана, к тому же меркитов нельзя назвать народом, близким к Чаньани-Таугаст. Э. Шаванн полагает, что «мукри» – это приамурский народ тунгусского племени, впоследствии называемый китайцами «мохэ» [Гумилев, 1993, с. 342]. К тому же меркиты не были близкими к сяньбийцам-тоба, ни этнически, ни территориально.

В источнике XIII в. в Восточном Туркестане зафиксированы «мукри». Рашид-ад-дин сообщает о них следующее: «Племя бекрин, их также называют мекрин. Жилище их находится в стране Уйгуристан, в крепких горах. Они не монголы и не уйгуры» [Рашид-ад-дин, 1952, т.1, с. 149]. Эти мекрины были хорошими ходоками по горам – скалолазами (киачи). Это войско составляло одну войсковую тысячу (хазарэ) [Рашид-ад-дин, 1952, т.1, кн.1, с. 149].

В монгольскую эпоху область мукринов составляла удел Хайду, внука Угэдэя, и затем, по-видимому, вошла в Чагатайский улус. Когда власть чагатайских ханов пала и в степи организовывался узбекский племенной союз, то в числе вошедших в него племен были и мукрины [Грумм-Гржимайло, т. II, 1926, с. 513].

Монгольские ханы Хулагу и его преемники взяли в Персию значительное число тянь-шанских мекритов как людей способных в горной войне. В сочинении Низам-ад-дин Шами «Книга побед» имеются сведения о людях из племени мекритов оказавших огромные услуги в завоевании Тимуром горных крепостей и башен Кавказа [Золотая Орда в источниках, 2003, с. 333].

Этноним «мекри» (бекри) связывают с мукринами, потомками древних мохэ. Обозначение мукрин считается санскритской транск-

рипцией имени мохэ. В древнетюркских текстах можно встретить обозначение страны Бокли. Обычно считается, что под этим названием древние тюрки знали древнекорейское царство Бохай (мохэ), или Когуре. С.Е.Малов переводит так: «Из страны солнечного восхода (пришел) народ степи Боклийской». В подлиннике Бокли col ig il, Col (монг.-тюрк.) – суша, безводная пустыня [Малов, 1951, с. 36]. Бокли по звучанию совпадает с названием мукри (мохэ) [Гумилев, 1993, с. 341]. Обозначение «боклийские степняки» представляется более удобным для милиге-меркитов – жителей Забайкалья.

В китайских названиях «уцзи» и «мохэ», корейском «мульгиль» и «мальгаль», тюркском «муглиг», в санскритском «мукри» Э.В.Шавкунов видит различные варианты одного и того же имени, реконструированного им как имя «монголи». Следовательно, через корейское мульгиль, которое представляется древним китайским прочтением этнонима «мохэ», можно прийти к монголам [Шавкунов, 1968, с. 29]. Еще Н.Я.Бичурин предполагал, что свое имя монголы могли позаимствовать от хэйшуй мохэ [Бичурин, 1953, с. 276].

Е.П.Лебедевой в списках наименований маньчжурских и родственных им племен были собраны многочисленные свидетельства о бытовании этнонима «монгол» в их этнической среде: монголчжи, монгоро, монголо, монгочо, монгодза, монго, маньго, монгичо, маньгя и т.п. В названиях ульчских и нанайских селений очень часто встречается слово монголи, а в маньчжурских – мангкари [Шавкунов, 1968, с. 28]. Исходя из этого, можно предполагать тунгусоязычие древних монголов или переход части тунгусоязычных мохэ на монголоязычный язык шивэев.

По данным «Цзинь го чжи», в переводе В.П.Васильева, датани (монголы Темучина) были с чжурчжэнями «одного рода, потому как те и другие потомки мохэсцев». Таким образом, по В.П.Васильеву монголы вышли из более восточной страны Маньчжурии [Кызласов, 1992, с. 149].

Гипотеза Э.В.Шавкунова, отождествляющая малгалей корейских летописей с мохэсцами в китайских источниках при проверке оказывается крайне спорной. Во-первых, впервые сведения о племенах мохэ начинают проникать в Китай в IV–V вв., и вполне очевидно, что упомянутые в Самгук саги мальгаль не имеют к мохэ никакого отношения. В рассматриваемое время этнонима мальгаль (мохэ) еще не было, он возникает только в период правления китайских династий Суй и Тан [Шавкунов, 1968, с. 26].

В этой связи, хотелось бы привести любопытный факт: бурятская традиция памятники курумчинской культуры отдает легендарному народу «хара монгол». Это название в свете сказанного представляется калькой китайского названия народа сахалянь, или хэйшуй мохэ (черноречные). Однако черноречных мохэ принято считать жителями р. Амур. Поэтому хотелось бы привести свидетельства антропологов о возможности генетического родства курумчинцев с народами Дальнего Востока, т.е. с сахалянь-мохэ. Так, по их выводам обитатели курумчинской культуры оказались близки к народам Амура: ульчам и негидальцам [Бураев, 2005, с. 211].

К тому же Б.Б.Дашибалов на основе археологических материалов сделал вывод о близости обитателей курумчинской культуры к Дальнему Востоку, к культуре Маньчжурии и Кореи, где в то время жили племена мохэ. Показательно, что бурятский ученый курумчинцев связывает с монголоязычными хори-шивеями [Дашибалов, 2003, с. 92-95].

Обнаруживаемая связь имени меркитов с этнонимом «монгол» показывает многокомпонентность средневековых монголов, в их этногенезе непосредственное участие могли принимать и загадочные мохэ. Меркитов можно отнести к потомкам мохэ-мукринов, попавших под мощное влияние тюрков, потом монголоязычных этносов. Мохэсцы, следуя по китайской традиции, считаются предками чжурчжэней. Что касается тунгусов, то на основе изучения большой краниологической серии Троицкого могильника антропологи пришли к мнению о том, что мохэские племена Амура не являются предками того или иного современного тунгусоязычного народа. Ими был сделан вывод, что мохэсские племена участвовали в формировании нанайцев, ульчей и удэгейцев, но в процессе этногенеза эвенков и эвенов прямого участия не принимали [Алексеев, 1996, с. 42].

Итак, этнонимы мекрит и меркит, как выше было показано, восходят к словам с различным значением. Племя меркит получило свое имя от орла-беркута, их название также производится от обозначения меткого охотника – Мэргэна. Еще в китайских хрониках они были известны как древнетюркское племя милиге. Обитавшие в Восточном Туркестане мукрины соотносятся с мохэ, их поздние потомки племя бекрин, они же упоминаются во времена Тимура как горцы-мекриты. Древние мохэ считаются тунгусоязычными, имевшими сильный автохтонный, палеоазиатский субстрат.

Упоминаемые Марком Поло оленные мекриты отождествляются с вокараями, название которых можно связать с юкагирским словом вагарииль – предок, родоначальник. Следовательно, оленные мекриты

связываются с праюкагирами. Наличие конных мекритов в сообщении Марко Поло предполагает переход праюкагирских групп на скотоводство и на тюрко-монгольские языки.

Меркиты, мекриты и мекрины имеют между собой определенную этническую связь. Их предками вероятно являются мохэ – племя, считающееся по своему этническому происхождению тунгусо-маньчжурским. Поэтому их можно считать западной ветвью мохэ. Принято считать, что в Восточный Туркестан мекрины попали в результате походов Таньшихая. Присутствие милиге-меркитов в Саяно-Алтае предполагает наличие в древности широкого мохэского круга племен от Байкала до Кореи и Приморья. Исходя из наличия оленных мекритов в сообщении Марко Поло, их вполне можно отождествить с древними тунгусами. Однако их загадочная, еще не вполне понятная связь с самодийцами и юкагирами позволяет связывать меркитов-мекритов с уральскими народами. Постольку еще в Танскую эпоху рыболовы и охотники милиге-меркиты представлены как одно из племен древних тюрок, то они представляются отуреченными еще в древности. К тому же антропонимы и топонимы меркитов Забайкалья предполагают их этническое родство не только с этническими предками калмыков и бурятов, но и тюркоязычных саха. Этимологическая связь имени меркитов, возводимых к мохэ с этнонимом «монгол» через корейское обозначение мохэ – мальгаль, создает целый ряд сложных вопросов по выяснению этнической истории народов Дальнего Востока и Центральной Азии.

Байауты и баргуты как потомки древних байырку. Еще одним племенем, сыгравшим большую роль в этногенезе как монгольских, так и тюркских этносов, являются баргуты. В составе как тюркских, так и монгольских народов можно встретить племя под названием барга, баргу, баргут, борган, борогон.

В «Сокровенном сказании» говорится, что дочь вождя баргутов Баргудай-мэргэна Борджигин-гоа была женой Хоридой-мэргэна. И от них родилась праматерь монголов Алан-гоа. Жили баргуты на территории нынешней Баргузинской котловины на севере Бурятии, после исчезновения курыкан их южными соседями были меркиты и хори-туматы. Баргуты играли большое значение в этом союзе, это находит отражение в хоринских легендах, где отцом Буряадая и Хоридоя, т.е. союзов бурят и хори считается Барга-батор.

Встречается утверждение, что под названием баргудай были объединены пять племен: баргужин, хул баргужин, хори, тухэлэс,

буряты. Как утверждает Сайшиял, аймак баргудай одного происхождения с туметами, в китайской истории их называли еще белыми татарами. Они жили в Баргуджин Тукуме вдоль левого берега реки Селенги. Аймак баргу в 1207 г. перешел в монгольское подданство и с тех пор жил южнее озера Байкал, севернее реки Хара мурен. Правительство Цинской династии поселило их в Молан Хойхан, чтобы они занимались скотоводством. Халха монголы, перекочевавшие в район Кулуна и Буира, чей диалект стал близким к языку барги, приезжие стали именовать новыми баргу, а живших здесь раньше – старыми баргу [Сайшиял, 2006, с. 222].

По бурятским преданиям предком бурят является Барга-Батор. В некоторых генеалогических легендах саха сыном Эллэя считается Барга-Баатыр [Ксенофонтов, 1977, с. 128]. По Я.И.Линденау Борогонский улус происходит от сына Эллэя, по имени Боркутай. Весьма показательно, что, по мнению историков, уже до русского завоевания сформировались два крупных объединения саха: кангаласцы во главе с Тыгыном и борогонцы с тойоном Легой [Токарев, 1945, с. 43; Башарин, 1956, с. 110].

Этноним «борогон» имеет характерное для эвенкийских родов Вилюя окончание – гон, относимое В.А.Туголуковым к монголоязычным туматам. Если убрать окончание – тай, служащее для образования имени, и учесть, что в монгольских языках «о» заменяется на «а», то получится баргу – баргут. Позже баргуты и соседние племена образовали догосударственное объединение Баргуджин-Тукум. Существует мнение, что Баргуджин-Тукум можно перевести как «земля (предков) завоевателей». По Рашид-ад-дину племена хоритумат, баргу, байаут назывались баргутами, так как жили по ту сторону Селенги [Рашид-ад-дин, т.1, кн.1, с. 121, 150].

В хоринских легендах отцом родоначальника бурят Буряадая и хори Хоридоя является Барга-батор. Этноним баргут возник от монгольского слова «баргу» – «могучий, богатый». Баргуты отождествляются с «байырку» орхонских надписей и телеским племенем «байегу» в «*Тан-шу*». Слово «байырку» тоже означает «могучий, богатый», но уже в тюркских языках. Баргуты как ближайшие родственники рода Чингиз-хана кият-борджигинов по материнской линии сразу поддержали его и были набраны в гвардию. Поэтому баргуты рассеялись вместе с войсками Чингиз-хана. Так, племя баргу есть среди киргизов, узбеков, много их среди калмыков. К приходу русских на территории Забайкалья проживало несколько немногочисленных баргутских родов, которые в итоге присоединились к хоринцам.

Невыясненным остается время переселение баргутов с Баргузина во Внутренную Монголию, где существовал отдельный народ – баргу-бурят.

В Усть-Алданском улусе, т.е. в бывшем Борогонском улусе, встречаются топонимы Баргыдай, Баргы. Надо подчеркнуть, что данные топонимы встречаются и на Яне, Ковяи, в наслеге Могуруон Мегино-Кангаласского улуса и на Татте, т.е. в тех местах, где проживали или куда доходили хоро. В наслеге Дьаабыл Мегино-Кангаласского улуса род баргыдай (355 жителей в 1897 г.) проживал вместе с родом хоро [Иванов, 1988, с. 100–101].

Эвенки баргутов называли корчунами и им приписывали курумчинские древности [Туголуков, 1980, с. 41]. Следует указать, что в XVII в. хоринцев иногда называли баргутами. В хрониках баргузинских бурятов «баргуты-хорчины» – это хоринцы [Долгих, 1960, с. 327]. Баргузинская долина, на которой расселялись байырку, входит, как известно, в зону распространения курумчинской культуры (VI–X вв.). Есть указание о существовании у байегу только коневодства. По китайскому источнику «*Тун дянь*» в жизни байегу хлебопашество играло не второстепенную, а ведущую роль [Нимаев, 1988, с. 149]. Следует отметить, что описание быта племени байегу сходствует с жизнью курумчинцев, восстановленной археологами: «В их землях растут обильные травы, все люди живут богато… Все люди надевают лыжи и по льду преследуют оленей. Занимаются хлебопашеством и охотой. В стране много хороших лошадей, производится железо. Обычаи сходны с обычаями теле, язык немного отличается» [Малявкин, 1989, с. 142].

Есть предположение, что этноним «баргут» происходит от эвенкийского слова «барги-баргу» – «противоположный» или баргиган – «заречный житель», так как баргуты жили по другую сторону Селенги, чем остальные монголы. Следовательно, словом «борогон» могли обозначать «заречных жителей». Например, в XVII в. на левом берегу Енисея проживал эвенкийский род варгаган, или варагон. Этноним «борогон» сопоставляется с борджигинами, так как у них единый корень бора/бура – «серый». Среди списка поздних кыпчакских племен есть племя барку, которых С.М.Ахинжанов связывал с монгольским племенем баргут [Ахинжанов, 1989, с. 263].

Изучение происхождения борогонских саха осложняется тем, что племя баргу/барку имелось среди кыпчакских племен [Ахинжанов, 1989, с. 263]. Можно предполагать, что баргуты может быть еще до походов Чингиз-хана или сразу вслед за ними частично перекочевали

в степи Казахстана. Среди тюрков Северного Кавказа и ногайцев были борган-кыпчаки.

По предположению Б.З.Нанзатова этнополитоним Баргуджин-тукум происходит от *баргу* – «добыча» (ДТС), *чи//джин* – аффикс деятеля (тюрк.-монг.) и *тукум* – земля [предков] (монг.). Таким образом, Баргуджин-тукум – земля [предков] завоевателей. Этот термин начал активно употребляться по отношению к Прибайкалью лишь в монгольский период, полностью заменив предшествующий ему уч-курыкан – три военных лагеря. Монгольский термин *баргу* – «грубый, неотоесанный (о человеке)», скорее произошел по тому же принципу, что и нарицательное *вандал* в европейских языках [Нанзатов, 2003, с. 30].

Есть также мнение И.Г.Георги, что «древние баргуты, которым предание приписывает следы древнего земледелия, находимые на Баргузине, его притоках и к северу от них до Верхней Ангары, были с даурами вероятно один и тот же народ» [цит по: Цыденов, 2009, с. 72]. Так, Г.Н.Румянцев считал, что дауры это удалившиеся от страха перед русскими хорчины или баргуты [Цыденов, 2009, с. 72].

Этнонимы племен с корнем бай часто встречаются в письменных источниках еще Тюркского каганата. В письменах Орхоно-Енисейского периода значится байырку, а в летописи империи Тан – байегу. Байырку сначала входили в состав объединения *теле*. По китайским сведениям они населяли побережье озера Канганьхэ, все были богатыми, в племени насчитывалось 60 тысяч человек, оно было способно выставить 10 тысяч воинов. Предводителей они называли ельтеберами. В 647-648 гг. во главе байулинцев находился ельтебер Цюйлиши. Настоящее название озера Канганьхэ не уточнено, предположительно это верхняя пойма озера Селенга. После распада первого Тюркского каганата в 20 г. VII в. племя, в состав которого входило 9 колен байырку (байегу), попало под зависимость объединения Сейяньто. После разгрома объединения империей Тан в 647 г. байырку попали в зависимость к китайцам, которые в качестве центра руководства ими создали округ Юлин. Зимой 662 г. китайские каратели под руководством Чжана Женьтая преследовали байегусцев и были разгромлены у озера Селенга. В результате этой победы империя Тан вынуждена была, хоть и на время, отказаться от мысли поработить тюрков. В 679 г. в результате – борьбы тюрков, населявших Центральную Азию, против империи Тан образовался Второй Восточно-Тюркский каганат. Племя байырку приняло активное участие как в восстании, так и в становлении нового государства. В

716 г. байыркулинцы убили Капаган-кагана. В середине VIII в. образовался Уйгурский каганат, в состав которого вошли байегу. Байырку-байегулинцы в монгольское время назывались байаутами.

Как утверждает С.М.Ахинжанов, байауты, в начале XII в. прикочевавшие в степи Казахстана, заменили местную кыпчакскую династию, которая происходила из племени Ильбари и приняла их название. П.Пелльо пришел к выводу, что «племя, ведущее свое происхождение от Кунана, присвоившего себе имя кыпчак, было в действительности племенем байаутов». Они были лишь частью кэхерин-байаутов, одного из двух ветвей большого племени байаут, юрты которых располагались по реке Селенге [Ахинжанов, 1989, с. 201].

Байагантайцы в составе Саха, возможно, являются потомками байаутов. Следует обратить внимание на то, что названия с элементом *бай* не менее широко распространены у самодийцев, чем у тюрков. Отсюда в племени теле байырку можно увидеть опять же отуреченных самодийцев.

По преданиям саха, позднее поколение Омогоя получило название «Баарагай Байагантай» («Огромный Баягантай»). Прародителями Баягантайского улуса считаются Кордой и Когоһук. Согласно Я.И.Линденау, они являются потомками Эллэя, но в других преданиях этот улус происходит от сына Омогоя Аан-Тайбыыр. Имя предка баягантайцев Кордой или Хордой принято связывать с именем предка хоринских бурят Хоредой-мэргэном. Значит, баягантайцев раньше также было принято относить к хоро. Первоначальной формой «байагантай» является слово «баайага».

Среди эвенков имеются роды под названием баяки, баягиры. Весьма показательно, что они делились на скотоводов и оленеводов. Как видно, основой этнонимов баягиры, баягантайцы, байегу и байаут является слово «баайага». Таким образом, в тождественности рода баайага или баягантайцев с баягирами не приходится сомневаться. Близкими родственниками баягантайцев считались игидэйцы и оймяконцы, помогавшие им в стычках против других якутских родов. По преданиям Оймякон осваивали выходцы из Борогонского и Баягантайского улусов. По генеалогическим данным предки игидэйцев происходили от монголов – «*могуоллар*» [Васильев, 1995, с. 32].

Племя баят активно участвовала в этногенезе огузских народов, там они являются аристократическим племенем. Баятами иногда называют тюркоязычный народ кашкайцев, проживающий в Иранском Азербайджане. Баяты – один из крупных племен ойратов в нынешней Монголии. Алтайские племена имеют собственное само-

название и то же время также зовут некоторых из их как «паят, паяттар» (конечно не всех алтайцев-ойратов).

Фольклорист А.А.Саввин часто употребляемое в олонхо слово «саха байааттар» или «саха байаан» сравнивал с названием туркменского племени баят. В олонхо якуты называют себя «саха байааттар», или «саха байаан». Это утверждение нам представляется весьма примечательным, ибо у многих кочевых тюркских племен разделение на черную и белую кости было обычным явлением.

Словом «байан» обозначалось божество Нижнего мира женского пола (в противоположность «байат» – божеству Верхнего мира мужского пола). «Байан» – несколько раз встречается в китайских источниках. Объединяющей основой обоих слов является корень, воспринимавшийся в значении «богатый, благообеспеченный». Н.А.Баскаков выявил синкретичность этой основы, для которой определяющей было значение «запрещенный, волшебный, священный, божественный, бог». Л.П.Потапов в специальном исследовании также выяснил, что слово «байан» означало, как и слово тенгри, целую категорию духов и божеств [Каржаубай, 2002, с. 171].

Баяты упоминаются «Диване тюркских языков» Махмуда Кашгари. Причем, очень интересно, баят – это не только название огузского племени, но также и имя Божье в диалекте аргу, синоним слова Аллах. В этом смысле слово *баят* встречается в первой строчке «Манзим мукаддима» книги «Кутадгу Билик».

Таким образом, баргуты и баяуты претендуют называться наследниками племени байырку. Если исходить из семантики слов, то баяуты имеют тюркское название от слова бай «богатый», баргуты от одноименного монгольского слова. Но оба названия также можно связать с эвенками, что значительно затрудняет изучение вопроса.

Глава 5.
ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЕ НАРОДЫ МОНГОЛИИ XII в.

Найманы: тюркское или монгольское происхождение? Найманы как племя, оказавшее сильное сопротивление Чингиз-хану и во многом появлявшее на становление монгольской государственности и письменности, довольно подробно представлены в литературе, посвященной монгольской эпохе. В якутском фильме «Тайна Чынгыс Хаана» и в китайском сериале о жизни Чингиз-хана найманы широко представлены как могущественное племя с примечательной антропологической внешностью.

Слово «найман» связывают с монгольским числительным «восемь», т.е. союз восьми племен. Поэтому их некоторые исследователи отождествляют с секиз-огузами, обитавшими ранее найманов как раз на территории, где обитали найманы. По китайским источникам найманы XII–XIII вв. были родственниками онгутов и вместе с последними подходили под понятие «белых татар».

Во времена Чингиз-хана найманы жили по Иртышу, Кёк-Иртышу (Черный Иртыш), по Орхону, в горах Екэ (Большого) Алтая, на Каракоруме: от Орхона до Колбинского и Чингизского хребтов. Правил ими Таян-хан. В 1198-1199 гг. монголы Чингиз-хана и кераиты Ван-хана (Тогрула) наносят поражение Буюрук-хану у озера Улунгур в Северном Синьцзяне [Рашид-ад-дин, 1952, т.1, кн.1, с. 136].

Первые достоверные сведения о найманах у Рашид-ад-дина (XIII в.), который описывает их так: «Это племя степное: некоторые жили в крепких горах, другие в степях… Обитали в Большом Алтае, Каракоруме… в горах Алуй-Сераса и Кек-Иртыша… у этих найманских племен были свои почтенные и сильные государи; они имели многочисленное и хорошее войско; обычаи и привычки их были подобны монгольским. Государей их в древние дни называли Кушлук-хан – сильный, великий государь. Из племен, близких к найманам и которых юрты соединялись с их юртами, было племя Бикин» [Рашид-ад-дин, 1952, т.1, кн. 1, с. 136-137]. Их территория, по Н.А.Аристову, простиралась до Чингиз-хана, от р. Тамира и Орхона до Иртыша.

Найманы обитали в нынешнем округе Кобдо и районе Убса Нора, простирающегося до Черного Иртыша и озера Зайсан в одном направлении и до верхней Селенги в другом направлении. Их система титулов является тюркской и найманы вполне могли быть монголизированными тюрками. Несторианство многих из них обратило в свою

веру. По «Сокровенному сказанию» монголов шаманы пользовались одинаковым влиянием среди найманов, поскольку во время сражения они были способны вызывать бурю с помощью волшебного камня. Найманы заимствовали основы своей культуры у уйгуров, своих соседей на юге. В начале XIII в. найманский принц имел в качестве хранителя печати и личного секретаря уйгурского ученого по имени (в китайской транскрипции) Та-та-тун-а, поскольку уйгурский тюркский язык служил в качестве канцелярного языка. Влияние Китая можно увидеть, в титуле таян, который носил их предводитель во время Чингиз-хана. Рене Груссе этот титул связывает со словами «великий король» – та-ван на китайском [Рене Груссе. «Империя степей», с. 202-203].

Добавим к сведениям мусульманского автора слова христианского монаха-минорита В. Рубрука, ездившего послом к монголам: «Именно в то время, когда франки взяли Антиохию (в июне 1098 г.), единовластие в северных странах принадлежало одному лицу, по имени Кон-хам. Этот Кон был каракатай. Эти катай (кара-кидани) жили на неких горах, через которые я переправлялся (хребтами Алтая и Тянь-Шаня), а на одной равнине между этих гор жил некий несторианин пастух, человек могущественный и владычествующий над народом, именуемым найман и принадлежавшим к христианам-несторианам. По смерти Кон-хама этот несторианец превознес себя в короли и несториане называли его королем Иоанном». По мнению Л.Н.Гумилева, Рубрук определенно описывает Елюя Даши и территорию его ханства, называя ее найманской. Рашид-ад-дин отмечает, что до конца XIII в. у найманов был только один государь – Эниат, или Инанч, имя, либо легко переделываемое в «Иоанн», либо просто имя «Иоанн», превратившееся в Эниат. Только отсюда, используя людские резервы из тех благодатных степей, мог Елюй Даши набрать воинов для разгрома сельджукского султана в 1141 г., после чего он и прослыл царем-пресвитером. Но после его смерти в 1143 г. началось отпадение окраин, и Эниат, с тюркским прозвищем Инанч Бильгэ Буку-хан (муж мудрый и сильный), оказавшись во главе своего отряда на территории, огражденной Монгольским Алтаем, стал самостоятельным и передал власть двум своим сыновьям, имена которых остались неизвестны [Гумилев, 1994, с. 119-120].

Найманы занимали своими кочевьями Хангайское нагорье, оба склона хр. Алтаин-нуру, и долину Черного Иртыша (у Рашид-ад-дина – Кук Иртыша) и озера Зайсан-нор, граница на востоке с кераитами, на севере с киргизами, на западе с канглами и на юге с Уйгурией.

После завоевания найманского ханства Чингиз-ханом большая часть их земель отошла под кочевья монголов, и в их числе хори-бурят; впрочем еще в середине XIII в. они, по свидетельству армянского царя Гайтона, жили к востоку от Иртыша [Грумм-Гржимайло, 1926, с. 522].

Найманы считаются народом с довольно развитой культурой. Поэтому высказываются самые разные версии происхождения найманов и их государства. Часть историков, вслед за Л.Н.Гумилевым, считает их северной ветвью кара-киданей, отказавшейся подчиняться Елюю Даши и ушедшей в алтайские степи. Есть мнение, что на культуру найманов оказали влияние енисейские кыргызы – не менее загадочный народ, изолированно проживавший на Енисее в районе Минусы и занимавшийся земледелием. Найманы также овладели земледелием, и это сильно отличало их от других кочевых племен, поэтому найманы и по сей день остаются загадкой [Доманин, 2005, с. 55]. Действительно в сочинении Рашид-ад-дина есть эпизод, когда он найманов считает старым населением Енисея, вытесненным оттуда кыргызами. Исходя из этого, их можно отождествить с народом бома-алатов который, судя по всему, в VII в. который передвинулся до Алтая.

Найманы пользовались заимствованными титулами: чжурчжэньскими, китайскими, тибетскими. У найманов чувствовалось наследие великих тюркских каганатов. Своим правителям они продолжали присваивать древнетюркские тронные имена: Буюрук-каган, Кучлук-каган, Инанч Бильге Буку-каган. Иногда предлагается довольно упрощенная схема, будто монголоязычные кидани вытеснили тюркское население из степей к северу от Великой стены. Значительная часть оставшихся тюрков могла находиться в найманском ханстве.

Найманы – одно из четырех племен (кирей, аргын, кипчак и найман), составляющих так называемую Синюю Орду, восточная область Улуса Джучи. Обычные их кочевки проходили по Тарбагатаю, близ Балхаша и Улу-Тау, но отдельные роды встречаются по всей территории Средней Азии, даже среди чисто монгольских аймаков в Монголии (в Автономном районе Внутренной Монголии, среди сонголов и западных бурят). Во Внутренней Монголии по старому территориальному делению имелось поколение Чжао'удэ мэн, который в народе назывался «найман хошууд» (найманские хошуны). В них входили помимо бааринов, хорчинов и других монгольских хошунов, хошун найманов. Найманы составляют так называемую Среднюю Орду казахов. Н.А.Аристов предполагал, что имя найманов

происходит от названия р. Найма, притока Катуни, где было первоначальное местообитание найманов.

По определению официальных документов Юаньской династии найманы относились к «пестроглазым» – эриен нидутэн. Вместе с орусами, сергиз, кашимир, асу, тоба (тибетец), тангуд, сартул, кыпчак, харлук, уйгур, ханлин, архон они составляли группу «пестроглазых» народов. Вероятными их потомками Сайшиял считает алтайцев. Тем самым он доказывает их тюркоязычность и европеоидность [Сайшиял, 2006, с. 52].

Рашид-ад-дин сообщает: «Ранее эпохи Чингисхана государями найманов были Наркыш-Таян и Эниат-каан... они разбили племя кыргызов... Буюрук и Таян были сыновьями Эниат-каана... племена найманов были кочевыми, некоторые обитали в гористых местностях, а некоторые – в равнинах... они имели большое и хорошее войско; их обычаи и привычки были подобны монгольским» [Рашид-ад-дин, 1952, т.1, кн. 1, с. 135-137].

По свидетельству Рашид-ад-дина найманы имели диалектные отличия от языка других монголов: «... На языке найманов и некоторых монголов букаула называли кишат, а монголы говорят кичат» [Рашид-ад-дин. 1952, т.1, кн. 1, с. 124]. Слово «кишат» имеет смысловую нагрузку например в казахском языке – от слова оковы, кандалы, происходящего от все того же слова *кысу* – «сжимать, сдавливать, ограничивать». Иначе говоря тогда *кишат* мог быть пленником, рабом в кандалах, колодках. Такая же семантика углядывается и в другом обсуждаемом слове – букаула. Слово «букаула» связано с бугау = «кандалами», развилось от понятия «колодочник», которому давали пищу на пробу.

Разберем имена и титулы найманских вождей. Так, Рашид-ад-дин писал следующее: «У их царей в древние времена имя было кушлук-хан или буюрук-хан. Значение слова кушлук-хан – сильный и великий государь» [Рашид-ад-дин, 1952**,** с. 137]. В монгольском языке имя найманского полководца можно восстановить как Кючулуг от слова «хючvлуг» – сильный, в тюркских языках это слово звучит «кюштуг», «кюшти» и т.д. А на якутском «куустээх» обозначает сильный. Слово Буюрук тюркское и означает приказ.

Рашид-ад-дин упоминает первых властителей найманов – Наркыш-таяна и Эниат-каана (известно, что он разгромил кыркызов) [Рашид-ад-дин, 1952**,** с. 135]. «Царя найманов, бывшего у них до вражды Чингиз-хана с найманами, называли Инанч-Билгэ Буку-хан. Значение слова инанч – верить; билгэ – прозвище, означающее “великий”. Буку-

хан в древние времена был великим государем, к памяти которого уйгуры и много других племен относятся с полным уважением и рассказывают, что он родился от одного дерева. Словом, этот Инанч-Билгэ Буку-хан был почтенным государем и имел сыновей» [Рашид-ад-дин, 1952**,** с. 139].

Слово «инанч», Рашид-ад-дином переводится как «верить». Такое слово в таком же виде имеется в современных тюркских языках, в казахском языке инаныш – «вера, доверие». С.Г.Агаджанов отметил, что «“инанч” означает буквально верный, преданный, заслуживающий доверие»; наряду с сангун рассматриваемый термин употреблялся для обозначения знати у огузов и туркмен в XI–XII вв.». В енисейских надписях также встречаются сочетания рассматриваемой должности с титулом сангун [Угдыжеков, 2003, с. 98].

Слово *бильге* было в ходу и у монголов и у тюрков. Значение формы бильге = «знак, отметка». В качестве имени или прозвища это слово могло означать «отмеченный, избранный, известный», т.е. вполне подходит к наименованию представителя правящего рода. Такая этимология может конкурировать с вариантом Бильге – «знающий, мудрый» от того же тюркского корня бил – «знать».

Об имени найманского полководца Коксей-Сабрака Рашид-ад-дин писал следующее: «Кокэсу-Сабрак, значение этого имени – «боль груди»; он имел громовой голос» [Рашид-ад-дин, 1952**,** с. 138]. Коксу в тюркских языках обозначает «грудь», в якутском языке слово кохсу обозначает спина. Имя жены Таян-хана Гурбэсу происходит от монгольского слова «ящерица». В якутском языке есть идентичное слово «кулгэри».

Правитель найманского улуса в труде Саган Сэцэна назван бэтэкин-найманским Даян ханом. Бэтэкин сравнивается с племенем тикин у Рашид-ад-дина, в составе ордосских монголов был бэтэкинский оток. Древнетюркское значение слова кадыр – «крепкий, сильный» могло сохраниться для производной, звучащей как кайыр – кайрат. Кстати утверждение Рашид-д-дина о том, что «Так как монголы не знают этого имени, они говорят Каджир-хан» [Рашид-ад-дин, 1952, т.1, кн.1, с. 140] может служить иллюстрацией трансформации тюркской формы кадыр в кайыр.

Найманы явно испытали и большее влияние древнетюркской культуры, особенно через религию. В «Сокровенном сказании...» зафиксированы, например, такие личные имена найманов и кереитов, как Алтун-Ашук (из древнетюркского алтун ашук 'золотая лодыжка' или алтун ашук 'золотой шлем'), Кучулук-хан (из др.-тюрк. кючлюг

'сильный, могущественный'), Йеди-Тублук (из др.-тюрк. йеди туглук 'семизнаменный'), Инанча-Бильгекан (из др.-тюрк. Ынанчу билге кан, ынанчу – от др.-тюрк. ынанч 'вера, доверие; доверенный' – употребляется и как титул, восходит к др.-тюрк. ынан – 'верить, доверять'; билге – это др.-тюрк. билге 'мудрый' – от др.-тюрк. бил – 'знать; уметь'), Сангум (из др.-тюрк. сангун – воинский титул), Элькутур (здесь два древнетюркских слова: эль и кутур, при этом эль 'племенной союз, народ', а кутур является фонетическим вариантом др.-тюрк. кутуз и тоже означает 'буйный, бешеный'), Гучугудун-Буйрук-кан, Буйрук-кан, Курча-кус-Буйрук-кан (здесь компонент Буйрук восходит к др.-тюрк. буйрук, буйурук 'приказной', употребляющемуся также и как титул, название должности; от др.-тюрк. буйур – 'приказывать'). Эният-каан даже называется Инанч-Бильгэ Буку-хан [Рассадин, 1995].

Практически, найманы расселялись по всему Алтаю и Центральной Монголии. Какая-то часть соприкасалась с Балхашем. Их караулы встретились в 1204 г. с войском Чингиз-хана, поднимавшимся по р. Керулен. Таким образом, ареал обитания населения найманских ханств XII в. не совпадает с ареалом обитания субэтнической группы казахов – найманов.

В пользу тюркоязычности найманов говорят и их родовые названия, которые легко понятны современному тюркоязычному читателю: баганалы-найман (найманы с подпоркой), балталы-найман (найманы с топором), тарак-найман (найманы с расческой) и т.д. В составе ногайцев «… первое место по многочисленности семей, носящих его, принадлежит названию найман» – писал Н.Семенов в XIX в. Архивные документы подтверждают, что в начале XIX в. среди ногайцев Северо-Западного Прикаспия были целые объединения под общим названием «найманов куб». Среди ногайцев, вынужденных уйти из Северного Причерноморья и Крыма в 1850–1866 гг. в Турцию, также было множество представителей племени найман: биюк найман, кучук найман, кара найман, онгар найман, аре найман и др. Среди ногайцев Нижнего Поволжья в середине XIX в. были также разные роды: шугуш найман, баганалы найман, шобалчи найман и др. Найманский компонент участвовал в формировании главным образом тюркоязычных народов Золотой Орды [Керейтов, 1999, с. 43-52].

Довольно различаются своими этнографическими особенностями майманы Горного Алтая. Майманы не должны охотиться на птицу беркута. Это потому, что раньше майманы были воинами среди алтайцев; когда-то они воевали с китайцами, после битвы они нашли

китайского мальчика, державшего в руках беркута. Во времена творения майманы родились от собаки, они имеют собачью печень. Поэтому их называют собаки – майманы.

Найманы символически связаны с собакой, печенью, беркутом. Аргымый Кульджин конезаводчик из рода синих найманов сказал, что его ветвь ведет свое происхождение от Алаша, сына Чингиз-хана: Алаш-Бирки Найман-Кара Найман – Коголок Найман или Коко Мандык – Пура Найман. Первым на Алтае из клана Алаша появился Эргенди. В шапке из черной жеребячей шкуры, на высоком берегу реки жившие «черные» майманы [Тюхтенева, 2004, с. 38-42].

Н.В.Дашиева считает вариантом этнонима *найман/майма*н этноним *момондой* тунгусского мифа. Морфологически он состоит из корня *момон (майман)* и форманта *дой*. Этимология этнонима «*найман/майман*» восходит к табуированному описанию медведя – предка как косолапого, кривоногого посредством монгольского прилагательного *маймагар/майжагар* – «имеющий шаткую, неуверенную походку», т.е. косолапый [Дашиева, 2006, с. 168].

Таким образом, она считает, что монгольские этнические группы с этнонимом *найман/майман* вошли в состав эвенков в Ангаро-Ленском междуречье [Дашиева, 2006, с. 165]. Подобные этнонимы широко распространены на территории Якутии: *момогиры, маймага, майааты*. Их носителей В.А.Туголуков связывал с самодийскими группами, что следует отнести к праюкагирам.

Таким образом, есть самые разные мнения о происхождении найманов. Наиболее убедительной является версия о сложносоставном происхождении данного племенного союза, судя по названию состоявшего из девяти отдельных племен. Современные найманы в составе как тюркских, так и монгольских народов, безусловно, не их прямые потомки, а получившие свое имя от отдельных батыров, представителей найманов, возглавивших чужие рода.

Кереиты: история одного племени Центральной Азии. Кереиты и найманы были самыми влиятельными племенами Монголии до возвышения Чингиза. Центр владений кереитов находился вдоль верховий р. Орхон; на востоке их территории ограничивались р. Тула, а на юге – р. Онгин. По проблеме происхождения кереитов, а также найманов и меркитов домонгольской эпохи существуют в основном две точки зрения о происхождении названных этносов. Большинство исследователей, опираясь на достоверные монгольские, персидские и китайские источники, признают их монгольское происхождение, дру-

гие же считают их тюрками на том лишь основании, что кереиты, найманы и меркиты не включены Рашид-ад-дином в число «коренных» монгольских племен XI–XII вв.

В начале X в. к северу от киданьского государства складываются предпосылки для образования одного из первых монгольских государств-союзов племен, представлявших большую потенциальную опасность для Ляо. В основном источнике по истории Киданьского государства Ляо ши по отношению к этим племенам применяется собирательное название цзубу. В киданьских письменных источниках (Ляо ши, Цидань го чжи) четко различаются термины цзубу и шивэй, т.е. татар [Пиков, 2004].

Л.Л.Викторова отождествляла тюрков-шато, название которых с китайского переводится как «ворон», с кереитами, название которых также происходит от монгольского кэрэ – ворон [Викторова, 1980, с. 197]. В то же время нельзя не заметить, что Е.И.Кычанов кереитов, как и найман, относит к племенам «кыргызского великодержавия».

Л.Л.Викторовой была высказана гипотеза о том, что кидани называли различные тюркоязычные племена, генетически связанные с тюрками и уйгурами, собирательным словом «цзубу» [Викторова, 1980, с. 197]. Прежде всего в состав «цзубу» входили кереиты (центральная группа) найманы (северо-западная группа), меркиты (северная группа). Киданьское слово – иероглиф «цзубу» принято выводить от тибетского «сог-по». Весьма любопытно, что под этим названием тибетские источники обозначали сначала согдийцев, затем монголов [Викторова, 1980, с. 80].

Рашид-ад-дин, которому нельзя отказать в объективности при освещении событий XIII в., прямо говорит о кереитах: «Они представляют собой род монголов; их обиталища есть по рекам Онону и Керулену, земля монголов» [Рашид-ад-дин, 1952, т.1, кн.1, с. 127]. В другом месте «*Сборника летописей*» Рашид-ад-дин вновь отмечает: «Они (кереиты – А.Г.) были славны многочисленным племенем, войсками и древними государями, имели сходство с монгольскими племенами, и их обычаи, нравы, наречия и словарный состав (лугат) – близки друг другу» [Рашид-ад-дин, 1952, т.1., кн. 1, с. 108]. Однако эти замечания персидского историка некоторыми исследователями опускаются, а приводятся также примеры из контекста, где термину «тюркские племена» Рашид-ад-дин придавал расширительное, политическое значение, но не этническое.

В эпоху владычества монголоязычных киданей в Центральной Азии после уйгурского господства упоминается группировка цзубу, в

которую входили кереиты, найманы и меркиты. Центральную группу цзубу исследователи отождествляют именно с кереитами, во главе которых известен вождъ Мо-ко-сы, т.е. Маркус или Меркуз, Хурчаус, Буюрук-хан монгольских и персидских источников. Этот Меркуз иди Буюрук-хан доводился дедом Тогорил (Тоорил) – хану или же Ван-хану кереитскому. После разгрома Киданьской империи (Да Ляо) чжурчженями в 30-х годах XII в. ведущая роль в Центральной Азии перешла к кереитам. Кереитское ханство охватывало земли от верховьев Селенги на севере до излучины Хуанхэ на юге, от Хангайских гор на западе до земель унгиратов и татар в районе Буир-Нора и Халхин-гола на востоке. На севере кереиты граничили с монголоязычными ойратами и меркитами, на западе с найманами, на юге с тангутами государства Си-Ся и подчиненным им тогонами или «а-ша». Это пограничное состояние кереитского племени диктовало условие постоянной военной готовности против возможных набегов соседей. Кереиты и монголы Трехречья занимавшие северную часть Монголии, были естественными союзниками против найманов Монгольского Алтая и меркитов Забайкалья и татар на юге Монголии [Авляев, 2002, с. 104].

Историк из Внутренней Монголии Сайшиял считает, что кереиты были ветвью татар – племени тунгусского происхождения. «Татары девяти родов», кочевавшие по долинам рек Тола и Орхон, стали кереитским аймаком [Сайшиял, 2006, с. 90].

В сочинении Карпини и Рубрука вместо кереитов упоминаются караниты. Вероятно, в этом можно увидеть тождество этнонима кереит и кара-ит, по Абульгази этноним «кереит» происходит от слова «кара ит» – «черная собака».

Также любопытно, что Пелльо и Пейтнер видели в упоминаемых Марком Поло мекритах кераитов. В.Рубрук, излагая историю Унка брата пресвитера Иоанна, утверждает, что он правил народом, именовавшимся крит и меркит. Отсюда делается вывод, что народ крит (мекрит) есть кереиты [Юрченко, 2002, с. 159-160].

Г.А.Авляев утверждает, что сам термин «кереит» (кэрэит, кэрээд и т.п.) объясняется только с монгольских языков и в переводе с ойратского (западно-монгольского) и калмыцкого языков означает «вороны». Термин этот происходит от ойрат-калмыцкого слова «кэрэ» в значении «ворон», которое во множественном числе оформляется как кереит, кэрää т, (на халха-монгольском – хэрэит). На тюркских языках значение слова «ворон» звучит как «карга» и этноним «карга» известен в этническом составе ряда тюркоязычных этносов – башкир,

казахов, хакасов и т.д. Отсюда следует, что монгольский и ойрат-калмыцкий этноним кереит и тюркский этноним «карга» являются терминами различного происхождения, одинаково отмеченные в этническом составе монгольских и тюркских этносов как самоназвания определенных родоплеменных групп. Учитывая, что этноним кереит легко объясняется с монгольских языков и непереводим с тюркских, следует признать ошибочными мнения тех исследователей, которые считают кереитов тюрками по происхождению. Так, мнение Абулгази о том, что слово «кераит» якобы в переводе значит «черный баран» и имеет тюркское происхождение, Г.А.Авляев считает ошибочным [Авляев, 2002, с. 104].

Считается, что после ухода основной массы огузо-уйгурского населения на запад территорию Монголии с X–XI вв. постепенно заселяли монголы, вышедшие из своей прародины – Большого Хингана и верховий Амура. Продвижение монголов на запад «сопровождалось вытеснением и ассимиляцией местных тюркоязычных объединений и группировок» [Кызласов, 1975, с. 171]. Как полагает китайский исследователь Илинчжэнь, кереиты и найманы были все-таки монголами, но управлялись христианизированной тюркоязычной знатью [Кычанов, 1997, с. 178].

Имеется также гипотеза, что кереиты были тюрками и произошли от тюркских канглы и огузов и их язык был тюркским. Относительно их монголоязычия Пауль Ратчневски предполагает, что часть киданей осталась и была ассимилирована кераитами. Пауль Ратчневский подчеркивает дружественные отношения между кераитами и западными киданями, что иллюстрируется тем фактом, что хан кереитов Тогрул находит убежище в Западной Ляо. Пауль Ратчневский упоминает, что кераиты приняли несторианскую веру, и что дед и отец Тогрула имели латинские имена Маркуз и Кириакис [Paul Ratchnevsky, 1999].

Найманы и кереиты прослеживаются в китайских источниках и до киданьского государства. Китайцы рассматривают их и еще онгутов как потомков разных уйгурских родов. Точнее, правящие рода все восходят к уйгурам, остальная родовая композиция была разной, хотя и близкой по составу. Онгуты, найманы и кереиты китайцами рассматривались как части татар, известных по киданьским источникам как цзубу [Форум Евразийского исторического сервера].

Тюркское происхождение кереитов Грумм-Гржимайло считал сомнительным, так как не удалось установить их преемственной связи с современными киреями в составе тюркских этносов. Так, остатки

кереитов, части той тысячи, которая, по приказанию Чингиз-хана, была из них собрана, вступили в XIV в. в узбекский, а затем и в казахский союз с именем керейт, а не кирей, и что роды, носившие оба эти названия, существовали в этом союзе одновременно. Некоторое сомнение в их тюркизме возбуждает также и указание «Юань-чао-ми-ши» на их родство с монголами. Наконец, не отождествляет кераитов с киреями и «Цзинь Ляо Юань сань-ши-юй-цзэ» – «Словарь исправлений туземных названий, встречающихся в историях Цзиньской, Ляоской и Юаньской династий», изданный ученым комитетом, учрежденным императором Цянь-луном, который называет киреев–цюй-линь, а кераитов–кэ-лэ (хэрэ) [Грумм-Гржимайло, 1926, с. 521]. Таким образом, в документах юаньской эпохи фигурируют два разных народа/эля – кэрэиты (ке-ле) и керей (це-ле).

Рашид-ад-дин утверждал о том, что первоначально родными землями кереитов были Иртыш и Алтай, на основе китайских источников выдвигается версия об их происхождении от канглы и огузов. Известно о тесной, а возможно, и генетической связи канглов с кераитским улусом Тогрул-хана. Представители канглийской знати, например упомянутый в «*Юань-ши»* Кайранбай, служили при дворе кераитских ханов, а китайское сочинение «*Менуэр-шицзы»* прямо пишет об их родстве: «Кераиты были предками канглы. Западные именовались канглы, восточные кераитами» [Кадырбаев, 1990, с. 35–36].

Л.Л.Викторова отождествляла тюрков-шато, название которых с китайского переводится как «ворон», с кереитами, название которых также происходит от монгольского кэрэ – ворон [Викторова, 1980, с. 197]. Саха имели обыкновение перед самым сражением издавать крики ворона с восклицанием «ойдоо, ойдоо» [Ксенофонтов, 1977, с. 207]. Прежде всего, Хара Суорун Улуу Тойон – «Черный Ворон Великий Господин» был покровителем родовых тойонов саха, кангаласский Тыгын за покровительством обращался к нему [Ксенофонтов, 1977, с. 57]. Следовательно, в древности ворон был предком-тотемом некоторых предков саха, как и кереитов. В то же время нельзя не заметить, что Е.И.Кычанов кереитов, как и найман, относит к племенам «кыргызского великодержавия».

Имена и титулы кереитских правителей являются тюркскими. Тогрул – это монголизированная форма тюркского имени Тогрил. Отец и дед Тогрула носили тюркский титул «буйрук» («командир»), титул кереитской принцессы, Докуз-хатун – тюркский, так же как титул «Желтый Хан», под которым одни из кереитских лидеров был известен. Указание Рашид-ад-дина, что первоначально родными зем-

лями для кереитов были Иртыш и Алтай намекает на происхождение кереитов от распавшегося Кимакского каганата. Эти территории были заселены киргизами до того, как их оттуда вытеснили найманы. Поэтому не исключается возможность того, что часть киргизов двинулась на восток из-за атак найманов, хотя основная часть племени была отброшена назад на Енисей [Paul Ratchnevsky, 1999].

По мнению Г.Дерфер, человек с титулом буюрук стоял на вершине «общегосударственного правительственного кабинета» и применялся к должности – премьер-министр, великий визирь, рейхсканцлер. Однако он считал, что буюрук, кроме того, «обозначал в общем плане всех членов министерской коллегии». По китайским источникам, буюруки командовали войском кагана, поэтому пользовались очень большим влиянием, оттесняли каганов и даже захватывали престол [Угдыжеков, 2006, с. 96].

Первые сведения о кереитах дает арабский историк Абуль Фарадж, который пишет о том, что царь кереитского народа обратился в 1007 г. к несторианскому митрополиту Ебед-Иещу в г. Мерве (одном из городов Хоросана) с просьбою принять его в христианскую веру вместе с народом, насчитывавшем 200 тысяч человек. Считается, что кереиты были обращены в несторианство вскоре после 1000 при обстоятельствах связанных с сирийским летописцем Бар Эбраусом (Bar Hebraeus). Хан кереитов, который заблудился в степи, был спасен, как сказано, видением Святого Саргиса (Сергия) (Sargis, Sergius). В XII в. члены кереитской королевской семьи продолжали носить христианские имена. Этот факт явился источником на Западе легенды о пресвитере Иоанне, по другим источникам относящейся к негусу Эфиопии. За два поколения до эры Чингиз-хана их хан, который называл себя Маргуз (т.е. Маркус, Марк) Буйрук, по-видимому, стремился к гегемонии над восточной Гоби, как и татары и чжурьчжэни. Но, победившие его татары отдали его в руки Цзинь, которые по своему обычаю приколотили его, как и вождей монгольского племени, гвоздями к деревянному ослу [Рене Груссе. «Империя степей», с. 203-204].

Таким образом, получается, что кереи были как в составе сибирских татар и казахов, так и в составе ойратов. Возможно, поэтому ойраты вынуждены были прикочевать к своим соплеменникам – кереям Сибирского ханства, когда последние были устранены от власти в Сибири шейбанидами в начале 80-х годов XVI в.

Согласно источнику калмыков «Шара Туджи» ойраты делились на 6 омоков: Чорос, Дэрбэт, Хэрэит, Уджиэт, Хошоут, Багатут. Известно,

что и торгоуты ведут свое происхождение от кереев Тугрул-хана. По данным монгольских, ойратских и калмыцких летописей средневековые ойраты-торгоуты Джунгарии и их потомки калмыки-торгоуты Калмыцкого ханства на Волге ведут свое происхождение от кереитов, а родословные таблицы торгоутских ханов и нойонов восходят к Ван-хану кереитскому. Кереиты и меркиты являются одними из древних и постоянных этнических элементов в составе торгоутовского населения Калмыкии. Их отсутствие в этническом составе калмыков-дербетов служит еще одним доказательством того, что именно уцелевшие кереиты и меркиты вошли в состав корпуса «тургаут-кешиктен», поэтому они сохранились в этническом составе ойратов-торгоутов, джунгарских хошоутов и калмыков-торгоутов Поволжья [Авляев, 2002, с. 213-214] .

Одним из самых крупных этнополитических образований в Западной Сибири было объединение тюркоязычных племен на территории Среднего Иртыша, Тобола, Ишима и Туры, в котором главенствующую роль играли кереиты. Это отмечает и один из исследователей родоплеменного состава казахов Среднего жуза М.С.Муканов: «В начале XIII в. кереи бежали в степи Северного Казахстана под ударами Чингисхана..., жестокость монголов вызвала бегство некоторой части кереитов со старых кочевий. Многочисленные роды кереитов двинулись вниз по Иртышу, от его истоков вплоть до реки Оми, оседая в различных местах долины Иртыша, а также на запад, вплоть до кочевий племени аргын и кипчак...» [Муканов, 1974, с. 50].

В начале XIII в. часть кереев (т.е. кереитов) родов Ақсары и Күрсары, преследуемая войсками Чингиз-хана, отошла в северные степи и остановилась в низовьях реки Ишима. Во главе ишимских кереев находился Тайбуга, сын кереитского Ван-хана. С именем Тайбуги сибирские летописи связывают постройку древнего города на реке Туре-Тюмени. В XVI в. имшимские кереи (Тайбугинские, Сибирские) входили в состав Сибирского ханства, а после распада ханства часть их присоединилась к барабинцам и башкирам, но основная масса, вошедшая в состав казахской народности, осталась в Северном Казахстане [Валиханов, 1961, Т.1.]. О том, что роды керей и Уак начали заселять юг Западной Сибири еще в начале XIII в. свидетельствуют и некоторые памятники устного народного творчества казахов Омской области [Кабульдинов, 2001].

По одной из версий «Алтан Тобчи», в состав древнеойратского союза, видимо, входили и кереиты (в тексте – «керед-гуд»). По данным Рашид-ад-дина, кереиты имели в своем составе следующие

племена: кереит, джиркин, конкаит (тунгкаит, донгхаит), сакаит (сахаит), тумаут, албат (элиат, альмат). Таким образом, кереитский племенной союз включал в себя 6 племен, из которых лишь одно сохраняло собственно имя «кереит» и оно же дало название всему союзу. К ним еще следует добавить и род хиркун, причисляемый в монгольских летописях к кереитскому племени. Следовательно, кереиты еще в домонгольский период имели смешанный разнородный состав, в котором собственно кереиты играли доминирующую роль, определив этнический облик кереитского союза в целом.

Часть кереитов после разгрома их монголами была рассеяна среди тюркских народностей и племен, где они со временем ассимилировались. Потомков кереитов видят в носителях этнонимов кирей, герей, гере среди тюркских этносов. Кереиты участвовали в этногенезе многих тюркоязычных этносов – крымских татар, ногайцев, татар, карачаевцев, башкир, казахов, узбеков, киргизов, алтайцев и др. В составе перечисленных этносов присутствует этноним кераит, кирей, гере и т.п.

Кереитское ханство XII в., как найманское и меркитское, нужно отнести к типу раннефеодальных ханств, в которых ещё были живучи родоплеменные пережитки. Сам термин «кереит» (кэрэит, кэрээд и т.п.) в переводе с ойратского (западномонгольского) и калмыцкого языков означает «вороны». Термин этот происходит от ойрат-калмыцкого слова «кэрэ» в значении «ворон», которое во множественном числе оформляется как кереит, кэраат (на халха-монгольском – хэрэит) [Авляев, 2002, с. 104].

Наименования кереитских племен по списку Рашид-ад-дина, видимо, можно сопоставить с уже известными нам племенами предмонгольского времени. Так, племя тумаут из Кереитского ханства напоминает племя тумат XII в. и хори-тумат из «Сокровенного сказания», обитавшее в Восьмиречье (Сегиз-мурен), откуда они, по нашему мнению, были оттеснены пришлыми дербен-ойратами. Название племени сакаит, сахаит созвучно тюркскому этнониму саха или сахалар, вошедшему в самоназвание якутов – урангхай-сахалар. В составе монголов также известны нам племена сакаит и сукан. Среди донских калмыков в станице (аймаке) Зюнгарской имелся ясун сохад. Термин албат или альмат весьма напоминает этноним калмыцкий альмат и казахский албан [Эрдниев, 1980].

По словам Г.Е.Грумм-Гржимайло кераиты становятся широко известными только в начале XII в., хотя, может быть, они уже задолго пред тем занимали покинутую уйгурами центральную часть Халхи.

Первый их государь, попавший на страницы истории, носил имя Мэргуз Буюрук-хана. Он был схвачен татарами, выдан цзиньцам и замучен последними. Ему наследовал его старший сын Худжатур, а от него престол перешел к ван-хану Тогрулу [Грумм-Гржимайло, 1926, с. 521].

Считается, что торгауты и хошауты образовались из воинских частей Чингиз-хана – охраны, гвардии, отборных частей, которые были сформированы из кереев после разгрома Кереитского ханства Тогрула. Здесь имеет место обычная история происхождения народа из войска или из обособленной группы.

Кераиты были частью истреблены, частью распределены между сподвижниками Чингиз-хана – мера, которая должна была бы повести к погибели племени, если бы некоторой его части не удалось спастись бегством; впоследствии эти остатки племени приняли даже участие в коалиции 1204 г. против Чингиза [Рашид-ад-дин, 1952, т. 1, кн. 1, с. 135].

Г.Е.Грумм-Гржимайло находил роды керейт среди кундровских татар и алтайцев, а также кость хиреид у урянхайцев; с другой стороны, однако, среди бурят имеется род убур-кирей, который перекочевал из Халхи в Забайкалье в начале XVIII столетия [Грумм-Гржимайло, 1926, с. 521].

Г.В.Ксенофонтов в свое время отметил потрясающее сходство между библейскими сюжетами и «Эллэйадой» и выдвинул гипотезу о тождественности библейского рассказа об Иакове с якутской легендой об Эллэе. Прежде всего еврейский Иаков тоже имеет престарелого и слепого отца, как и Эллэй якутских сказаний. Затем, как Эллэй, Иаков спасается бегством на чужбину. После этого Иаков, как и Эллэй, служит у богатого Лавана пастухом его стад. У Лавана, как у Омогоя, есть две дочери, из которых Рахиль – красавица, а Лия некрасива и к тому же у нее больные глаза, как и у одной из дочерей Омогоя [Ксенофонтов, архив ЯНЦ СО РАН, ф.4, оп.1, д.80].

Из безусловной древности мотивов «Эллэйады» исключается возможность проникновения в нее библейских мотивов после принятия саха православной веры. Исходя из данных сопоставлений, представляется совершенно не изученной проблема влияния христианства и Библии на становление мировоззрения кочевников Монголии X–XII вв. Так, христианами были кереиты, самое многочисленное и культурное из монгольских племен, христианская идеология была распространена и у найманов, и у каракиданей. Большая часть кочевников, покоренных Чингиз-ханом, так или иначе

примыкала к христианству [Гумилев, 1970, с. 469]. Есть данные, утверждающие о принятии несторианской религии меркитами.

Два пастуха Бадай и Кишлык подслушали разговор одного из военачальников Ван-хана о предстоящем нападении и поспешили сообщить Чингиз-хану [Лео де Хартог, 2008, с. 39]. Имена Бадая и Кишлыка сохранились в названиях ногайских родов бадай и кыслык и аулов Альшин-Бадай и Кислык Едисанской орды на Молочных водах, откуда ногайцы ушли в 1860 г. в Турцию. Если этноним бадай сохранился только у ногайцев, то этноним кышлык, кроме ногайцев, представлен еще в этнонимии дештикипчакских узбеков и узбеков-кураминцев. Кураминский этноним отражен в названии кишлака Кишлык в Камашинском районе Кашкадарьинской области.

Носители этнонима кышлык считают своим предком и эпонимом племени историческое лицо – Кышлыка, который вместе с Бадаем, будучи табунщиками правителя кереитов Онг-Хана, предупредили Чингиз-хана о заговоре против него их хозяина, за что благодарный Чингиз-хан сделал обоих тарханами и старшими эмирами, о чем рассказывают «Сокровенное сказание монголов» и историк Рашид-ад-дин [Бушаков, 1974].

Русские документы XVII в. наряду с кыргызами постоянно упоминают племя кереитов (керетцов). Н.Н.Козьмин кереитов ошибочно отождествлял с езерскими кыргызами. Однако кереиты не являлись езерскими кыргызами. Так, по документу, обнаруженному В.К.Чертыковым, кереиты не подчинялись езерским и тубинским князьям. Езерцы на протяжении всего XVII в. жили обособленно от кереитов. Кереитские князья считались данниками Тайчин-нояна, брата Алтын-хана. На протяжении всего XVII в. они проживали на устье р. Абакан. Таким образом, нет оснований отождествлять кереитов с езерцами и считать их «за особливый род тувинцев». Кереитов также нельзя считать за кыргызское племя. В документах они обычно упоминаются в качестве «кереицких татар», но не кыргызов. На Алтае имелась одноименная Керецкая волость, платившая ясак в Кузнецк. Чертыков предполагает, что после поражения от Темучина небольшая часть кереитов оказалась на Абакане и на Алтае. В последний раз кереиты упоминаются в кыргызской земле в начале XVIII в. Вероятно они были выселены вместе с кыргызами в Джунгарию в 1703 г, так как служилые люди, придя в устье Абакана в 1707 г., кереитов там не обнаружили [Чертыков, 2007, с. 50-52].

Когда Чингиз-хан воевал с тайджиутами, к нему присоединились тюркские племена куркан и сакаит (сахаэт, сагаит), позже вошедшие в

состав монголов [Рашид-ад-дин, 1952, т.1, кн.1, с. 125]. От этих сагаит, возможно, произошли сагайцы – хакасское племя. Таким образом, существовало отдельное тюркское (омонголенное) племя саха, сакаит, возможно, осколки племени теле секйе (согэ, сыгйе), представленные в родоплеменном составе туркмен (сака, сахгар) и алтайцев (сагат, сакал), кыргызов (саке, сака), вошли в качестве отдельного племени в состав кереитского объединения.

В летописи Рашид-ад-дина есть сведения о тюркском племени сакаит, входившем в состав монголов и кереитов. Итак: «Племя сакаит. В то же время, когда у Чингиз-хана были усобища и распря с племенами тайджиутов, это племя присоединилось к Чингиз-хану, и тем прибавилось его войско. Повествование о них приведено в каждой летописи. Однако из этого племени ни в то время, ни ныне никто не известен, кто был бы знаменит и уважаем» [Рашид-ад-дин, 1952, т.1, кн.1, с. 125].

В 1920-1930-х годах развернулась на страницах печати и научных трудов острая заочная дискуссия между казахским историком М.Тынышпаевым, П.А.Ойунским и Г.В.Ксенофонтовым. В труде казахского историка М.Тынышпаева есть сведения о племени кереит, в состав которого входили и сакаиты: «По данным монгольского историка Санан-Сесена (см.: Говорт Г. «Чингисхан») монголы во времена Чингиз-хана делились на 3 группы: 1) еке-монгол (великие монголы), 2) су-монголы или татары (мангыт, унгут, чурчыт); 3) кереи. Н.А.Аристов утверждает, что керей как народ упоминается в китайской истории в IX в. Из местностей с именем керей известен приток р. Уда на северном склоне Саянских гор… По рекам Абакан и Юс, составляющих притоки р. Енисей, проживает племя саха, которых русские прозвали сагайскими татарами… Из сопоставлений непосредственно явствует, что нынешние черневые и сагайские татары, урянхайцы, каракасы и наши кереи – осколки когда-то многочисленного и сильного племени керей, которое в самом начале происходило от гуннов, т.е. тюрков, и с течением времени омонголилось. Далее Д.А.Кочнев говорит, что якуты сами называют себя саха, производят себя от сагайских татар» [Тынышпаев, 1925, с. 14].

Казахский историк подобное совпадение преданий пытается объяснить происхождением предков саха от кереитов, в состав которых и входило племя сахаэт. Тем более в Лепсинском уезде обитало племя керей, которых считают потомками кереитов. Так, он пишет: «Когда-то сильное и многочисленное племя (в X веке по Харузину было около миллиона душ), жившее во время походов

Тимура (1370–1390 гг.) сплошной массой на большой территории, по-видимому, в 1400–1410 годах пережило сильнейший погром и бежало – большая часть на Алтай (черневые, сагайские татары, карагасы и далее якуты), а меньшая часть бежала на запад к аргынам. Очевидно, эти последние беженцы привезли с собою рассказы о Козы-Корпеше и Баяне... В войнах Мухаммед-Шейбана упоминается племя Сахиот, очевидно, керей, которое так и осталось среди узбеков» [Тынышпаев, 1925, с. 14].

Кереитскую версию происхождения саха подхватил П.А.Ойунский, написавший в 1926 г. статью в журнале «Чолбон» о происхождении якутов. По мнению П.А.Ойунского, саха нашли свою родину после того, как джунгары (ойраты) истребили кереитов. Это произошло где-то в XV в. Родичи кереитов – сахалар разделились на три группы. Саха-якуты после скитаний в Монголии и вокруг Байкала попали в Якутию. Подтверждением этому служит большое количество бурятских и монгольских слов в языке саха, приводимых автором в статье. Также Платон Алексеевич находит параллели с монголами в материальной культуре и в мифологии. Он считает, что кереиты, в их числе сахалар, – тюрки, попавшие под господство монголов. Они были участниками всех войн во времена правления хана Угэдэя и его внука Хайду. Названия Чынгыс-хаан и Одун-хаан в якутском фольклоре – имена реальных исторических личностей, а не божества. В лице Сээркэнэ Сэһэнэ, героя мифов саха, он видит монгольского летописца Санана Сецена. В качестве племени, изгнавшего предков саха Ойунский видит воинственное племя ойратов, названия которых торгоут и олет получили нарицательные названия в якутском языке «торгон» и «илээт», имевшие отрицательное значение [Ойунский, 1926].

Проблему происхождения саха от этого монгольского племени рассмотрел в неопубликованном II томе своей работы «Ураангхай-сахалар» Г.В.Ксенофонтов. Но он пришел к выводу о невозможности происхождения народа саха от этого крайне малочисленного, к тому же чисто монгольского племени. Так он писал: «В секретной истории династии Чингис-хана, при описании провозглашения Темучина царем с новым титулом “Чингисхан” в числе многих родов, принимавших участие в этом событии, упоминаются «люди из рода сахаит», а также «из рода урянха». Часть монгольского отряда, в его составе и предки сагайцев, была оставлена в Минусинском крае для удержания кыргызов в повиновении. Сравнительно легко и просто устанавливается, что минусинские родичи якутов не коренные обитатели своей теперешней родины, а позднейшие пришельцы из

монгольских степей или, даже еще точнее, из бассейна р. Толы. Племя же саха-якуты в целом, в эпоху образования империи Чингис-хана, уже обитало в пределах своей современной родины. Поэтому все шумные события общечеловеческой истории, связанные с именем Чингисхана, остались вне кругозора якутов и не отразились в их сознании. Принимать сахаит монгольской истории за основное ядро современных «Саха» – якутов, конечно, не приходится. Сахаиты принадлежат к явным сторонникам монгольского Темучина и раньше всех прочих кераитских родов переходят на его сторону и принимают участие в избирании его царем над всей Монголией. Если бы в такой роли выступали саха-якуты в целом, то было бы совершенно непонятно их позднейшее бегство на крайний север. Кроме того, сахаиты монгольских степей, по-видимому, были очень малочисленны, ибо его люди в составе войск Чингис-хана не могли образовать один тумень [Ксенофонтов, архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 7, ед. хр. 11, л. 1].

В состав калмыков входил род соха-сохад, имя которого отождествляется с саха [Эрдниев, 1980, с. 32, 69]. Здесь следует привести тот факт, что в генезисе позднеойратского объединения активное участие принимали остатки кереитов, у которых имелось племя под названием сахаэт [Авляев, 1994, с. 88–89, 134]. Данное племя можно увидеть в роде саху – каракалпакского племени ашамайлы, считающемся частью кереев [Жданко, 1950, с. 122]. Н.А.Сердобов утверждал, что тувинцы, хакасы, саха имеют общие этнические корни через кереев, исходним местом обитания которых были Восточные Саяны. Сам он считал тюркизм первичным явлением в формировании кереитов [Сердобов, 1971, с. 125–127].

Таким образом, кереиты являются загадочным племенем, этническая принадлежность которого неясна и вряд ли когда-нибудь станет известным. Скорее всего, кереиты также состояли из племен разного происхождения, объединенных фактом принятия несторианского христианства в качестве государственной религии. Также неясен и вопрос об их потомках. Считать ли казахских кереев, крымских Гереев, хакасских и якутских саха-сагай, бурятских тункинцев, сибирских тайбугидов их прямыми предками – все это является вопросом дискуссионным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В истории изучения истории средневековых народов Центральной Азии имеется много белых пятен. В основном изучаются государствообразующие этносы, образовавшие мощные имперские структуры: монголы, древние тюрки и уйгуры, кыргызы, жужане и сяньби, огузы и кидане. Племена, поглощенные этими кочевыми образованиями, зачастую остаются без внимания. Во многих случаях игнорируется их отдельная этническая принадлежность, они без серьезного доказательства включаются в состав титульных этносов Центральной Азии: древних тюрков и уйгуров, кыргызов и монголов.

К тому же не утихают научные споры по поводу этнической принадлежности кереитов, найманов, меркитов, татар и байаутов. В составе как монголоязычных, так и тюркоязычных народов есть племена с такими названиями, что позволяет относить тех и других к тюркам и монголам.

Глубоко в окраинах Центральной Азии формировались племена, потом широкой волной прокатившие от Монголии до Дуная. В ее недрах возникали новые этнические формирования, выталкивавшие остатки прежних ее обитателей на окраины. Так этническая картина Центральной Азии менялась не раз. Объектом нашего изучения стали племена Центральной Азии, принимавшие самое активное участие в этногенезе Дештикыпчакских кочевников. Они образовали вместе с пришедшими с территории Забайкалья и Монголии тюрко-монгольскими племенами государство Золотой Орды, после ее распада вошли в состав новых тюркоязычных народов: казанских, сибирских и крымских татар, казахов, каракалпаков, узбеков, башкир, карачаево-балкарцев и кумыков.

Предки кыпчакских племен сформировались из племен входивших в состав Тюркского и Уйгурского каганата. Кимакский каганат явился продолжателем Тюркского и Уйгурского каганата. Хотя племя кимак С.М.Ахинжанов считал монгольским по происхождению, йемеки (яньто) и байси (белые урянкайцы) принадлежавшие к *теле* вполне вероятно являются их предками. Этноним кыпчак выступает как нарицательное название диких, кочевых племен, а не как имя отдельного племени с древней историей. Безусловно, самое активное участие в формировании кыпчаков как этноса принимали кимаки, западные кыргызы, басмылы, карлуки и т.д. Поэтому подробное внимание уделяется происхождению загадочного племени бома-алатов, потомками которых являются не менее загадочные басмылы.

В XI–XII вв. происходили отдельные перемещения племен из территории Забайкалья и Монголии в западные, кыпчакские степи. Так племя байаут сумело установить свою власть над частью кыпчакских племен, восприняв династийное имя Эльбури-Ильбари. В состав кыпчакских племен также входили барку, в которых видят забайкальских баргутов. Поэтому кыпчаки еще в домонгольский период представляли собой конглемерат разнородных племен. Отдельно от них иногда упоминаются как отдельный народ канглы. В них видят потомков печенегов – отуреченных потомков древних ираноязычных племен на территории Казахстана, смешавшихся с кыпчаками. В нашем труде они представлены как потомки древних тюркоязычных кочевников Центральной Азии гаогюйцев.

В результате этнических контактов между тюрками и монголами в XI в. на территории Монголии образовался союз татарских племен, известный как «цзубу». Потом татарские племена разделились на «белых», «черных» и «диких». Из объединения цзубу возникли Татарский, Найманский, Кереитский улусы. Можно предполагать, что в их составе было немало тюркоязычных, большая часть кочевников Монголии обозначаемых тогда словом «татары», возможно, была тюркоязычной. В массовом переселении монгольских племен, объединенных Чингиз-ханом, на запад в основном участвовали тюркоязычные племена найманов и кереитов, это способствовало их быстрому слиянию с кыпчакскими племенами.

Возвышение Чингиз-хана и возникновение Монгольской империи ознаменовало под собой разрушение старых племенных структур и включение их в состав Великой Монгольской нации. Постольку монголоязычные кочевники Монголии тюркам ранее были известны под именем татар, то завоевателей продолжали именовать не просто монголами, а татаро-монголами. К тому же значительная часть населения Монголии дочингизхановского периода, разгромленные Чингиз-ханом, перекочевали на запад в XIII в., где они, смешавшись с кыпчаками, дали начало золотоордынским татарам. Поэтому изучение этнической истории племен Центральной Азии домонгольского периода является одной из актуальных задач при изучении средневековой истории государств Центральной Азии. Остатки этих кочевых племен активно участвовали в этногенезе большинства как тюркских, так и монгольских племен.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР – Академия наук СССР

БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН

ВСОИРГО – Восточно-Сибирское отделение Императорского Российского Географического общества

ИАэТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН

ИГТУ – Иркутский государственный технологический университет

ИИАЭ АН Каз. ССР – Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР

КТб – Кюль-тегин бичик

БГб – Бильге-каган бичик

ЛГУ – Ленинградский государственный университет

НИИЯЛИ – Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории Сибирского отделения РАН

РАН – Российская академия наук

СПб ИВ РАН. – Санкт-Петербургский филиал Института Востоковедения РАН

СА – Советская археология

СО РАН – Сибирское отделение РАН

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет

ССМ – Сокровенное сказание монголов

ЯНЦ СО РАН – Якутский научный центр Сибирского отделения РАН

ЛИТЕРАТУРА

Абаев Н.В. Ранние формы религии и этнокультурогенез тюрко-монгольских народов: Учебно-методическое пособие. – Кызыл, 2005.

Абдуманапов Р.А. К вопросу происхождения кыргызского племени кангды // Известия Томск. политехн. ун-та. Тематический выпуск «Сибирь в евразийском пространстве» / Под ред. Л.И. Шерстовой. – Томск, 2002. – Вып. 7 – С. 3–19.

Абульгази. Родословное древо тюрков / Пер. Г.С. Саблукова. – Казань, 1906.

Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа. – 2-е изд., перераб. и исправл. – Элиста, 2002 [1994].

Айдаров Г.П. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. – Алма-Ата, 1971.

Алексеев А.Н. Древняя Якутия. Железный век и эпоха средневековья. Серия: История и культура востока Азии. – Новосибирск, 1996. – С. 31–67.

Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. – Иркутск, 1941.

Аманжолов С.А. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. – Алма-Ата, 1959.

Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племён и народностей // Живая старина, вып. III–IV. – СПб., 1896.

Ахинжанов С.М. Об этническом составе кипчаков средневекового Казахстана // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата, 1976. – С. 81-93.

Ахинжанов С.М. Этнонимы «кимак» и «кипчак» // Археология эпохи камня и металла Сибири. – Новосибирск, 1983. – С. 106-122.

Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – Алма-Ата, 1989.

Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVII – сер. XIX в.). – М., 1956.

Бернштам А.Н. Заметки по этногенезу Северной Азии // Советская этнография. – 1947. – С. 60-66.

Бернштам А.Н. Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии // Советская этнография. – 1947. – Вып. VI–VII. – С. 148-158.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л., 1950. – Ч. I.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена – Т.3. – М.; Л., 1953.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.III. – М.; Л., 1953. [Электронный ресурс] Библиотека сайта «Восточная литература». Режим доступа: www.vostlit.info

Боло С.И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену / По преданиям якутов бывшего Якутского округа. – Якутск, 1994.

Боровкова Л.А. Царства «западного края» во II–I веках до н.э. (Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу»). – М., 2001.

Бураев А.И. Кочевые народы Циркумбайкалья по данным антропологии // Социогенез в Северной Азии. – Иркутск, 2005. – Ч.1.

Бурыкин А.А. Историко-этнографические и историко-культурные аспекты исследования ономастического пространства региона (топонимика и этнонимика Восточной Сибири). – СПб., 2006.

Буряты. – М., 2004.

Бутанаев В.Я., *Бутанаева И.И.* Мир хонгорского (хакасского) фольклора. – Абакан, 2008.

Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Хакасский исторический фольклор. – Абакан, 2001.

Бушаков В. Чингисхановы нойоны Бадай и Кишлык и ногайские этнонимы Бадай и Кишлык // Известия крымского республиканского краеведческого музея. – 1974. – №6. – С. 74-76.

Вайнштейн С.И. Происхождение саянских оленеводов // Этногенез народов Севера. – М., 1980.

Василевич Г.М. Уранкаи-эвенки: Доклады по этнографии. – Л., 1966.

Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). – М., 1969.

Васильев В.П. История и древности восточной части Средней Азии // Труды вост. отд. император. археол. общ-ва. – СПб., 1859. – Ч. IV. – С. 31-32.

Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов. – Якутск, 1995.

Викторова Л.Л. К вопросу о расселении монгольских племен на Дальнем Востоке в IV в. до н.э. – XII в. н.э. // Ученые записки Ленингр. ун-та. – 1958. – №256. Серия восточных наук. Вып. 7 – С. 41-67.

Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. – М., 1960.

Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.). Исторический очерк. – М., 1975.

Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов. Средний жуз. – Алма-Ата, 1968.

Гоголев А.И. Якуты (Проблемы этногенеза и формирования культуры). – Якутск, 1993.

Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. – Л., 1926. Т. II.

Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. – СПб., 1994.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М., 1993а.

Гумилев Л.Н. Три исчезнувших народа // Страны и народы Востока. – М., 1961. – Вып. II. – С. 103–113.

Гумилев Л.Н. Тысячелетия вокруг Каспия. – М., 1993б.

Гумилев Л.Н. Хунну. – М., 1960.

Дашибалов Б.Б. Археологические памятники курыкан и хори. – Улан-Удэ, БНЦ СО РАН, 1995.

Дашибалов Б.Б. Истоки: от древних хори-монголов к бурятам: Очерки. – Улан-Удэ, БНЦ СО РАН, 2003.

Дашиева Н.В. Медведь – тотем народов Алтайской языковой семьи // В мире традиционной культуры бурят. – Улан-Удэ, 2006. – С. 151-168.

Деревянко Е.И. Мохэские племена Среднего Амура. – Новосибирск, 1975.

Доманин А.А. Монгольская империя Чингизидов. Чингисхан и его преемники. – М., 2005.

Дугаров Д.С. Исторические корни белого шаманства на материале обрядового фольклора бурят. – М., 1991.

Дыренкова Н. Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. – Л., 1926. – С. 247–259.

Дьякова О.В. Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока.– Владивосток, 1993. – Ч.1.

Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. – М., 1980.

Жданко Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. – М.; Л., 1950.

Залкинд Е.М. Древние народы китайских хроник и эвенки. Хунну, дунху, сяньби, шивэй (обзор теорий) // Советская этнография. 1937. – С. 51-67.

Золотая Орда в источниках: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, в переводах В.Г. Тизенгаузена / Составлен

Р.П. Храпачевским. – Т.1. Арабские и персидские сочинения. – М., 2003.

Зориктуев Б.Р. Об этническом составе населения Западного Забайкалья и Предбайкалья во второй половине I – первой половине II тыс. н.э.// Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1993. – С.127-129.

Зориктуев Б.Р. Прибайкалье в середине VI – начале XVII вв. – Улан-Удэ, 1997.

Зуев Ю.А. Древнетюркские генеологические предания как источник по ранней истории тюрков: Авторреф. дис…канд. ист. наук. – Алма-Ата, 1967.

Зуев Ю.А. Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам // Труды ИИАЭ имени Ч.Валиханова АН Казахской ССР. – Алма-Ата, 1962. – Т.15 – С. 107-116.

Зуев Ю.А. Киргизы-буруты. (К вопросу о тотемизме и принципах этнонимообразования) // Советская этнография. – №4. – 1970.

Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы, 2002.

Зуев Ю.А. Тамги лошадей из вассальных княжеств (Перевод из китайского сочинения VIII – X вв. Танхуйяо, т. III. Цзюань 72, с. 1305-1308): Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана // Труды ИИАЭ АН Каз. ССР. – Т.8. – Алма-Ата, 1960.

Зыков Ф.М. Традиционные орудия труда якутов (XIX – начало XX века). – Новосибирск, 1989.

Зыков Ф.М. Ювелирные изделия якутов. – Якутск, 1976.

Иванов М.С. Дойду сурахтаах, алаас ааттаах (Топонимы Якутии). – Якутск, 1982.

Иванов М.С. Ис иһигэр киирдэххэ (Размышления об истоках языка). – Якутск, 1988.

Иванов М.С. Топонимика Якутии: Краткий научно-популярный очерк. – Якутск, 1985.

Иванов Н.М. Монголизмы в топонимии Якутии. – Якутск, 2001.

Илюшенко С.И. К вопросу о нахождении и культурной принадлежности алатов во второй половине I тыс. н.э. // Древний и средневековый Восток. – М., 1985. – Ч.1. – С. 127-138.

Илюшин А.М. Бома на территории Кузнецкой котловины по письменным и археологическим источникам // Краеведение Сибири. История и современные проблемы. Тез. регион. науч.-практич. конф. – Кемерово, 1999. – С. 19-21.

Илюшин А.М. Загадочная страна «Бома» раннего средневековья (по письменным и археологическим источникам). [Электронный ресурс] – Древности Алтая – элект. публ. № 11. http://e-lib.gasu.ru/da/archive/2003/11/10.html

Исторические предания и рассказы якутов. Ч.1. – М.; Л., 1960.

Кабульдинов З.Е. Фольклор казахов Западной Сибири как исторический источник // Исторический ежегодник. – Омск, 2001.

Кадырбаев А.Ш. Канглы: племя или государство? // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. – М., 1986. Материалы XX годичной научной сессии ЛО ИВ АН СССР. Ч.1. 1985.

Кадырбаев А.Ш. Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII-XIV вв. – Алма-Ата, 1990.

Кайдаров А.Т. К историко-лингвистической характеристике канглы (кан) // Тюркская ономастика. – Алма-Ата, 1984.

Каржаубай Сарткожаулы. Обьединенный каганат тюрков в 745-760 годах. – Астана «Фолиант», 2002.

Карпини Плано Дж. Дель. История монголов. Г. де Рубрук. Путешествие в восточные страны. – 4-е изд. – М.: Мысль, 1997.

Кейметинов В.А. Аборигенная (эвенская) топонимика Якутии. Ч.1. – Якутск, 1996.

Керейтов Р.Х. Этническая история ногайцев. – Ставрополь, 1999.

Кляшторный С.Г. Кангюйская этно-топонимика в орхонских текстах // СЭ. № 3., 1951. – С. 55-59.

Кляшторный С.Г. Девятая надпись с Уйбата // Советская тюркология, 1987. № 1.

Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. – М.: Наука, 1964.

Кляшторный С.Г. Кыпчаки в рунических памятниках // Turcologica. – Л., 1986.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. – СПб.: Изд-во «Фарн», 1994.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.

Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. – СПб., 2003.

Книга Марко Поло. – 4-е изд. – М., 1997.

Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Монгольский обыденный изборник / Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. Т.1. – М.; Л., 1941.

Комментарии о шивеях в книге. Е Лун Ли. История государства киданей. Глава 26. (комментарии) [Электронный ресурс] Сайт «Восточная литература». Сведения из «Бей-ши» – гл. 94, л. 21а–23а. Режим доступа: www.vostlit.info.

Ксенофонтов Г.В. Ураанхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. Т.1, кн. 1. – Якутск, 1992.

Ксенофонтов Г.В. Второй том «Ураанхай сахалар» // Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 7, ед. хр. 11, л. 1.

Ксенофонтов Г.В. Материалы к II Тому «Ураанхай-сахалар» // Архив ЯНЦ СО РАН, ф.4, оп.7, ед.хр.32.

Ксенофонтов Г.В. Первобытная пастушеская Библия у якутов» // Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 4, оп.1, д. 80.

Ксенофонтов Г.В. Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. – Новосибирск, 1977.

Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. – М., 1974.

Кумеков Б.Э. Арабские источники по истории кыпчаков, куманов и кимаков XIII – начала XIII вв: // автореферат. … д-ра ист.наук. – СПб., 1994.

Кумеков Б.Э. Государство кимаков IX–XI веков по арабским источникам. – Алма-Ата, 1972.

Кумеков Б.Э. Об этническом составе кыпчаков XI – начала XIII вв. по арабским источникам // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. – 1990. – Вып. II. История и археология. – С.121-124.

Кызласов И.Л. Земледельческое жертвоприношение древнехакасской общины // Советская тюркология. – 1987. – №1. – С. 21-32.

Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века: Учебное пособие для студентов вузов. – М., 1984.

Кызласов И.Л. Кыпчаки и восстания енисейских племен в XIII в. // Советская археология. – 1980. – № 2. – С. 80-93.

Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. – Красноярск, 1992.

Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. – М., 1997.

Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М., 1961.

Литвинский Б.А. Кангюйско-сарматский фарн. – Душанбе, 1968.

Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. – М.; Л., 1952.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.; Л., 1951.

Малолетко А.М. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Т. 3. Докаганатские тюрки. – Томск, 2004.

Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск, 1989.

Маркварт И. О происхождении народа куманов // Сайт «Великая степь» [электронный ресурс]. Режим доступа: http://steppe.hobi.ru/books/markvart1-00.shtml.

Менгес Карл. Тюркские элементы в «Слове о полку Игореве». – Л., 1979.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Институт этнологии и антропологии РАН. – Т.III. – М., 2005.

Миргалеев И.М. Надпись Аксак Тимура: несколько замечаний по прочтению // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Выпуск 2. – Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2009. – С. 121-127.

Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. Кн. 1. – М.; Л., 1937.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. – М., 2002.

Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии X–XII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. – М., 1981. – С. 190-200.

Молдобаев И.Б. «Манас» – историко-культурный памятник кыргызов. – Бишкек, 1995.

Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего Жуза. – Алма-Ата, 1974.

Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар) / Пер. Ц.Мункуева. – М: Наука, 1975.

Нанзатов Б.З. К этногенезу бурят по материалам этнонимии // Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и модернизации. – Иркутск, 2003. – Вып. 2.

Нанзатов Б.З. Средневековые татары и Приангарье (по данным «Сборника летописей» Рашид-ад-дина) // Чингисхан и судьбы народов Евразии: материалы междунар. науч. конф. (3-5 октября 2002 г.). – Улан-Удэ, 2003. – С. 111-113.

Нестеров С.П. Этнокультурная история народов Приамурья в эпоху раннего средневековья: Автореф. дисс. … д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2001. [электронный ресурс] Режим доступа: http://www.sati.archaeology.nsc.ru/sibirica/

Нимаев Д.Д. Монгольские народы: этническая история и современные этнокультурные процессы. – Улан-Удэ, 2007.

Нимаев Д.Д. Проблемы этногенеза бурят. – Новосибирск, 1988.

Ойунский П.А. Саха уоскээбит тордо // Чолбон. – 1926. – №3-4.

Окладников А.П. История Якутской АССР. Т.1. – М.; Л., 1955.

Окладников А.П. Шишкинские писаницы. Памятник древней культуры Прибайкалья. – Иркутск, 1959.

Павлинов Д.Н., Виташевский Н.А., Левенталь Л.Г. Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. – Л., 1929.

Палладий (Кафаров) Старинное монгольское сказание о Чингисхане // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. IV – СПб., 1866.

Паркер Э. Татары. История возникновения великого народа. – М., 2008.

Петухова З.И., Васильев Ю.И. Логой Тойон // Илин. – 1998. – № 1. – С. .2–7.

Пиков Г.Г. Кидани и Сибирь // Межвузовский сборник научных трудов «Из прошлого Сибири» (Вып. 2, ч. 1). – Новосибирск, 1996.

Плетнева С.А. Половцы. – М., 1980.

Предания, легенды и мифы саха (якутов) / Сост. Н.А.Алексеев, Н.В.Емельянов, В.Т.Петров – Новосибирск, 1995.

Потапов Л.П. Тюльберы енисейских рунических надписей // Тюркологический сборник. 1971. – М., 1972. – С. 145-166.

Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. – Л., 1969.

Поэзия древних тюрков VI–XII веков / Пер. А.Преловского / стих. реконстр., научный перевод, сост., вступ. статья, комментарии И.В.Стеблевой. – М., 1993.

Рассадин В.И. Тюркские элементы в языке «Сокровенного сказания монголов» // Тайная история монголов: источниковедение, филология, история. – Новосибирск, 1995.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. – М.; Л., 1952. – Т.1, кн.1.-2.

Рене Груссе. Империя степей. История Центральной Азии. Перевод с французского В.Мирзаянова [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mirzayanov.com/1048108410871077108810801103108910901077108710771081.html

Родословное древо тюрков / Соч. Абуль-Гази. Хивинского хана; пер. и предисловие Г.С.Саблукова. – Казань, 1914.

Румянцев Г.Н. Происхождение хоринских бурят. – Улан-Удэ, 1962.

Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири. – Кемерово, 1994.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л., 1984.

Савинов Д.Г. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. – Томск, 1979. – С. 53-72.

Савинов Д.Г. Основные этапы этнической истории алатов // Историческая этнография. – Л.,1985. – С. 30-37.

Савинов Д.Г. Расселение кимаков в IX–X веках по данным археологических источников // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата, 1976. – С. 94-104.

Сайшиял. Сказание о Чингисхане. Перевод со старомонгольского Норпола Очирова. Улан Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2006. – 576 с.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков.– М., 1978. – Т. II

Селезнёв А.Г. Барабинские татары: истоки этноса и культуры. – Новосибирск, 1994.

Сердобов Н.А. История формирования тувинской нации. – Кызыл:, 1971.

Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. – М., 1997.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. – М., 1975. – Т.I.

Татаринцев Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. – Новосибирск, 2000.

Тиваненко А.В. Гибель племени меркитов. – Улан-Удэ, 1992.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – СПб., 1884. – Т.1.

Токарев С.А. Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. – Якутск, 1945.

Туголуков В.А. Давние связи тунгусов с тюрками и уграми на Иртыше и Оби // Фольклор, литература и история Востока. – Ташкент, 1984.

Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. – М, 1985.

Туголуков В.А. Этнические корни тунгусов // Этногенез народов Севера. – М., 1980. – С. 152–177.

Толстов С.П. Города гузов // Советская этнография. №3/1947.

Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казахского народа. – Ташкент, 1925.

Тюхтенева С.П. Люди с собачей печенью // Проблемы этногенеза и этнической истории тюрко-монгольских народов. – Элиста, 2004. – С. 31-45.

Угдыжеков С.А. Социальная структура раннесредневековых кыргызов. – Абакан, 2003.

Ушницкий В.В. Происхождение народа саха (по материалам исторических преданий): – Автореф. дисс. … канд. ист. наук. – Якутск, 2004.

Харинский А.В. Предбайкалье в конце. I тыс. до н.э. – середина. II тыс.н.э.: генезис культур и их периодизация. – Иркутск, 2001.

Харинский А.В. Предбайкалье накануне образования монгольского государства // Чингисхан и судьбы народов Евразии… – С. 104-110.

Хартог Лео. Чингисхан. Завоеватель мира. – М., Владимир, 2008.

Хелимский Е. Тунгусо-маньчжурский языковой компонент в Аварском каганате и славянская этимология // Материалы к докладу на XIII Междунар. съезде славистов, Любляна, 15-21 августа 2003. – Гамбург, 2003. Режим доступа: http://altaica.ru

Худуд Ал'Алам // Материалы по истории киргизов и Киргизии. – М., 1973. – Вып. I. – С. 35-45.

Худяков И.А. Верхоянский сборник // Записки ВСОИРГО. – Иркутск, 1890. – Т.1. – С. 54–76.

Худяков Ю.С. О происхождении культуры средневековых кыпчаков // Древности Алтая: Межвузовский сборник научных трудов. – №12 – Горно-Алтайск. Режим доступа: http://e-lib.gasu.ru/da/archive/2004/12/17.html

Цыбенов Б.Д. Происхождение дагуров // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов // Сборник научных трудов. – Элиста, 2008. – Вып. 2. – С. 67-74.

Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. – Улан-Удэ, 1972.

Чертыков В.К. Хакасия в XVII – начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии. – Абакан, 2007.

Шавкунов Э.В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. – Л., 1968.

Шаниязов К.Ш. К этнической истории узбекского народа. – Ташкент, 1974.

Штернберг Л.Я. Культ орла у сибирских народов // Первобытная религия. – Л., 1936.

Эрдниев У.Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. – Элиста, 1980.

Этимологический словарь тюркских языков. – М., 2003.

Юрченко А.Г. Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 г. – СПб., 2002.

Яйленко В.П. Миграция кунов-курыкан из Южной Сибири в Поднепровье в свете письменных и археологических источников // Проблемы археологии Степной Евразии. – Кемерово, 1987. – С. 153-154.

Minorsky V. Hudud al – ‘Alam. London, 1937. [электронный ресурс] Режим доступа: http://odnapl1yazyk.narod.ru/

Paul Ratchnevsky «Genghis Khan – His Life and Legacy», translated and edited by Thomas Nivison Haining, Blackwell, Oxford UK & Cambridge, Massachusetts, USA, 1999. [электронный ресурс] Режим доступа: http://www.imperialchina.org/Mongols.shtml#mengwu

Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Dritte Lieferung, St.-Pbg., 1895.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово редактора 3

Введение 7

Глава 1. Племена Центральной Азии в древнетюркский период

Этнические названия в рунических надписях..... 14

Загадка племени бома (алатов): к вопросу о прибайкальской локализации этноса..... 22

Глава 2. Кыпчакские степи X–XIII вв.

Проблема происхождения средневековых кимаков..... 30

К проблеме происхождения средневековых кыпчаков..... 38

Глава 3. Выходцы с территории Монголии

Канглы – потомки древних Гаогюй..... 47

Исчезнувшее, но столь знаменитое племя (татары в исторических сочинениях и в преданиях саха)..... 53

Глава 4. Племена Забайкалья: спор об этнической принадлежности

Исчезнувшее племя меркитов (мекритов): к вопросу их происхождения и истории..... 64

Байауты и баргуты как потомки древних байырку..... 76

Глава 5. Тюрко-монгольские народы Монголии XII века

Найманы: тюркское или монгольское происхождение?..... 82

Кереиты: история одного племени Центральной Азии..... 88

Заключение..... 101

Список сокращений..... 103

Литература..... 104

Ушницкий Василий Васильевич

Средневековые народы Центральной Азии (вопросы происхождения и этнической истории тюрко-монгольских племен)

Научное издание

Оригинал-макет – *А.Р.Тухватуллина*
Корректор – *Л.М.Самуйлина*
Подписано в печать 1.10.2009 г. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$
Усл. печ. листов 7,25 Тираж 300 экз.

ISBN 978-5-9690-0112-1

Отпечатано в ООО «Фолиантъ»
г. Казань, ул. Дементьева, 1А